

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (35)
2010

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Рыер Я.Р. – (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар М.С. Сташкевіч (Мінск)
д-р гіст. навук дацэнт І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

ЗМЕСТ

БОНДАРЕНКО К.М. Современная отечественная историография монархического движения в России и Беларуси начала XX века	4
РИЕР Я.Г. Об особенностях Запада и Востока Европы в Средние века: заметки на полях новой книги о Золотой Орде	15
МОРОЗЬКО Е.В. Материальное содержание приходского духовенства Минской православной епархии во второй половине XIX – начале XX в.	27
БУРАКОВ В.Н. Ограничение права пользования жилой площадью в Белорусской ССР в 1920-е гг.: историко-правовой аспект	32
МОРОЗОВА О.П. Музыкальные учебные заведения в Могилеве в конце XIX – начале XX века	39
ГОЛОВАЧ Е.И. Аграрный вопрос и проблема народного образования в воззрениях и тактике общества “Крестьянин”	45
ЗАРЕМСКИЙ В.К. Организация работы женщин в почтово-телеграфных учреждениях Российской империи	50
ЕЛОПОВ А.П. Советская эпоха в оценках современных православных авторов	58
РАГАЎЦОЎ В.І. Вербальнае выражэнне камічнага ў п’есе Кастуся Губарэвіча “Брэсцкая крэпасць”	65
ЛАВШУК О.А. Жанровая картина современной русскоязычной поэзии Беларуси	70
ПАЛАДОНАВА Ж.С. Прадметна-рэчыўны свет твораў Я. Коласа і М. Гогаля: некаторыя аспекты мастацкага ўвасаблення	80
ШУБАДЗЁРАВА А.М. Класіфікацыя каламбураў: актуальныя пытанні	84
ЕСИОНОВА Ю.В. Английские реалии в русском переводе романа Э. Бронте “Грозовой перевал”	90
БУБЛІКАВА А.М. Спецыфіка адлюстравання рэчаіснасці ў падзейна-разгорнутых апавяданнях Якуба Коласа 20 – 30-х гг.	95
SUMMARYES	101
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	103

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(470+571)“19”

К.М. БОНДАРЕНКО

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX века

В предлагаемой статье анализируется практически вся известная отечественная литература, посвященная изучению истории монархического движения в России и Беларуси начала XX в. Особое внимание уделяется определению тех проблем темы, которые, так или иначе, получили освещение в работах белорусских историков, а также показывается степень и глубина их исследования.

Статья включает положения, характеризующие авторскую точку зрения на те или иные оценки, выводы и обобщения, представленные в анализируемой литературе. В работе определен круг наименее исследованных вопросов монархического движения в Беларуси, требующих дальнейшего более детального изучения.

Введение

С начала 90-х гг. прошлого века, в связи с развалом Советского Союза и образованием на территориях бывших союзных республик самостоятельных независимых государств, оживает интерес к политической истории, в том числе и к одной из ее составляющих – истории политических партий и движений. Возникает необходимость глубокого, всестороннего изучения и переосмысления опыта их организационного становления и практической деятельности в Российской империи начала XX в. – времени революционных бурь и социальных потрясений.

Основная часть

С появлением в странах СНГ, в том числе и в Беларуси, многопартийности многие молодые политические партии пытались строить себя по образу и подобию своих российских предшественников начала XX ст., часто без учета давно изменившихся реалий общественного бытия. В связи с этим встал вопрос о введении в вузах республики специальных курсов по истории политических партий, преподавание которых потребовало создания учебных пособий, публикации программных документов и проведения отдельных исследований научного характера, прежде всего, по истории политических партий несоциалистической ориентации. Одной из первых работ подобного рода в Беларуси стало учебное пособие для студентов “З гісторыі палітычных партый”, подготовленное группой преподавателей исторического факультета Белгосуниверситета под редакцией В.К. Коршука в 1993 г. [1]. Раздел, посвященный монархическим парти-

ям, был написан И.Ф. Романовским и содержал изложение истории становления организованного монархического движения в России в годы Первой русской революции. Основное внимание в тексте было уделено Союзу русского народа, его программе и важнейшим направлениям практической деятельности. В целом, автор достаточно удачно и доступно скомпоновал имеющиеся к тому времени материалы о правых партиях, хотя в отдельных местах, в его выводах и обобщениях, все еще сохранялись (впрочем, как и у других авторов этого времени) стереотипные оценки и характеристики монархистов, присущие бывшей официальной марксистско-ленинской исторической науке [1, с. 4-14]. В следующем, 1994 г., П.И. Бригадиным, В.К. Коршуком и И.Ф. Романовским было издано очередное учебное пособие для студентов, изучающих историю общественных движений и политических партий, первая часть которого содержала программные документы политических партий Беларуси национально-демократического направления, а вторая – программы крупнейших общероссийских политических партий, действующих на территории белорусских губерний в начале XX в. Составители пособия впервые в белорусской историографии, после 20 – 30-х гг. прошлого столетия, познакомили читателя с текстами устава и программы Союза русского народа (хотя и в сокращенном варианте) и с полной программой Русской монархической партии [2, с. 54-67].

В это же время в г. Гомеле издается комплексное совместное российско-белорусское исследование “Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции” в трех частях под общей редакцией профессора Э.М. Энтина [3]. Авторский коллектив данного пособия под руководством Н.С. Сташкевича и Г.Г. Косарова предпринял попытку (как было заявлено в предисловии ко 2-й части издания. – К.Б.) восполнить отсутствие объективных сведений о белорусских помещичье-консервативных партиях. “История их формирования, идеология и программные установки, – по утверждению авторов, – впервые получают (здесь. – К.Б.) всестороннее освещение и объективный анализ” [4, с. 5]. Изучение опубликованных материалов за 1903 – 1918 гг. позволяет сделать вывод, что авторы вполне успешно справились с поставленными задачами и добились ожидаемых результатов. В разделе, посвященном истории белорусских помещичье-консервативных партий и организаций, содержатся конкретные данные о социально-экономическом состоянии белорусских земель в начале XX в., соотношении противоборствующих политических сил, классовом и социальном составе и содержании белорусского национального движения, а также акцентируется внимание на особенностях зарождения и организации белорусских консервативных политических образований. Подчеркивая необходимость отказа от старых догм и стереотипов, и прежде всего от пресловутого классового подхода в оценках сущности политических партий, авторы вполне справедливо отмечают: “Губительной оказалась и сама целевая установка, исходившая из “общепринятой” классификации (по-видимому, имелась в виду извест-

ная ленинская классификация. – К.Б.) политических партий: помещицы и буржуазные – следовательно, реакционные. Несомненно, консерватизм их политики очевиден. Но разве не очевидно и то, – совершенно справедливо замечают они далее, – что их деятельность была гораздо многограннее и разностороннее, а “избранные методы борьбы за “конституционность власти” не более “насильственные”, чем у тех, кто впоследствии эту власть узурпировал” [4, с. 69]. Далее в разделе приводятся сведения о белорусских консервативных организациях правительственного лагеря, среди которых составители указанного пособия особо выделили общество “Крестьянин”, “Окраинный Союз”, в последствии преобразованный в “Русское Окраинное Общество” и “Белорусское Общество”. Все эти партии придерживались охранительной ориентации и отстаивали традиционную формулу официальной политической доктрины – “самодержавие, православие, народность” [4, с. 71]. Авторы, пожалуй, впервые в отечественной историографии после дооктябрьского периода обратили внимание исследователей проблемы на неоднородный социальный состав консервативных организаций в Беларуси, нарастающую поляризацию политических сил в правительственном лагере и склонность белорусских консерваторов к компромиссу с либералами по рабочему, национальному и особенно аграрному вопросам [4, с. 72-77].

В 1994 г. из печати вышла книга “Палітычныя партыі Беларусі”, представившая читателю историко-документальные, научно-популярные очерки о политических партиях, действовавших в Беларуси в начале XX в., а также некоторые из их программных документов. Наибольший интерес для нас представляет работа Н.С. Сташкевича и И.Ф. Романовского “Помещичье-монархические партии и организации в Беларуси” [5]. В ее основу были положены идеи, ранее поднятые авторами в статье “Манархічныя партыі і арганізацыі на Беларусі” (опубликована в журнале “Веснік БДУ”, 1993, № 2) [6]. В кратком, но достаточно обстоятельном исследовании был показан процесс становления правых союзов и обществ в белорусских губерниях Северо-Западного края, дана сущностная характеристика идеологических воззрений и важнейших программных требований сторонников сохранения в крае традиционных устоев общественного бытия. Авторы впервые обратили внимание интересующихся отечественной историей на наличие в консервативно-монархическом лагере Беларуси таких политических организаций, как общество “Крестьянин”, “Русский Окраинный Союз”, “Русское Окраинное Общество”, “Гродненский русский национальный союз”, “Белорусское Общество”, “Западно-Русское Общество”, которые безо всяких оговорок были отнесены ими к правомонархическим партиям [5, с. 219-223]. Подчеркивая их неразрывную связь с общероссийским монархическим движением, Н. Сташкевич и И. Романовский указывали, что «по существу все они представляли собой ответвление монархического “Союза русского народа”» [5, с. 220], что, как нам представляется, не вполне отвечало реалиям тогдашней действительности.

В анализируемом очерке впервые после многолетнего молчания был поднят вопрос об идеологии “западноруссизма”. Отметив, что ее сторонники в Беларуси, прежде всего в лице монархических образований, “рассматривали белорусский народ как составную часть русского народа, отличавшегося только от него этнографическими особенностями”, и что “Беларусь, как “западная Россия, нераздельно связана с целой “единой великой Россией”, и что белорусы, как одно из славянских племен, органично входят в состав “единого русского народа”, авторы определили эту идеологию как составную часть “идеологической платформы белорусских политических организаций консервативно-монархического лагеря” [5, с. 224]. Вместе с тем Н. Сташкевич и И. Романовский были одними из первых исследователей данной проблемы, которые заметили, что идеология “западноруссизма”, проповедуемая и защищаемая современниками бурных событий тех лет (в лице части белорусской интеллигенции. – К.Б.), имеет двойственную составляющую, что ее носителей и защитников нельзя однозначно записывать в число оголтелых, бездумных русофилов, слепых сторонников “русификаторской” политики царизма. “І хоць яны і былі прыхільнікамі вялікадзяржаўнай ідэі, – приходзяць яны да заключэння ў згаданай вышэй акадэмічнай артыкуле, – аднак у іх дзейнасці і свядомасці выяўляліся дзве сутнасці: адна мясцовая – беларуская і другая – агульнаруская. У гэтым адбілася супярэчліваць ідэалагічнай платформы беларускага палітычнага руху, які прытрымліваўся манархічнай арыентацыі” [6, с. 5].

По примеру Белгосуниверситета спецкурсы по истории общественных движений и политических партий России и Беларуси, как, впрочем, и на всем постсоветском пространстве, становятся своеобразной модой и вводятся в качестве обязательной дисциплины практически всеми историческими факультетами высших учебных заведений республики, а также кафедрами философии и политологии военных вузов. В качестве учебно-методического и, в определенной мере (по причине отсутствия учебников и специальной литературы. – К.Б.), научного обеспечения читаемых курсов в региональных институтах и университетах в массовом порядке издаются методические и учебные пособия, среди которых следует выделить работы К.М. Бондаренко [7], Н.Г. Насенника [8], В.И. Вернигорова [9], Е.Н. Суваловой [10]. Как правило, в этих учебных изданиях содержались разделы, посвященные определению понятия политических партий, их классификации, анализу уставных и программных требований, основных направлений практической деятельности. Во всех пособиях авторы, в той или иной мере, уделяли внимание правомонархическим партиям и союзам, их образованиям в Беларуси. Однако сведения о них носили ознакомительный, в основе своей чисто информационный, характер без развернутого анализа фактического материала и теоретических обобщений. Особое место в ряду оригинальных учебных изданий занимает книга Г.И. Ермашкевича, В.К. Коршука, И.Ф. Романовского “История общественных движений и политических

партий”, вышедшая в 2008 г. в качестве дополнения к учебным пособиям и предназначенная для подготовки студентов к семинарским занятиям, зачетам и экзаменам, а также для углубления знаний по изучаемому курсу. Из 49 вопросов и ответов на них (именно так составлено издание. – К.Б.) 5 отведено монархическому движению. В текстах ответов содержится материал, касающийся времени и причин возникновения важнейших общероссийских монархических партий, их социального состава, программных установок и тактики, а также приводятся сведения о некоторых белорусских правых организациях начала XX в. [11, с. 120-138]. Следует отметить, что, несмотря на определенные упрощения в трактовке отдельных идеологических построений правых образований (скорее всего, это было связано с особенностями избранного жанра повествования и подачи фактического материала. – К.Б.), авторы, на наш взгляд, смогли добиться главного – популяризации среди молодежи доступных знаний по истории правоконсервативного движения в Российской империи начала XX в.

В контексте историографии национального движения в белорусских губерниях в годы Первой русской революции и в межреволюционный период (1908 – 1917 гг.) представляет определенный интерес книга Ф.Ф. Турука “Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов”, вышедшая в Минске в 1994 г. (первое издание появилось в Москве в 1921 г. – К.Б.) Вместе с обстоятельным описанием истории зарождения и развития национального движения за создание белорусской государственности автор дает краткую, но вполне созвучную сегодняшним оценкам характеристику идеологических воззрений и политических целей в деятельности крайне правых российских консервативных и польских клерикально-католических организаций на территории Беларуси в означенные выше годы [12, с. 23-24].

Среди исследований, в которых, в той или иной мере, затрагивались вопросы, связанные с историей национального движения, можно выделить работы В.А. Круталевича [13], Н.С. Сташкевича [14] и И.Р. Кулевич [15]. В них, в разной степени, получили освещение правовые основы становления и развития белорусской национальной государственности, предпосылки и процесс создания политических партий на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в., предпринята попытка подведения некоторых итогов научных исследований по истории белорусского национального движения. Однако наличие в белорусском национальном и политическом движении правых сил в этих работах было лишь обозначено, так как их авторы не ставили перед собой задач обстоятельного изучения данной проблемы.

Результатом возрастающего интереса белорусских историков к правоконсервативным, монархическим партиям, а также необходимости обобщения опубликованного в 90-е гг. прошлого столетия материала стала первая в республике диссертация “Крайне правые организации в Беларуси: формирование и деятельность (1903 – 1914 гг.)”, защищенная в 2001 г.

В.А. Михе́дько [16]. В первом в отечественной исторической науке комплексном исследовании проблемы были поставлены и в меру представившихся возможностей, в связи с открывшимся доступом к архивным документам, рассмотрены многие важные вопросы, связанные с возникновением и деятельностью крайне правых монархических организаций на территории белорусских губерний Российской империи в начале XX в.

В работе всесторонне проанализирована известная автору литература по данной проблематике, включая и труды белорусских историков, занимавшихся и занимающихся изучением общественно-политических движений и политических партий, противостоящих в начале XX в. социал-демократическим и либеральным силам российского общества [16, с. 6-9]. В. Михе́дько, на наш взгляд, обстоятельно рассмотрел социально-экономические и политические предпосылки консолидации правых сил и образования их организаций, что дает возможность последующим отечественным исследователям монархического движения в Беларуси отказать от обращения к данному вопросу, чтобы избежать излишних и ненужных повторений [17, с. 21-29]. Значительное место в диссертации отведено описанию погромов, прокатившихся по белорусским губерниям в 1903 – 1905 гг. Автор совершенно справедливо заметил, что участие в погромах правых сил являлось своеобразной ответной реакцией на рост агрессивности леворадикальных, революционных партий, стремящихся силой низвергнуть привычные для большинства белорусского населения традиционные устои бытия [17, с. 50, 58]. Третья глава рассматриваемого исследования содержит сведения по организационной структуре крайне правых образований, их территориальному размещению, социальному составу и численности. Отдавая должное исследователю за богатый, собранный из различных источников фактический материал, следует все же отметить, что автор, как нам представляется, не совсем обоснованно относит к крайне правым СРН-обновленческий, Русский народный союз имени Михаила Архангела (хотя и называет их “умеренными”. – К.Б.), чьи позиции по отдельным принципиальным вопросам программного характера существенно отличались от СРН (до 1910 г.) и, тем более, от ВДСРН [17, с. 61-62; 18, с. 82-83; 19, с. 440, 442, 449]. В этой же главе анализируются идеологические представления и программные установки крайне правых организаций, а также выделяются некоторые специфические особенности идейных воззрений белорусских монархистов. Как отмечает автор, “эти особенности проявились, прежде всего, в самовосприятии крайне правых в Беларуси, особенно на раннем этапе их существования” [17, с. 70-71]. В отличие от общеимперских крайне правых, которые с гордостью именовали себя “черной сотней”, черносотенцами, белорусские монархисты предпочитали именовать себя исходя из этноконфессионального критерия: “русские люди”, “истинные сыны православной церкви”, “русские патриоты – это все подчеркивало их приверженность традиционным устоям...” [17, с. 71]. Как совершенно справедливо замечает В. Михе́дько, идеологии белорусских крайне

правых были в значительной мере присущи антисемитизм и антипольская, антикатолическая направленность, хотя они и основывались не на религиозных, а на этнополитических, этносоциальных и экономических противоречиях [17, с. 72-74]. В работе содержатся также примеры практической деятельности крайне правых по реализации их идейных и программных установок [17, с. 82-100]. Делая общее заключение по диссертации В.А. Михедько, можно с уверенностью констатировать, что она явилась заметным вкладом в историографию монархического движения на территории Беларуси начала XX в. и во многом способствовала росту интереса к данной проблеме у белорусских историков.

В 2003 г. вышла из печати первая в Беларуси коллективная монография “Русские и белорусские монархисты в начале XX века”, в которой на основе разностороннего фактического материала дан развернутый анализ возникновения, территориального размещения, численности, социального состава, идеологии, программных положений, отдельных сторон практической деятельности общероссийских и белорусских монархических партий, союзов и других правоконсервативных организаций на территории белорусских губерний Северо-Западного края от начала XX в. до свержения царского режима в феврале 1917 г. [20]. Несомненным достоинством работы можно считать обращение ее авторов к исследованию предпосылок, причин возникновения, особенностей организационного построения, агитационно-пропагандистской, благотворительной и культурно-просветительской деятельности местных монархических образований: “Северо-Западного Русского Вече”, общества “Крестьянин”, “Русского Окраинного Союза”, “Белорусского Общества”, Виленского и Минского отделов “Русского Окраинного Общества” и др. Вместе с тем архивный материал, которым располагали авторы книги, не позволил им более детально изучить и проанализировать деятельность белорусских губернских, уездных и сельских отделов и подотделов общероссийских монархических партий: СРН, СРН-обновленческого, Русского народного союза имени Михаила Архангела, Русского Окраинного Общества, ВНС, Западно-Русского Общества и Отечественного патриотического союза.

В последнее десятилетие стали появляться работы, в которых, в той или иной мере, находили отражение отдельные направления деятельности белорусских правоконсервативных сил и их организаций. Так, участие белорусских правых в предвыборной борьбе и деятельности Государственной думы России I – IV созывов нашло освещение в совместной книге Н.М. Забавского и В.С. Путика “Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі” (1906 – 1917 гг.) (1998 г.). Здесь же приведены сведения о депутатах от белорусских губерний и копии официальных документов периода думской монархии в России [21]. Эти же вопросы были всесторонне рассмотрены в монографии Н.М. Забавского “Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906 – 1917 гг.)”. В работе анализируется социально-экономическая и политическая ситуация в Беларуси в период функционирования первого

российского парламента, а также показана деятельность в Думе белорусских депутатов от различных политических партий, в том числе и монархических [22]. Отдельные проблемы истории белорусского дворянства, как одной из категорий социального состава правых партий в Северо-Западном крае, получили освещение в монографии А.П. Жытко “Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861 – 1914 гг.” [23]. Изучению объединительных тенденций в монархическом движении и участию в этом процессе белорусских правых посвящены работы К.М. Бондаренко [24], им же предпринята попытка выявить причины кризиса и политического банкротства правых после поражения революции 1905 – 1907 гг. [25]. Идеология и тактика Русского Окраинного Союза, Русского Окраинного Общества и “Северо-Западного Русского Вече” в Беларуси начала XX в. рассмотрены в статьях Д.С. Лавриновича [26]. Он же обратил внимание и на такую сторону проблемы, как участие в монархическом движении на территории Беларуси старообрядцев [27].

Объектом исследования белорусских историков в последнее время стали отдельные монархические партии и их местные отделы, созданные и действующие на территории Беларуси [28; 29]. Статьи справочного характера по истории ряда монархических партий и организаций в Беларуси содержатся в шеститомной отечественной исторической энциклопедии, вышедшей из печати в 1993 – 2003 гг. [30; 31; 32; 33].

В 2009 г. была опубликована первая и пока единственная в отечественной историографии хрестоматия по истории монархического движения в России и Беларуси в 1905 – 1917 г. [34]. В нее включены полные тексты и извлечения из программных документов, других основополагающих материалов общероссийских монархических партий, имевших свои отделы и подотделы на территории пяти белорусских губерний, а также правоконсервативных союзов и обществ, возникших в это же время в самой Беларуси. Подбор документов той или иной партии предваряется краткой исторической справкой или статьей, как правило, освещающей процесс возникновения, развития и деятельности данной организации вплоть до ее политического краха и ухода с арены политической борьбы.

Заключение

Проведенный выше исторический обзор монархического движения начала XX в. свидетельствует о наличии общих черт, характерных для правых партий как в центре Российской империи, так и на ее окраинах. Не является в этом плане исключением и Беларусь, хотя мы вправе говорить об имеющихся здесь определенных особенностях. Из обзора видно, что, несмотря на значительное количество работ, в которых содержатся данные о белорусских правых, практически отсутствуют исследования обобщающего характера по истории “Северо-Западного Русского Веча”, общества “Крестьянин”, “Русского Окраинного Союза”, белорусских отделов Русского Окраинного Общества, Всероссийского

национального союза, Отечественного патриотического союза и др. По-прежнему остаются слабоизученными и недостаточно разработанными вопросы, связанные с созданием, организационным оформлением и территориальным размещением в белорусских губерниях отделов и подразделов общероссийских и местных правоконсервативных партий и союзов. Требуется дальнейшее изучение и уточнение их количества и численности, вычленение особенностей социального состава и социальной базы монархического движения в Беларуси, идеологических воззрений и программных требований правых. Заслуживает самого пристального внимания исследование практической деятельности монархистов, их участия в избирательных кампаниях в законодательные представительные учреждения, форм и методов агитационно-пропагандистской работы среди населения, устремлений к единению движения. Автор надеется, что эти и другие проблемы найдут определенное решение в дальнейших публикациях по рассматриваемой теме отечественных и зарубежных историков.

ЛИТЕРАТУРА

1. З гісторыі палітычных партый: вучэб. дапаможнік для студэнтаў / У.К. Коршук [і інш.]; пад рэд. У.К. Коршука. – Мн.: Белдзяржуніверсітэт, 1993. – 110 с.
2. Праграмныя дакументы палітычных партый: вучэб. дапаможнік для студэнтаў / П.І. Брыгадзін, У.К. Коршук, І.Ф. Раманоўскі: адказ. рэд. У.К. Коршук. – Мн.: Белдзяржуніверсітэт, 1994. – 100 с.
3. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции / Совместное российско-белорусское исследование: в 3 ч.; под общ. ред. Э.М. Энтина. – Гомель.: Издатель: Белорусское Агентство научно-технической и деловой информации, 1993. – Ч. I. – 184 с.; Ч. II. – 224 с.; Ч. III. – 256 с.
4. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции / Совместное российско-белорусское исследование: в 3 ч.; под общ. ред. Э.М. Энтина. – Гомель.: Издатель: Белорусское Агентство научно-технической и деловой информации, 1993. – Ч. II: У истоков политического противостояния. Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. – 224 с.
5. **Сташкевич, Н.С.** Помещичье-монархические партии и организации в Беларуси / Н.С. Сташкевич, И.Ф. Романовский // Палітычныя партыі Беларусі: дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. – Мінск: Згода, 1994. – 262 с.
6. **Сташкевіч, М.С.** Манархічныя партыі і арганізацыі на Беларусі / М.С. Сташкевіч, І.Ф. Раманоўскі // Веснік БДУ. Серыя 3. – 1993. – № 2. – С. 3-6.
7. **Бондаренко, К.М.** Из истории возникновения и деятельности не proletарских политических партий России: методическое пособие к спецкурсу: в 2 ч. / К.М. Бондаренко. – Могилев: МГПИ им. А.А. Кулешова, 1993. – Ч. I. – 14 с.; 1994. – Ч. II. – 25 с.; **Бондаренко, К.М.** Политические партии России. Конец XIX – первая четверть XX вв.: учеб. пособие / К.М. Бондаренко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – Ч. I. – 172 с.
8. Программные документы политических партий и организаций России: учеб. пособие: авт.-сост. Н.Г. Насенник. – Минск: ГЭНИ ЗАО “Веды”, 1997. – 120 с.

9. **Вернигоров, В.И.** Политические партии и общественные движения в России и Беларуси: вторая половина XIX – первая треть XX века: пособие / В.И. Вернигоров. – Минск.: Амалфея, 2001. – 176 с.; **Вернигоров, В.И.** Политические партии и общественные движения в России и Беларуси: вторая половина XIX – первая треть XX века: пособие / В.И. Вернигоров. – 2 изд. – Минск: Амалфея, 2003. – 176 с.; **Вернигоров, В.И.** Политические партии России и Беларуси: страницы истории: пособие для студентов вузов / В.И. Вернигоров. – Минск: Тесей, 2006. – 416 с.; **Вернигоров, В.И.** Политические партии России и Беларуси: страницы истории: пособие для студентов вузов / В.И. Вернигоров. – 2-е изд. доп. и перераб. – Минск: Тесей, 2008. – 432 с.
10. **Сувалова, Е.Н.** История общественных движений и политических партий: учеб. пособие / Е.Н. Сувалова. – Мн.: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. – 215 с.; **Сувалова, Е.Н.** История общественных движений и политических партий: учеб. пособие / Е.Н. Сувалова. – 2-е изд., испр. и доп. – Мн.: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 216 с.
11. **Ермашкевич, Г.И.** История общественных движений и политических партий: вопросы и ответы / Г.И. Ермашкевич, В.К. Коршук, И.Ф. Романовский. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 224 с.
12. **Турук, Ф.Ф.** Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф.Ф. Турук. – Минск: Картограф. фаб-ка “Белгеодезии”, 1994. – 144 с.
13. **Круталевич, В.А.** На путях национального самоопределения (БНР – БССР – РБ). Серия: Общественно-политические науки / В.А. Круталевич. – Мн.: Право и Экономика, 1995. – 138 с.
14. **Сташкевіч, М.С.** Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX – люты 1917 г.) / М.С. Сташкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3. – С. 18-23; № 4. – С. 13-19.
15. **Кулевіч, І.Р.** Беларускі нацыянальны рух (1902 – 1925): гістарыяграфія праблемы / І.Р. Кулевіч; нав. рэд. І.І. Коўкель. – Гродна: ГрДУ, 2007. – 139 с.
16. **Михедько, В.А.** Крайне правые организации в Беларуси: формирование и деятельность (1903 – 1914 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Михедько. – Минск: Бел. гос. университет, 2001. – 23 с.
17. **Михедько, В.А.** Крайне правые организации в Беларуси: формирование и деятельность (1903 – 1914 гг.): дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / В.А. Михедько. – Минск, 2001. – 134 с.
18. Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы: в 2 т. / Т. II. 1911 – 1917 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 816 с.
19. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1995. – 464 с.
20. **Бондаренко, К.М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века: Монография / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
21. **Забайскі, М.М.** Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906 – 1917 гг.) / М.М. Забайскі, У.С. Пуцік. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1998. – 158 с.
22. **Забайскі, М.М.** Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906 – 1917 гг.) / М.М. Забайскі. – Мн.: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
23. **Жытко, А.П.** Дваранства Беларусі перыяду капіталізму. 1861 – 1914 гг. / А.П. Жытко. – Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2003. – 233 с.
24. **Бандарэнка, К.М.** Удзел беларускіх манархістаў у аб’яднальных з’ездах усерасійскіх манархісцкіх саюзаў і партый (1906 – 1917 гг.) /

- К.М. Бандарэнка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 2. – С. 3-11; **Бондаренко, К.М.** Политические партии России. Конец XIX – первая четверть XX вв. / К.М. Бондаренко: учеб. пособие. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – Ч. I. – С. 53-62.
25. **Бондаренко, К.М.** Причины кризиса и политического банкротства правых партий в России после поражения революции 1905 – 1907 гг. / К.М. Бондаренко // Куляшоўскія чытанні: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. 11 – 12 снежня 2003 г. Тэзісы дакладаў: у 2 ч. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. – Ч. 2. – С. 107-109.
26. **Лавринович, Д.С.** Идеология и тактика Русского Окраинного союза и Русского Окраинного общества в Беларуси начала XX века / Д.С. Лавринович // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: зб. мат. Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Магілёў, 2003. – Частка 1. – С. 151-159; **Лавринович, Д.С.** Идеология и тактика “Северо-Западного Русского Веча” (1905 – 1906 гг.) / Д.С. Лавринович // Беларуская дзяржаўнасць: вопыт XX стагоддзя: матэрыялы Міжнароднай навукова-тэарэтычнай канферэнцыі, 18 – 19 красавіка 2003 г. / БДПУ імя М. Танка. – Мн.: БДПУ імя М. Танка, 2004. – С. 37-38.
27. **Лавринович, Д.С.** Участие старообрядцев в монархическом движении в Беларуси (1905 – 1907 гг.) / Д.С. Лавринович // Старообрядчество как историко-культурный феномен: материалы Международной научно-практической конференции 27 – 28 февраля 2003 г. / ГГУ им. Ф. Скорины. – Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины, 2003. – С. 148-150.
28. **Бондаренко, К.М.** Русское Окраинное Общество: возникновение, политические цели и задачи / К.М. Бондаренко // Романовские чтения: сб. трудов Международной научной конференции 21 октября 2004 года, г. Могилев: под ред. О.В. Дьяченко. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – С. 27-34; **Бондаренко, К.М.** Союз русских людей и Союз Русского Народа на территории Могилевской губернии в начале XX века / К.М. Бондаренко: зб. навук. прац удзельн. IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць”: уклад. І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў: Могилев. обл. укр. тип., 2005. – С. 205-208; **Бондаренко, К.М.** Отечественный патриотический союз в России и Беларуси в 1915 – 1917 гг. / К.М. Бондаренко // Общественное движение и партии в России XIX – начала XX вв.: сб. науч. статей. По материалам VII Международной научной конференции в г. Брянске / Брянский гос. ун-т им. И.Г. Петровского. – Брянск: Курсив, 2006 – С. 60-62; **Бандарэнка, К.М.** “Русское Собрание” і яго Віленскі аддзел у гады першай рускай рэвалюцыі / К.М. Бандарэнка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 1. – С. 41-45; **Бондаренко, К.М.** Всероссийский национальный Союз в России и Беларуси (1908 – 1917 гг.) / К.М. Бондаренко // Куляшоўскія чытанні: мат-лы Міжнароднай навуковай канф., 26 – 27 красавіка 2007 г. // МДУ імя А.А. Куляшова. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – С. 191-195.
29. **Лавринович, Д.С.** Русские женские кружки в Северо-Западном крае Российской империи начала XX в. / Д.С. Лавринович // История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: актуальные проблемы из исторического прошлого и современности: материалы Международной научно-теоретической конференции 30 – 31 октября 2003 г. / ВГУ им. П.М. Машерова. – Витебск, 2003. – С. 319-321; **Лавринович, Д.С.** Витебский отдел Отечественного патриотического союза в борьбе с Прогрессивным блоком IV Государственной думы России (1916 – февраль 1917 г.) / Д.С. Лавринович // Беларусь и Европа: взаимодействие культур (история, уроки, опыт, совре-

- менность): материалы Международной научно-практической конференции 30 ноября – 1 декабря 2000 г. – Витебск: Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2000. – С. 222-225; **Лавринович, Д.С.** Из истории деятельности Всероссийского национального союза в Могилевской губернии начала XX века / Д.С. Лавринович // Проблемы истории и культуры Верхнего Поднепровья: Международная научно-практическая конференция: 25 – 26 октября 2001 г. Тезисы докладов. – Могилев: Могилевский гос. ун-т им. А.А. Кулешова, 2001. – С. 40-42; **Лавринович, Д.С.** “Белорусское общество”: либеральный вариант западноруссизма / Д.С. Лавринович // Деятельность конституционно-демократической партии и “Союза 17 октября” в Беларуси (1905 – 1918 гг.) / Д.С. Лавринович: монография. – Могилев: УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2009. – С. 199-230.
30. **Забайўскі, М.М.** Беларускае таварыства / М.М. Забайўскі // Энциклапедыя Гісторыі Беларусі / рэд. калегія: М.В. Біч і інш. – Мн.: БелЭн., 1993. – Т. 1. – С. 359; **Забайўскі, М.** Дзяржаўная дума / М.М. Забайўскі // Энциклапедыя гісторыі Беларусі / рэд. калегія: М.В. Біч і інш. – Мн.: БелЭн., 1996. – Т. 3. – С. 240-243; **Забайўскі, М.** Рускі Ускраінны Саюз / М. Забайўскі // Энциклапедыя гісторыі Беларусі / рэд. калегія: Г.П. Пашков і інш. – Мн.: БелЭн., 2001. – Т. 6. – Кн. 1 – С. 143.
31. **Валахановіч, А.** Саюз Міхаіла Архангела / А. Валахановіч // Энциклапедыя гісторыі Беларусі / рэд. калегія: Г.П. Пашкоў і інш. – Мн.: БелЭн., 2001. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 250.
32. **Ліпецкі, Э.** Саюз Рускага Народу / Э. Ліпецкі // Энциклапедыя гісторыі Беларусі / рэд. калегія: Г.П. Пашкоў і інш. – Мн.: БелЭн., 2001. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 251-252.
33. **Міхнюк, У.** “Селянін” / У. Міхнюк // Энциклапедыя гісторыі Беларусі / рэд. калегія: Г.П. Пашкоў і інш. – Мн.: БелЭн., 2001. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 282-283.
34. **Бондаренко, К.М.** Монархическое движение в России и Беларуси в 1905 – 1917 гг.: хрестоматия: учеб.-метод. пособие / авт.-сост. К.М. Бондаренко. – Могилев: УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2009. – 296 с.

Поступила в редакцию 12.01.2010 г.

УДК 94(415)“04/14”

Я.Г. РИЕР

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАПАДА И ВОСТОКА ЕВРОПЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ НОВОЙ КНИГИ О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

На примере анализа книги Э.С. Кульпина “Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства” (М., 2007) [1] автор сопоставляет особенности средневекового развития Восточной и Западной Европы. Указано на значение исследования Кульпиным системы “природа-общество” на примере Золотой Орды. Но отмечена идеализация этого государства, возникшая из-за поверхностных сопоставлений с западноевропейским Средневековьем.

Введение

С интересом была прочитана монография Э.С. Кульпина об итогах большого междисциплинарного исследования о Золотой Орде и ее месте в европейской истории. Новизна подхода – не только в соединении исторического анализа с естественно-географическим, но и в представлениях автора, пришедшего в историю пусть и со смежной, но все же из иной специальности – из экономики. Такой взгляд со стороны открывает новые познавательные возможности¹. Но при этом, несмотря на использование трудов некоторых известных специалистов по западноевропейскому Средневековью (Ж.Ле Гоффа, А.Я. Гуревича), в монографии Эдуарда Сальмановича присутствует свойственный современной российской историографии российско- или даже евразийскоцентричный подход. Западная история используется как фон. Не хватает системного компаративного подхода, что, впрочем, понятно: нельзя объять необъятное. В связи с этим хотелось бы дополнить указанное исследование тем, на что не обратил внимание автор, и сделать его концепцию еще более обоснованной.

Желание написать предлагаемые заметки возникло уже после прочтения одной из вводных фраз книги о том, что она *“посвящена самому большому и хорошо организованному государству Европы XIII – XIV вв. – Золотой Орде”*. И далее: *“В период расцвета в Золотой Орде был достигнут самый высокий уровень жизни по сравнению с Европой той эпохи”* [1, с. 2]. Если имеется в виду военно-административная организация, то да. Но в остальном – бездоказательно, ибо надо сравнивать не только материальный уровень знати и отдельных привилегированных групп золотоордынских горожан с западноевропейскими, но также степени их свобод. Определенная идеализация Золотой Орды вызвана, вероятно, нечеткими представлениями автора о западном Средневековье. Вот на это нам и хотелось бы обратить внимание.

Основная часть

В начале исследования автор ставит актуальный не только в научном, но и в политическом дискурсе вопрос: *“Опережала ли в своем развитии Русь Западную Европу, была равной с ней или отставала?”* И обещает дать ответ на основании анализа хозяйства, культуры и идеологии. Первый же тезис: западноевропейские варвары в раннем средневековье восприняли культуру Рима через его руины. *“Русь же с принятием христианства получила возможность непосредственно перенимать (принимать) наследие от еще сохранившейся части Римской империи – Византии”* [1, с. 9]. И далее: *“Элитарная культура... на Западе и Востоке Европы не слишком различалась”* [1, с. 10]. Едва ли это так. Ведь именно элитарная культура у восточных славян и сложилась на византийско-православной традиции. И это настолько укоренилось, что стало основой политической культуры Российского государства вплоть до наших дней, что отразилось в частых сравнениях с

¹ Автору статьи уже приходилось писать об этом при анализе работы Е.Т. Гайдара [2].

византийскими способами управления. Идея “Москва – Третий Рим” не от этих ли основ? Культура западноевропейского правящего сословия складывалась на иной основе, в рамках так называемого уравновешенного синтеза германских и римских порядков, на сочетании признания иерархичности государственного устройства с политическими свободами дворян. Эти различия настолько существенны для ответа на поставленный автором вопрос, что мы к ним еще вернемся.

Пока же продолжим по тексту. Автор констатирует отсутствие равенства в развитии хозяйства и массовой культуры Руси и Западной Европы. В этом он совершенно прав. Но в обосновании этого тезиса и в поисках причин отставания Руси ограничивается лишь природной составляющей, названной в книге “*антропогенизация природного ландшафта*”, под которой имеются в виду западноевропейские лесные расчистки X – XIII вв. или так называемая внутренняя колонизация, которая не затронула тогда Восточную Европу. Из этого автор выводит и различия в сельском хозяйстве, в агроприемах, их неразвитость у восточных славян. Взяв эти процессы за основу, автор переходит к их влиянию на культурное состояние, на представления о мире, из которых и выводит особый практицизм людей Запада [1, с. 11]. Хотя делается ссылка на более ранние работы, но вывод выглядит недостаточно обоснованным.

В стороне оставлены специфические и социальные порядки, складывавшиеся в Европе еще к середине I тыс. Заметим, что в компаративистике надо сравнивать не одновременные явления в изучаемых регионах, а структурно сходные. Если историю Восточной Европы логично начинать с первых государственных образований, т.е. с рубежа I – II тыс., то аналогичные процессы на западе континента начались, как известно, на полтысячелетия раньше. Ранние древнерусские княжества уместно сопоставлять не столько с синхронными им западноевропейскими, где уже распространилась вассально-ленная система, сколько с поздневарварскими королевствами – теми же франками эпохи Меровингов (VI – VII вв.). Именно с тех времен там стали складываться порядки, лежащие в основе всей специфики западной цивилизации, выделившие ее из всех остальных сообществ.

Возвращаясь к рассматриваемой дихотомии – Запад и Восток Европы, – нельзя забывать, что в основе наступивших различий лежала специфика общественной организации: у германцев – община-марка, состоявшая из отдельных домохозяев с большими индивидуальными правами на землю – аллодами (основа будущей частной земельной собственности), у славян – сплоченная коллективная община и отсутствие хозяйственной индивидуализации. Без изучения этих различий в общинном землепользовании, от которого и особый менталитет – с западным индивидуализмом и восточнославянским коллективизмом, – убедительного объяснения различий западных и восточных европейцев не найти².

² Нельзя забывать и о возникшем на рубеже II тыс. размежевании между западными и восточными славянами, причем не только конфессиональном, но цивилизационном (отсюда и победа католицизма у западнославянских народов).

Итак, почему на Западе возник и укоренился аллод, а для Восточной Европы еще и теперь частная земельная собственность не органична? И это при том, что в византийском обществе римское частное право никто не отменял. Но эта сторона византийских порядков не была воспринята древнерусским обществом, не нашла в нем резонанса. Ответ на этот вопрос придаст концепции автора куда больше убедительности, чем рассуждения о христианизации сверху, подавившей, очевидно, народную инициативу.

Автору статьи уже приходилось писать о данной проблеме [2; 3]. Если суммировать, то, отталкиваясь от природных особенностей, надо констатировать, что, как у греков и римлян, так и у германцев, в становлении их обществ существенную роль сыграла близость морского побережья, расчлененный рельеф и климат, способствовавший формированию индивидуальных крестьянских хозяйств с четко очерченными земельными владениями, что привело к раннему формированию прав собственности на землю. Отсюда – индивидуально-семейная ответственность, та самая активность и самостоятельность, которую в древности проявили дорийцы и италики, а с раннего Средневековья – западные европейцы. Германцы пришли в соприкосновение с римскими порядками, уже имея свои традиции индивидуального землевладения (упомянувшиеся аллоды). Славянские же народы, сложившиеся в равнинных лесных пространствах, да еще в условиях относительно континентального климата, сохранили в своей повседневной жизни сплоченность, необходимую для выживания в менее благоприятных условиях. В итоге прочные общинные узы у них сохранились и к началу II тыс., ко времени, с которого начинает сравнивать запад и восток континента наш автор. Прочная же община, как известно, тормозит индивидуальный прогресс и в хозяйстве, и в социальных отношениях.

Устойчивое общинное землевладение тормозило и формирование индивидуальных владений правящего сословия: нет аллодов – нет феодалов, этой основы западноевропейской рыцарской вольницы [3, с. 59; 4]. А без нее – нет и привычки отстаивать индивидуальные права, привычки, которая постепенно сформировалась у западных горожан. А без городских свобод нет и хозяйственного прогресса, благодаря чему Западная Европа постепенно возвысилась над всем традиционным Востоком, к которому оказалась близка, причем не только географически, но и общественными порядками средневековая Русь.

В данном месте надо определиться и со значением Новгорода. Его, как и средневековый Псков, обычно в российской историографии рассматривают как западноевропейские форпосты на Руси. Да, эти города не были административными княжескими центрами, как другие древнерусские города. Но и свободными самоуправляющимися, как западные, эти города тоже не были. Они были во власти окрестных землевладельцев и скорее напоминали города Далматинского побережья Балкан. Это важно подчеркнуть, ибо в них не вырабатывался особый предпринима-

тельский дух, основанный на свободной бюргерской (пополанской в Италии) инициативе, охраняемой в особых городских конституциях типа Магдебургского права и ему подобных сводов. Новгородский правящий слой скорее напоминал некоторых английских лордов из-за аналогичной скудости земельных владений, занимавшихся торговлей. То есть эти города не могли, в отличие от западных, стать во главе хозяйственного и социального прогресса. Хотя, конечно, более высокий уровень свобод по сравнению с другими городами Руси в них был. Не случайно Новгород стал средоточием единственной городской ереси на Руси – стригольников. Но также не случайно в городе, знаменитом своей бытовой грамотностью (благодаря массовым находкам берестяных грамот), не появилось светских школ, из которых с XIII в. на западе стали возникать университеты.

Про университеты мы вспомнили не случайно, ибо их отсутствие отметил, сопоставляя Русь с Западом, наш автор [1, с. 12]. Если отметил, то надо и объяснять. Университеты – порождение западноевропейских городских свобод. Последние же – отдаленное следствие все тех же общин, состоявших из семей аллодистов, которые вели самостоятельную хозяйственную деятельность и сохраняли эту самостоятельность даже в условиях личного закабаления в феодальных сеньориях. Города же на западе создавались теми из общинников, для которых свободы были значимее земли. Они и становились свободными ремесленниками и торговцами, создавали города и светское образование в них.

Кстати, из тех же аллодов родились и феодалы (лены), права на которые гарантировались службой, причем не очень обременительной. На Руси такие права имели только бояре, пока к ним не пришли опричники Ивана Грозного. Наличие четких земельных прав западных феодалов, так же как и свободные города, как и независимая от отдельных монархов Римская церковь, формировали и присущее западному обществу представление о разделении властей, об ограничениях для любой власти. Полагаем, что эти аргументы для общей концепции Э.С. Кульпина более убедительны, чем несколько иррациональные рассуждения автора о протестантской этике до возникновения собственно протестантизма [1, с. 12-13].

Что до возможностей для древнерусских диссидентов скрываться в лесах [1, с. 13], то это действительно существенный фактор всего развития российского общества во II тыс., сформировавший и представления о мире, и способы взаимодействия в нем (известная антитеза: Столыц – Обломов).

Таким образом, наши дополнения являются еще одним аргументом в поддержку вывода, жестко сформулированного автором: *“отставание Восточной Европы от Западной четко обозначилось еще до монгольского нашествия”* [1, с. 14].

Далее автор доказывает, что монголы на Руси силой установили ту нормализацию общественных отношений, которая на Западе обуславливалась внутренними процессами [1, с. 19]. Думается, в этом – корни ментальных отличий обеих цивилизаций: представление о собственных

правах и возможностях, более полно впоследствии воплотившееся в ренессансной культуре Запада, и, наоборот, привычка к подчинению сильному, долгая пассивность, в крайностях – бунт от бессилия. К этому совершенно обоснованно автор добавляет единство романского, латинского мира, особенности золотоордынского географического и культурного пространства, лишенного подобного единства [1, с. 20-23].

Из текста, однако, при этом вытекает, что в итоге и Орда стала *“мостом между Западом и Востоком, географическим центром информационного, генетического и многих других видов обмена”* [1, с. 24]. Но при этом нельзя забывать о разрушениях при создании и функционировании этой державы³. Автор пытается не то чтобы их приуменьшить, но счесть не столь существенными на фоне полученных преимуществ стабильности и новых возможностей в обширном государстве. Приводит соответствующие мнения и В.О. Ключевского, и археологов. Но ведь нельзя забывать и об экологической катастрофе в междуречье рр. Сырдарья и Амударья, и о серьезном обеднении уровня древнерусского городского ремесла в послемонгольское время. И главное – эта власть заложила в России привычку добиваться результатов прежде всего насильем, причем исходящим от власти!

Не обратив на это внимания, Э.С. Кульпин констатирует преимущество, которое Восточная Европа достигла благодаря Орде раньше Запада, – государственное объединение на обширнейшей территории [1, с. 25]. Объединение с помощью насилия! А стало ли это преимуществом в исторической перспективе?

Далее, обратившись к причинам быстрого падения Золотой Орды, *“довольно хорошо организованного государства”*, автор повторяет штамп евразийцев о возможности *“консолидации этносов одного вмещающего ландшафта (впоследствии российского) в суперэтнос”* [1, с. 28]. Ну как мог создаться суперэтнос из тюркок-кочевников и славян-земледельцев? Впрочем, далее приведено мнение о *“механическом соединении степного мира и городского”*. Но автор с ним не согласен: *“В Золотой Орде и кочевники, и земледельцы находились в рамках одного государства, где имели место если не единые, то весьма близкие основные представления людей о мире и себе, и действовали в целом одни законы, хотя права и обязанности отдельных социальных слоев и групп населения, естественно, различались”*. Но отчего тогда русские князья боролись и, наконец, избавились от Орды, как, кстати, в том же XIV в. и иранцы, и китайцы?

Автор приводит мнение, что монголам удалось создать в Орде порядок, подчиненный интересам торговли и потому выгодный всем. Но это не монгольская, а скорее китайская идея (от советника Чингисхана, из киданей, получившего конфуцианское образование Елюй Чуцай). И да-

³ О необходимости не забывать кровавый террор и политику устрашения, активно применявшиеся монгольскими завоевателями, недавно напомнил И.Н. Ундасынов [5].

лее – торговля укрепляет не только связи, но и отдельные узловые области, которые начинают тяготиться необходимостью содержать Центр, – отсюда и последовавшие усобицы, и последующий распад... Так в чем же сила и значение Орды? Все в той же военной организации, которую торговля постепенно разъела, как ржа.

В том же ряду и рассуждения о *цивилизованности* установленного в Орде порядка. Автор рассуждает о свободе в тогдашнем представлении: *“С современной точки зрения подданный хана был бесправен, поскольку его права не были защищены четкими, юридически оформленными законами, обязательными для всеобщего исполнения, когда “закон превыше короля”*. С позиций тогдашнего европейца – *максимально свободен*. Ибо, по его понятиям, *“свободный человек – это тот, у кого есть могущественный покровитель”* [Ссылка на Ж.Ле Гоффа]. В Золотой Орде покровитель был самый могущественный из всех возможных – *огромное мощное государство*. Едва ли тогдашний европейец променял бы свои частные свободы на Ордынскую единую. Здесь – подмена, примерно такая же, какая была свойственна так называемой сталинской конституции: декларативная демократия и реальный произвол. Ибо за каждым западным феодалом стояли его собратья по сословию, зорко следившие за тем, чтобы король не выходил за рамки обычаев, иначе... Вспомним Великую хартию вольностей с ее советом из 25 баронов, следившими за монархом, чтобы “не шалил”. Вспомним обстоятельства возникновения английского парламента. Вспомним, что за каждым бюргером стоял его город, за профессором и школяром – его университет, за ремесленником и купцом – их цехи и гильдии, которые для того и создавались. А вассально-ленные договоры и клятвы? А договоры городов с сеньорами?... Феномен корпоративизма хорошо известен медиевистам. А в основе – все тот же аллод, в соединении с нормами римского права. У автора же получилась апологетика восточному деспотическому государству. И наконец, если *“созданный в Золотой Орде порядок максимально благоприятствует торговле”*, то почему все это развалилось, да еще так стремительно? Не увидели покоренные народы своего счастья! Конечно, и такое в истории бывало. Но деспотические достижения никогда не были прочными и не стимулировали прогресс, ибо душили частную инициативу.

Кстати, использование выводов Ж.Ле Гоффа в контексте книги об Орде некорректно. Да, он называл европейских купцов маргиналами. Но это с точки зрения *тогдашних* представлений! Однако он не сравнивал их положение с восточным. Его *“Цивилизация средневекового Запада”*⁴ написана для современного западного читателя и призвана показать ему особенности *того* средневекового общества. С другими цивилизациями он не сравнивает. Специфика компаративистики – в необходимости сравнивать не факты, тем более – не термины, а структуры. Один и тот

⁴ Не цивилизации, как у Э.С. Кульпина.

же термин в разных обществах может иметь разные смыслы⁵. Как и понятие свободы, так и отношение к купцам было разным. Как ни выкручивай, городские права делали западноевропейского купца субъектом права. Бесправный перед феодалом, он мог хотя бы укрыться в своем городе, где часто входил в патрициат, в городскую верхушку. На Востоке же его защитой был лишь какой-либо личный покровитель, “выдаивавший” такого купца. Правовая защита, гарантированная центральной властью, которой так верит автор, в условиях Востока была лишь декларацией (или декорацией), за которой не стоял обычай частного права, сложившийся на Западе. Те препятствия для западных купцов, которые живописует Ж.Ле Гофф и повторяет автор [1, с. 31], они же и преодолевали, сбиваясь в гильдии, подкармливая королей и поддерживая их стремление к централизации, и, в конце концов, добились своего, став могильщиками феодализма и, попутно, финансируя своих ремесленников. На Востоке же купцы добивались лишь каких-то личных благ и не сумели стать во главе экономического прогресса. Власть так и осталась за деспотами. Ордынский порядок был сугубо казарменным и держался до тех пор, пока его исполнители не развратились возможностью контролировать и купцов, и финансовые потоки.

“Для полноты картины жизни Западной Европы” автор обращается к А.Я. Гуревичу и Д.Е. Харитоновичу и приводит вырванную из контекста пространную цитату о рыцарском произволе [1, с. 32]. Она, заметим, взята из главы о средневековом западноевропейском быте школьного учебника. Целью авторов было показать повседневность Запада глазами людей того времени, опять-таки без всякого сравнения с Востоком, о деспотизме которого писали и древние греки, и средневековые западноевропейские путешественники, потом и просветители. Сравнить, еще раз, надо структуры в историческом контексте. Заметим, что и западноевропейского средневекового крестьянина называют крепостным, и российского. Но можно ли было крестьянина на западе продать без земли, вырвав из своей семьи молодую девушку или парня, как это практиковалось в позднесредневековой России? Не зря некоторые советские медиевисты писали, что к средневековому Западу не применим термин крепостничество! [3, с. 36].

Из таких некорректных ссылок автор делает вывод, что в Золотой Орде “жизнь и повседневная деятельность были несравнимо более защищены, чем у жителя Западной Европы” [1, с. 32]. Но эта защита в Орде оказалась временной, тогда как на Западе борьба с феодальным произволом была постоянной и увенчалась не ликвидацией очередного бандита или деспота, а всей системы! Восток же, и монголы не исключение, породил лишь отдельные всплески порядка при мудрых и одновременно сильных правителях, которые, однако, были смертны. Систе-

⁵ Как в известном анекдоте: «А могут ли советские люди проводить демонстрации?» – «Конечно. Первомайские, например. И так же, как в Америке, могут кричать “долой Никсона”».

ма же не менялась, как и парадигма деспотизма. Вот этих коренных различий автор, вероятно, не заметил. Это как сравнивать двух людей по частям: у кого лучше нос, правильное ухо, выше рост, и по этим параметрам делать вывод, какой же из двух красивее.

Выводы автора о роли торговли и ее организации в Орде в короткий период ее относительно мирного существования вполне обоснованы. Хотя едва ли они были решающими. Вспомним о налогах, изымавшихся в пользу монголов с покоренных народов. И если все так было рационально устроено, то почему в Китае была свергнута монгольская династия Юань? Надо заметить, что и с этим доводом не так просто, как показано в монографии. Ведь монгольская империя была построена на угнетении китайцев, на высасывании из их страны ресурсов для существования монгольской знати и, возможно, той администрации, которая контролировала безопасность торговых путей. Сбросив монголов, китайцы менее чем за столетие достигли еще больших успехов, чем ордынцы и без эксплуатации иных народов. Ну а затем – таковы люди – мины тоже начали уже свою экспансию. Не столь блестящую, как ранее монголы, ибо китайцы были земледельческим обществом, менее подвижным, не имевшим возможность мобилизовать огромные массы полуголодных кочевников, нуждавшихся в продуктах и земледелия, и ремесла. А затем, впад в очередной кризис, в XVII в. китайцы были разгромлены очередными северными кочевниками, родственными монголам, – маньчжурами. Так что хорошая организация внешней торговли и, добавим, почтовой связи была лишь одним, и далеко не решающим, элементом. А главное, основанная на деспотизме, она не была прочной, как и все в таких режимах, ибо опиралась на силу, а не на личную заинтересованность людей.

Здесь же уместно отметить и краткую характеристику Кульпиним китайской цивилизации в Средние века: *“В отличие от Западной Европы, несмотря на периодические (циклические) кризисы, эта цивилизация не знала культурных провалов”* [1, с. 60]. Едва ли с этим можно согласиться. Вспомним III – VI вв., монгольское нашествие в XIII в. Считать, что *“в XIII – XIV вв. самой высокой земной цивилизацией была китайская”*, нельзя. Очередной подъем начался после восстановления с середины XIV в. А в XV в. страна “закрылась” от иностранцев, что едва ли свидетельствовало о ее превосходстве. Кстати, есть интересные подсчеты, делающие сопоставление цивилизаций более предметными [6, с. 55-60]. Они доказывают, что китайское общество в монгольское и послемонгольское время было, в лучшем случае, в состоянии стагнации, но никак не расцвета. Иное дело, что монголы от китайцев многое взяли (и в ремесле, и в государственном управлении, но, главное, в прямых изъятиях в виде налогов и поборов).

Здесь надо заметить, что рассмотренные выше неточности порождены известной иллюстративностью: берутся яркие разработки западных медиевистов и без контекстного анализа сопоставляются с ордынскими реалиями, исследованными иными методиками. Например, подчеркива-

ется убогость западного быта [1, с. 35]. Но почему-то забывается, что именно эта убогость родила самое экономически развитое общество. Выяснение этого не задача автора, но видеть эту перспективу надо, иначе искажается представление и об исследуемом Востоке⁶.

Так же однобоко рассмотрен и феномен веротерпимости монголов, опять-таки в противопоставлении с Западной Европой [1, с. 35, 37-38]. Справедливо обращено внимание, что это связано с личными установками Чингисхана [1, с. 36-37]. Но этот феномен характерен для многих просвещенных монархов. Вспомним современника тех событий германского императора Фридриха II Штауфена. Главное для таких политиков – сохранение их личной власти, и в этом они прагматики. Далее автор констатирует, что российские власти и православие не сохранили эту толерантность, хотя именно религиозная политика монголов, *“верховная власть Орды... способствовала формированию на Руси единого мировоззрения и, следовательно, этноса – русского этноса”* [1, с. 40].

Для глубокого понимания тогдашних процессов стоило бы обратить внимание на то, отчего же отсутствие веротерпимости на Западе не мешало ему потом возвыситься? А с другой стороны, почему русское православие не способствовало этому. И почему религиозная терпимость монголов тоже не привела к прогрессу? Повторимся еще раз: нельзя объять необъятное. Но если ставить задачу объединить ландшафтно-экономические штудии с социальной историей, названные вопросы надо исследовать. Иначе зачем “множить сущности”?

В поисках ответа на вопрос о причинах недолговечности Орды автор исследует особенности распространения в ней ислама, констатирует неразвитость внутривластных связей. Относительно отставания Руси отмечается, что интенсификация земледелия в ней была невозможна из-за редкого населения. Здесь автор убедителен: сказывается взгляд экономиста.

Далее он сравнивает благоустройство западных и ордынских городов и делает вывод о преимуществах последних [1, с. 45-48]. И лишь здесь, наконец, вместе с городскими стенами Запада автор увидел коренное отличие – полную подчиненность ордынских горожан государственному аппарату, отсутствие свобод. Но далее констатации этого не идет, а возвращается к высокому уровню благоустройства в Орде. При этом автор возражает мнению о чуждости степнякам городской культуры, хотя и признает, что, по сути, эти города сосуществовали с кочевниками лишь силой ханской власти [1, с. 54]. Более того, указывает, что расцветшие на внешней торговле ордынские города не сохранились и известны лишь по раскопкам. Аргумент, *“что города [в Орде. – Я.Р.] возникли там, где до того и много после не возникали, сам по себе свидетельствует о мощи и организованности государства, его способности сплачивать общество и*

⁶ Вообще, представление автора о том, что Западная Европа – эталон для историков [1, с. 45], выглядит устаревшим и не соответствует современной компаративистской историографии. Отсюда, очевидно, и многие наши претензии.

готовности общества идти навстречу государству”, неубедителен. Ибо автор признает, что возникли они искусственно, потому с распадом государства исчезли. Не было внутренних основ, кроме внешней торговли. Не было, уж тем более, специфического городского слоя со своими свободами, как в Западной Европе.

Автор подробно рассуждает о населении ордынских городов, которое его интересует для исследования возникновения симбиоза степняков с земледельческим миром и констатирует: “Объективно это разноплеменное городское население, со временем сплавлявшееся в единое целое, способствовало созданию единства всех народов государства, сложению из разных этносов – единого суперэтноса” [1, с. 58]. Могло способствовать, если бы государство там сохранилось, как, например, в Турции, где лишь после XVII в. городское население интегрировалось с сельским в единый народ.

Подробно рассмотрены причины упадка и краха Орды. Справедлив анализ происходивших процессов и вывод о том, что единства покоренных народов создать не удалось⁷. К несомненной заслуге автора можно отнести аргументированный анализ хозяйственного упадка степи при ее урбанизации и заселении славянским земледельческим населением [1, с. 65-96]. Напрасно автор извиняется перед читателями за “чрезмерно подробное” описание степи. Это, пожалуй, ключевое место монографии. Автор убедительно обосновал причины упадка избыточной антропогенной нагрузки на степь и возникшим вследствие этого экологическим кризисом. Кстати, этот же анализ позволил автору верно указать на одну из существенных причин кризиса на Руси в XV в., связанного с архаичным земледелием и климатическими изменениями [1, с. 80, 100]. Здесь автор убедителен, как говорится, “в теме”, привлеченная им литература проанализирована комплексно, а не выборочно, как в случае с Западной Европой. Без преувеличения надо признать: это новое слово в средневековой русистике.

Хотя, когда автор отрывается от своей природной стихии, вновь возникают шероховатости. Например, при характеристике русских городов ордынского времени как застывших в своем развитии [1, с. 118]. Если вспомнить вышеописанный расцвет тогдашних ордынских городов, то объективно получается, что благополучие последних возникло и за счет ограбления первых. Но автор старается это не замечать и концентрируется на бедной природе. Нельзя оценивать русские города и без структурных сопоставлений с западноевропейскими, о чем писалось выше.

Однако, возвращаясь к системе “крестьянин – природа”, Э.С. Кульпин вполне обоснованно всеми представленными материалами может утверждать: “хозяйствующий русский крестьянин – разрушитель экологического равновесия лесной зоны” [1, с. 119].

⁷ Слова о том, что “мир можно завоевать сидя в седле, но нельзя управлять им с седла”, принадлежат не Бату-хану, а не то Хубилаю, не то Елюй-Чуцаю.

Вся заключительная часть книги посвящена анализу причин складывания в средневековой Руси именно такой ситуации, которая затормозила ее прогресс. Анализируя все составляющие, автор старается убедить читателя, что возникшая система – государственный феодализм с самодержавием – и была объективно возможна в сложившихся природных условиях. Отходя от строго научного повествования, автор позволяет себе порассуждать о возможных альтернативах русской истории. Но в итоге приходит к выводу, что *“заимствование от Золотой Орды принципа, согласно которому единственным собственником и владельцем земли является верховный правитель”* [1, с. 159], не имело альтернативы. Наверное, при средневековых технологиях это именно так. В качестве дополнительного аргумента к авторской концепции можно добавить, что и специфическая русская община, ограничившая крестьянские права, тоже, очевидно, консервировалась специфическими восточноевропейскими природными условиями.

Заключение

Повторимся, авторский анализ системы “природа-общество” (по Кульпину, социоестественная история) убедителен и непротиворечиво объясняет направленность средневековой истории Руси. Но в послесловии автор возвращается к созданному им идеализированному образу Золотой Орды, возникшему, как отмечалось, из-за поверхностных сопоставлений с западноевропейским Средневековьем. А затем переходит к оправданию сложившейся российской государственности, сумевшей, в отличие от Орды, создать единое этнокультурное целое. Однако, как ученый, он не может не признать, что *“достоинства централизованной системы – способность концентрации сил, ресурсов и быстрой ответной реакции на негативное воздействие, недостатки – в сильном влиянии на все общество плохих решений, принятых в центре. Гибель центра – нередко гибель всей системы”*. Отсюда – противоречивость общего вывода книги: если бы не катаклизмы XX в., форма унитарного государства с концентрацией в центре всех сил и ценностей, *“ограничением гражданских свобод, как условием выживания специфической российской общественной системы”* [1, с. 163], была бы естественна для России. И на этом автор ставит точку.

Поскольку исследование продолжается, хотелось бы пожелать автору внимательнее проанализировать западноевропейское Средневековье, что должно открыть в теме новые эвристические возможности. Возможно, это позволит увидеть и оценить иные пути европейской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Кульпин, Э.С.** Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства / Э.С. Кульпин. – М., 2007.
2. **Риер, Я.Г.** Цивилизации средневековой Европы / Я.Г. Риер // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX-XX. – С. 165-187.

3. **Риер, Я.Г.** Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа / Я.Г. Риер. – Могилев, 2003.
4. **Steuer, H.** Frühgeschichtliche Sozialstrukturen in Mitteleuropa. Eine Analyse der Auswertungsmethoden des archäologischen Quellenmaterials / H. Steuer // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-Historische Klasse. 3. Göttingen. 1982. – No. 128. – S. 421-426.
5. **Ундасынов, И.Н.** Джучи-хан / И.Н. Ундасынов // ВИ. – 2008. – № 9. – С. 38-39.
6. **Мельянецв, В.А.** Восток и Запад во II-м тысячелетии: экономика, история и современность / В.А. Мельянецв. – М., 1996.

Поступила в редакцию 22.04.2009 г.

УДК 27-9(476)

Е.В. МОРОЗЬКО

МАТЕРИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА МИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

До 1861 г. прихожане выполняли определенные повинности в пользу православного духовенства. Их обязанности в большей степени относились к помещикам, которые по своему вероисповеданию не были расположены содействовать православному духовенству. Это обстоятельство способствовало ухудшению финансового положения священнослужителей. Для эффективной деятельности приходского духовенства Минской православной епархии необходимо было изменить его материальное содержание. Целью данного исследования является анализ административных мер, предпринятых правительством, а также действий Присутствия по делам православного духовенства, направленных на формирование новых условий обеспечения духовенства Минской православной епархии во второй половине XIX – начале XX в.

Введение

Источниками содержания духовенства Минской православной епархии служили: государственное жалованье, денежные пособия, земельные наделы, приходские помещения.

Повышение цен на аренду, отопление, освещение помещений, продовольствие и другие потребности, а также неурожаи в течение нескольких лет вынудили минского генерал-губернатора М.Н. Муравьева предпринять попытку урегулирования финансового положения духовенства [1]. На основании указа от 25 мая 1864 г. о повышении окладов православных священнослужителей Северо-Западного края было ассигновано 400 тыс. руб., из них для Минской епархии – 57 358 руб. 11 коп. [2, лл. 6 об–7; 3, л. 4].

Введение новых штатов было одной из мер, входивших в комплекс преобразований, проводимых в отношении приходского духовенства. Основной целью государственных преобразований было формирование нового типа прогрессивного духовенства. Одним из важнейших результатов государственной деятельности в этом направлении было принятие особым присутствием по делам православного духовенства закона “О составе приходов и церковных причтов”, который закладывал качественно новый принцип формирования приходов [4, лл. 1–10б]. Целью введения новых штатов было не только улучшение материального быта духовенства, но и создание условий для достойного выполнения им обязанностей служения, а вместе с тем повышения его статуса в обществе. Указ от 25 мая 1864 г. также предусматривал уравнивание в содержании городских церквей и связанное с этим назначение жалованья в одинаковом размере членам причтов соборных и приходских церквей во всех четырех белорусских епархиях (Литовской, Могилевской, Полоцкой и Минской) [5, л. 223].

Законодательно оформленное уравнивание окладов сельского духовенства стирало границы в классовой иерархии церквей. Сельские священники в зависимости от класса, который рассчитывался по числу прихожан в приходах, получали от 100 до 180 руб. После 1864 г. их заработки с учетом одинаковых надбавок выросли до 300 руб. [5, л. 223]. Размеры окладов диаконов и дьячков повысились на 50%. Жалованье пономарей увеличилось на 25%. Оклады священнослужителей городских причтов возросли на 21–121 руб. [3, л. 7]. В среднем, каждому причту городской церкви было прибавлено $\frac{1}{3}$ оклада [2, л. 7; 3, лл. 6–7].

Основная часть

На основании указа о назначении дополнительного жалованья на 1865 г. протоиереи и священники вместо получаемых ими окладов от 120 до 350 руб., должны были зарабатывать по 400 руб., диаконы вместо окладов от 80 до 160 руб. – по 200 руб., дьячки вместо 40–100 руб. – 120 руб., пономари вместо 32–80 руб. – 80 руб. в год [5, л. 223]. Анализ статистических документов показывает, что такое повышение коснулось только причта Минского кафедрального собора, а также высших духовных чинов. К примеру, содержание епархиального преосвященного обходилось Минской духовной консистории в 4 000 руб. ежегодно, кафедрального протоиерея – в 700 руб., а благочинного монастырей архимандрита Николая – в 400 руб. [5, л. 192; 6, л. 3; 7, л. 1]. Священники и протодиакон Минского кафедрального собора получали по 400 руб., диаконы – 300 руб. в год [5, л. 192].

Согласно решению присутствия по делам православного духовенства от 27 декабря 1875 г. причт Минского кафедрального собора дополнительно получал пособие за исполнение церковных таинств: настоятель собора – 200, протоиерей, священник и протодиакон – по 100, диаконы – по 80, иподиаконы – по 70, псаломщики – по 50 руб. [8, л. 16 об–17; 9, лл. 150 об–151].

К тому же протоиереи Минского кафедрального и Екатерининского соборов являлись членами консистории и каждый месяц имели приработок в 16 руб. 68 $\frac{1}{2}$ коп. [10, л. 5]. Кроме денежных сумм, входящих в сумму оклада, члены консистории пользовались “столовыми” средствами (на продовольствие), которые выплачивались за месяц вперед [11, л. 1].

Для сравнения следует обратить внимание, что сельский священнослужитель некоторые обязанности исполнял бесплатно. К такому роду занятий следует отнести, например, обучение в школах грамоты и церковно-приходских школах, которые к тому же в большинстве случаев располагались в домах духовенства. Со стороны епархиального начальства преподавательская деятельность священника поощрялась редко. В 1863 г. из назначенной в пособие духовенству суммы было роздано от 5 до 10 руб. духовным наставникам в сельских школах [2, л. 18 об].

В целом заботу начальства об улучшении материального состояния духовенства епархии можно оценить по количественной динамике сумм, выделяемых на его содержание. В 1863 г. на городское и сельское духовенство было рассчитано 119 670 руб. 12 коп. [6, л. 3]. В 1875 г. эта сумма увеличилась втрое [11, л. 7]. Однако в 1905 г. ее размеры сократились на 10% [9, л. 10б].

Одной из мер, направленных на поддержание приходского духовенства, было оказание постоянной и разовой помощи. Материальная помощь оказывалась в виде пособий, которые выплачивались малоимущим слоям духовного сословия (в некоторых случаях пожизненно), а также в чрезвычайных ситуациях (пожар, град, падеж скота, разбойничье нападение и др.) [12]. Присутствие по делам православного духовенства ежегодно выделяло государственные средства на эту миссию. Например, в 1863 г. на выплату пособий духовенству епархии было определено 27 тыс. руб. [13, л. 41].

Малоимущими признавались семьи священнослужителей, которые потеряли кормильца. За их обеспечением следило Минское епархиальное попечительство. На содержание восьми сирот из семьи священника Бернадского, потерявших в 1863 г. мать, ежемесячно выделялось пособие по 2 руб. на каждого [14, л. 6 об]. Оставшиеся сиротами дети священнослужителей пользовались правом на государственное содержание в духовных учебных учреждениях [14, л. 6 об; 15, л. 2].

Устав духовной консистории предусматривал оказание помощи лицам духовного звания, пострадавшим от несчастных случаев [14, л. 6 об]. При анализе размеров убытков специальной комиссией учитывались уже получаемые пособия [16, л. 5]. Так, в 1863 г. вдовы священника и дьяка, а также диакон, просившие помощи о выделении средств на восстановление хозяйства после стихийного бедствия, не получили ее, т.к. уже имели содержание от епархиального попечительства [14, лл. 6 об–7об]. Разовая материальная помощь оказывалась также при рукоположении, назначении на приход, компенсации затрат, связанных с командировками [6, л. 40 об; 11, л. 7; 9, л. 1 об].

Одним из основных источников доходов приходского духовенства Минской епархии являлись земельные наделы, размеры которых значительно отличались по приходам. В одних их не было, в других – их площади превышали положенную норму в 2–3 раза [17, л. 13; 18, л. 1 об]. Министерство государственных имуществ обещало наделить православные причты необходимыми землями (лугами, лесом, мельницами и пр.). В августе 1864 г. государственный совет разрешил отдать в распоряжение некоторых белорусских церквей земли [19, с. 58]. Благодаря этому в пользование священнослужителей отошли земли, главным образом, из конфискованных имений ксендзов. На территории Минской епархии это решение было реализовано частично. Приходы, которые имели прилегавшие фермы и фольварки, приписывались к ним [2, л. 6 об].

К тому же, в епархии существовали обширные по площади приходы, в которых земельные наделы были значительно отдалены от церквей. В 1864 г. минский генерал-губернатор М.Н. Муравьев сделал распоряжение о новом распределении церковных земель, в котором оговаривалось обязательное расположение земельных наделов самого причта возле храмов [19, с. 58].

По положению 1842 г. прихожане обязаны были обрабатывать участок земли, принадлежавший священнику, помогать в уборке хлеба, вносить установленную сумму. В низших классах приходов она составляла 14–49 руб., в высшем – достигала 64 руб. [2, л. 7 об]. После отмены крепостного права количество работников в хозяйстве священника сократилось в несколько раз. Обязательная обработка причтовой земли, кроме того, что стала нерегулярной, вызывала недовольство у православных прихожан. Приходскому духовенству было непросто обрабатывать и содержать земли, поэтому с начала 60-х гг. XIX в. оно стремилось получать денежное пособие от арендованных земель.

Одним из пунктов финансовой составляющей было обеспечение духовенства помещением, что до отмены крепостного права также являлось обязанностью крестьян. Несмотря на то, что еще в 1859 г. администрация края распорядилась о строительстве причтовых помещений в государственных имениях, в 60-е гг. XIX в. $\frac{1}{4}$ часть священников имела в своем распоряжении неудобное обветшалое помещение, $\frac{1}{2}$ причтников не имела никакого [19, с. 56]. Не лучшей была доля и городского духовенства, которое: 1) не имело своего помещения; 2) снимало помещение за свой счет; 3) размещалось в домах евреев [2, лл. 8 об–9].

Важное значение в обеспечении духовенства имели расходы, связанные с отоплением помещений. После отмены крепостного права священнослужители потеряли право открытого пользования лесными промыслами и фактически лишились использования ресурсов обогрева. 22 апреля 1864 г. было принято решение о “безвозмездном отпуске казенного леса для построек и отопления домов священнослужителей” [19, с. 57]. Но в Минской епархии духовенство продолжало приобретать дрова на собственные средства [2, л. 10]. Запрет на вывоз леса из государственных

имений и конфискованных католических помещений сказывался на общем благосостоянии приходских священников.

Заклучение

Проведенный анализ показал, что административные распоряжения создавали новую базу для материального обеспечения православного духовенства. Новый принцип формирования приходов и уравнение в жаловании городских и сельских священнослужителей всех классов способствовали не только улучшению материального быта духовенства, но и созданию условий для достойного выполнения обязанностей служения, а вместе с тем повышения статуса священнослужителя в обществе. Размер жалованья духовных лиц вырос на 25–50%.

Дополнительные надбавки к заработкам особенно сказались на доходах высших духовных чинов, а также причта Минского кафедрального собора, которые по своему рангу занимали должности в Минской духовной консистории и пользовались средствами в качестве ее членов. Кроме того, они имели доступ к выплатам “столовых” денег на продовольствие. Все это свидетельствовало о том, что их материальный достаток был более высоким по сравнению с сельским духовенством, которое редко получало вознаграждение за свою педагогическую деятельность в школах. В целом наблюдалась положительная количественная динамика финансирования администрацией штатного содержания духовенства епархии.

Присутствие по делам православного духовенства регулярно выделяло средства на оказание постоянной и разовой материальной помощи духовенству. Денежные пособия в основном получали малоимущие представители духовного сословия, среди которых были вдовы, а также сироты из семей священников. Однако суммы этих пособий были достаточно небольшими. Разовое оказание материальной помощи часто связывалось с непредвиденными обстоятельствами, в результате которых священнослужители вынуждены нести убытки. В таких ситуациях епархиальное начальство при помощи специально назначенной комиссии тщательно анализировало расходы и учитывало материальное положение отдельных лиц.

Земельный фонд духовенства епархии пополнился. Но в связи с тем, что многие православные причты на белорусских землях находились на расстоянии от храмов, земельный вопрос для священнослужителей рассматриваемого региона был решен частично.

Разрыв связи между приходами и духовенством, являвшийся результатом государственной политики предшествующего периода, являлся серьезным препятствием при решении проблемы обеспечения священнослужителей помещением и ресурсами обогрева. Ее сложность заключалась в том, что прихожане воспринимали духовенство как чиновников, находящихся на государственной службе, и поэтому считали, что вопрос об обеспечении духовенства должен решаться самим

государством, которое в условиях крайнего дефицита казны и инфляции не могло достаточно эффективно решить эту проблему.

В целом политика правительства была направлена на укрепление материального состояния духовенства, что способствовало формированию высокого социального статуса и признанию авторитета священнослужителя со стороны гражданской администрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30233. – 18 л.
2. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30170. – 20 л.
3. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30871. – 2 л.
4. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35986. – 139 л.
5. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31204. – 246 л.
6. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30347. – 59 л.
7. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30089. – 2 л.
8. НИАБ. – Фонд 124. – Оп. 1. – Д. 103. – 23 л.
9. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 37114. – 367 л.
10. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30041. – 102 л.
11. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34659. – 43 л.
12. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 32795. – 101 л.
13. НИАБ. – Фонд 1076. – Оп. 1. – Д. 4. – 56 л.
14. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 29826. – 8 л.
15. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 31247. – 2 л.
16. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36559. – 5 л.
17. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 32701. – 98 л.
18. НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 29712. – 9 л.
19. **Миловидов, А.И.** Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае / А.И. Миловидов. – Харьков: Типогр. Губ. Правления, 1900. – 92 с.

Поступила в редакцию 23.09.2009 г.

УДК 94(476)

В.Н. БУРАКОВ

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДЬЮ В БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1920-е гг.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются гражданские правоотношения, связанные с распределением жилой площади и ограничением права пользования жилыми помещениями в БССР в период новой экономической политики. В условиях жилищного кризиса и слабого развития строительства, правительство было вынуждено ввести ограничение в пользовании жилплощадью. С первых лет советской власти была установлена жилищная норма на одного человека, в соответствии с которой проводилось уплотнение жилищного фонда и его распределение нуждающимся. Также проводилось изъятие в коммунальную соб-

ственность части жилой площади частноголадельческого сектора и выселение отдельных категорий граждан, в зависимости от рода занятий и классовой принадлежности.

Введение

Становление и развитие жилищного хозяйства Беларуси в начале 1920-х гг. проходило в тяжелых условиях. Необходимость восстановления экономики и развития промышленности вызывала постоянный приток в города населения из сельской местности, что приводило к обострению жилищного кризиса. Будучи неспособным обеспечить нуждающихся жильем за счет строительства новых домов, советское правительство приняло ряд мер, направленных на перераспределение уже имеющегося жилищного фонда.

Целью данного исследования является определение факторов, оказавших влияние на жилищную политику советского правительства, ее целей в обеспечении населения жильем и путей осуществления поставленных задач через распределение жилой площади нуждающимся. Комплексные работы, в которых бы исследовались гражданские отношения, связанные с ограничением права пользования жилплощадью в БССР в период НЭПа, отсутствуют. Общие тенденции осуществления жилищной политики в СССР в рассматриваемый период, связанные с принципами распределения жилой площади, затрагиваются в книгах М.А. Шипилова “Жилищный вопрос при капитализме и социализме” [1], П.С. Мстиславского “Народное потребление при социализме” [2]. Вопросы нормирования жилой площади и санитарно-бытовых условий жилых строений отражены в сборнике методических разработок “Жилище и здоровье” [3].

Основная часть

Ограничение права пользования жилой площадью осуществлялось через уплотнение и выселение в административном или судебном порядке. До Октябрьской революции разработанных жилищно-правовых норм, регулирующих отношения, связанные с распределением жилья, не существовало, так как жилищный фонд был в основном частным и регулировался владельцами. Также не существовало ограничений и квот в пользовании жилыми помещениями, это прямым образом зависело от имущественного положения жильца.

Критерием регулирования гражданских отношений, связанных с распределением жилплощади, является установление Советской властью минимальной санитарной нормы, необходимой для проживания человеку. Был определен минимальный размер помещения в 30 куб. метров, в котором для нормальной жизнедеятельности человека правильно соотносились предельно допустимое содержание углекислоты в воздухе и интенсивность воздухообмена [3, с. 21]. Размер минимальной жилой площади, необходимой одному человеку, образовывался путем деления минимальной кубатуры на максимальную высоту помещения (3,5 м).

Постановлением комиссариата здравоохранения от 17 июля 1919 г. ее размер определялся в 8,25 кв. метров [4]. Во второй половине 1920-х гг. санитарная норма жилплощади была увеличена до 9,1 кв. метров. Определение властью необходимых человеку личных потребностей, в том числе жилой площади, соответствовало идеалам советской идеологии общественного устройства. Также это было вызвано необходимостью решения жилищного кризиса. В период новой экономической политики средний размер жилой площади на 1 человека в городах БССР не достигал санитарной нормы. В 1923 г. в окружных городах республики он составил 7,06 кв.м., сократившись в 1925 г. до 5,66 кв.м., и незначительно увеличился до 5,87 кв.м. в 1930 г. [5, л. 151].

С образованием государственного жилищного фонда функции владения, распоряжения и распределения жилья сосредотачивались в руках государства. В муниципализированные дома переселялись трудящиеся. Декретом правительства “О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения” [4] от 25 мая 1920 г. регулировались вопросы практического осуществления распределения жилья, вселения и выселения граждан. Изъятию подлежала вся жилая площадь, занимаемая учреждениями и имевшаяся у отдельных граждан сверх установленных норм [1, с. 76], на которую вселялись нуждающиеся. При определении размера жилплощади коридоры, кухни и другие помещения, не предназначенные для жилья, не учитывались. При наличии оснований для уплотнения, то есть вселения в квартиру нового жильца, проживающим в ней лицам предоставлялась возможность самим в течение двух недель подыскать себе сожителя, то есть самоуплотниться. В противном случае жилищный отдел проводил уплотнение принудительно, вселяя посторонних друг другу лиц на свободную жилплощадь. В целях уплотнения допускалось переселение жильцов в другую квартиру. Для отдельных лиц декретом предусматривались основания для дополнительной жилплощади или комнаты сверх нормы. Она предоставлялась лицам, страдающим болезнями, требующими изоляции, также отдельным работникам высшей квалификации.

Несмотря на меры правительства, во второй половине 1920-х гг. жилищный кризис обострился. Государственное, кооперативное и частное жилищное строительство не успевали за ростом городского населения. В период с 1923 по 1926 г. было построено 8968 жилых строений общей жилплощадью 378671 кв. м [6, с. 16-19]. Численность городского населения постоянно увеличивалась более чем на 2% в год: в 1923 г. оно составило 734,2 тысяч человек, в 1925 г. – 827,8 тысяч, в 1927 г. – 869,1 тысяч; в 1929 г. – 895 тысяч человек [5, л. 82]. Следствием этого была новая волна перераспределения имеющегося жилищного фонда.

В 1927 г. правительство БССР приняло постановление “О принудительном уплотнении в домах” [7], целью которого было изъятие излишка жилой и полезной нежилой площади. При осуществлении принудительного уплотнения разрешалось установление перегородок, и

перепланировка комнат в случаях, если имелась лишняя непроходная комната, также при хозяйственно-технической возможности перестроить проходную комнату в непроходную. В домах, закрепленных за предприятиями и учреждениями, уплотнение производилось в административном порядке. Оно не допускалось в домах, возведенных гражданами и жилищно-строительными кооперативами на основании договора застройки. С целью рационального использования имеющейся жилплощади жилищно-арендным кооперативным товариществам разрешалось переселение жильцов в другие дома одного и того же кооператива.

Еще одним ограничением права пользования и распоряжения жилой площадью владельцев частных домов было бронирование за коммунальными отделами части их площади. Согласно постановлению правительства БССР от 1 февраля 1925 г. местные исполнительные комитеты получили право выделения из частновладельческого сектора в распоряжение коммунальных отделов от 10 до 30% жилой площади в окружных и до 10% в районных городах [8]. Исключения составили лишь жилищные товарищества и жилищно-строительные кооперативы, также лица, осуществившие строительство жилого дома на праве застройки. В 1928 г. в данное постановление внесли изменение о том, что оно не распространялось на те дома, жилая площадь которых не превышала 50 квадратных метров. Несмотря на допустимую границу в законе до 10% в районных городах и от 10 до 30% в окружных, все исполнительные комитеты установили максимальный процент размера бронированной жилплощади.

Выселение государственными и административными органами предприятий и учреждений отдельных категорий граждан из занимаемых ими жилых помещений обобщественного фонда также являлось ограничением права пользования жилплощадью. Целью правительства в данном направлении было наведение порядка в определении оснований для вселения и выселения граждан, освобождения части жилплощади для нуждающихся. Новое жилищное строительство до 1923 г. в городах советами практически не осуществлялось, власть испытывала дефицит средств на ремонт и восстановление имеющегося жилищного фонда. Поэтому декрет СНК от 18 июля 1921 г. "О привлечении населения к ремонту водопровода, канализации, газового и центрального отопления в муниципализированных домах" [9] обязывал жильцов принимать участие в ремонте их домовладения денежными средствами, личным трудом или материалами. При отказе кого-либо из жильцов остальные проживающие в данном доме могли поднять вопрос о его выселении. Также государство поощряло тех, кто производил ремонт за свой счет. Лицам, произведшим капитальный ремонт дома за свои средства, гарантировалось невыселение в течение трех лет.

Оптимальным для правительства было создание жилищного сектора, заселенного жильцами по определенному принципу, например, работниками одного предприятия. С другой стороны, оно давало гарантии невыселения из занимаемых ими помещений отдельным категориям граждан. В 1921 г. были приняты декреты о предоставлении права невыселе-

ния работникам просвещения, командному составу Красной Армии и Флота, семьям красноармейцев, милиции, инженерно-техническим работникам, рабочим железнодорожного и водного транспорта, научным работникам и врачам. Невыселение и беспрепятственное пользование в пределах жилищных норм и срока договора гарантировалось лицам, осуществившим строительство дома на праве застройки.

В течение 1922 г. правительством БССР был принят ряд постановлений, регулирующих основания граждан на занимаемые ими помещения и выселение, которое могло производиться в судебном или в административном порядке. 17 августа 1923 г. ЦИК БССР принял постановление “О порядке выселения граждан из занимаемых ими помещений” [10], который объединил предыдущие законодательные акты о выселении из муниципализированных и немунципализированных домов. Выселение в судебном порядке производилось в случаях: а) если жилец ухудшал состояние занимаемого помещения или не содержал его в исправности (колка дров в помещении и т.п.); б) если он пользовался помещением не в соответствии с законом, договором или его назначением (использование жилого помещения для торговли); в) если он своим поведением делал для других жильцов невозможным совместное с ним проживание в квартире или комнате (систематическое нарушение тишины и т.п.); г) если он не произвел ремонт; д) в случае неплатежа квартирной платы и невзноса платы за пользование водой, канализацией, отоплением, освещением. Рабочим и служащим, а также приравненным к ним категориям срок погашения задолженности устанавливался в течение двух месяцев со дня предельного срока, прочим гражданам – в течение 7 дней после наступления срока платежа; е) в случае самоуправного занятия помещения без разрешения ведающих им органов; ж) в случае необходимости производства капитального ремонта помещения.

Выселение в административном порядке осуществлялось из домов, закрепленных за государственными учреждениями, предприятиями, профессиональными и партийными организациями, по письменному обоснованию их руководителя и сообщения в местный отдел коммунального хозяйства. Управление домами комхоза после проверки и установления основания для выселения давало распоряжение о выселении органу милиции, который в течение 3 дней предъявлял требование выселяемому и затем в течение 7 дней проводил предписание о выселении в исполнение. Не подлежали административному выселению лица, занимающие помещения по договору, лица, произведшие за свой счет капитальный ремонт, командный состав Красной Армии и Флота, семьи красноармейцев. Безработные и лица, состоящие на социальном обеспечении государства, могли быть выселены только при условии предоставления им другого жилья и транспортных средств для переселения.

В течение 1925 и 1926 гг. правительством БССР был принят ряд постановлений, регулирующих порядок выселения граждан из жилых помещений, принадлежащих учреждениям народного комиссариата пу-

тей сообщения и железных дорог, водного транспорта, из казарменных помещений учреждений народного комиссариата по военным и морским делам. Согласно постановлениям, из домов, принадлежащих указанным учреждениям, выселялись лица, не состоящие на службе в них. Выселение в административном порядке могло быть осуществлено и без предоставления другого жилья. Рабочие и служащие, лица, находящиеся на социальном обеспечении государства, безработные, инвалиды труда и учащиеся могли быть выселены с сообщением в коммунальный отдел о необходимости предоставления им жилплощади. Указанные категории выселялись только в период с 1 апреля до 1 ноября.

19 февраля 1927 г. правительство БССР приняло постановление “Об условиях и порядке выселения граждан из занимаемых ими помещений в городах и местечках” [11], которое объединяло изданные ранее постановления о порядке и основаниях выселения граждан. Данное постановление расширило основания для выселения в административном порядке: в случае занятия помещений коммунального жилищного фонда лицами без разрешения соответствующих органов, из угрожающих обвалу домов, из гостиниц после проживания в течение 14 дней, из общежитий учебных заведений в течение месяца со дня окончания учебы, бывших работников в течение 2 месяцев с момента увольнения.

В июне 1927 г. правительством СССР было принято постановление о выселении из жилых помещений, находящихся на территории государственных предприятий, лиц, которые не работали на них. Выселяемым предоставлялась жилплощадь в муниципальных домах. Таким образом, власти пытались осуществить принцип заселения ведомственных домов рабочими и служащими данных предприятий и учреждений.

При выселении рабочим и служащим, а также приравненным к ним категориям населения органами коммунального хозяйства предоставлялось другое жилое помещение и транспорт для переселения. При выселении социально “чуждых” категорий населения (“нетрудового элемента”) другое жилье и транспорт не предоставлялись, кроме этого, они могли быть выселены в течение круглого года. Таким образом, в осуществлении права пользования жилой площадью применялся и классовый принцип.

Острая нехватка имеющейся жилплощади для трудящихся в городах Беларуси и незначительное строительство новых домов вызывали необходимость поиска новых источников жилья. Принудительное уплотнение и закрепление за коммунальными отделами части жилплощади частновладельческого сектора не решило жилищный вопрос. Поэтому следующим шагом было вытеснение из государственного жилищного фонда “нетрудового элемента”. К 1925 г. “нетрудовой элемент” был почти полностью выселен из коммунальных домов.

На совещании председателей жилищно-арендных кооперативных товариществ и жилищно-строительных кооперативов г. Минска в августе 1928 г. было принято решение о прекращении договорных отношений и выселении “нетрудового элемента” из арендуемых муниципальных

домов [12, л. 1]. В мае 1929 г. правительством было принято постановление о запрещении сдачи в аренду жилплощади лицам “нетрудовых категорий” в домах коммунального фонда. Согласно закону, до 1 августа 1929 г. они выселялись из домов, находящихся в непосредственном ведении органов коммунального хозяйства, также арендуемых жилищно-арендными кооперативными товариществами, и в части коммунального фонда частновладельческих домов [13].

Заклучение

Таким образом, ограничение права пользования жилой площадью, через уплотнение и выселение, было обусловлено жилищным кризисом и стремлением правительства БССР как можно более рационально использовать имеющийся жилищный фонд. Данные мероприятия явились следствием недостаточного жилищного строительства. Однако в условиях интенсивного роста городского населения принятые меры не смогли решить жилищный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Шипилов, М.А.** Жилищный вопрос при капитализме и социализме / М.А. Шипилов. – Москва: Политиздат, 1964. – 192 с.
2. **Мстиславский, П.С.** Народное потребление при социализме / П.С. Мстиславский. – Москва: Госиздат планово-экономической литературы, 1961. – 312 с.
3. Жилище и здоровье. – Ленинград: Меджурнал, 1928. – 110 с.
4. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – Москва: НКЮ, 1920, № 52. – Ст. 227 “О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения”.
5. Материалы пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры БССР // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 31. – Оп. 1. – Д. 168.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Выпуск 1. Жилищное строительство в городских поселениях РСФСР, Украинской ССР, Белорусской ССР. – Москва: ЦСУ СССР, 1927. – 59 с.
7. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – Минск: НКЮБ, 1927, № 35. – ст. 190 “О принудительном уплотнении в домах”.
8. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – Минск: НКЮ, 1925, № 9. – ст. 79 “О передаче в распоряжение коммунальных частей жилой площади немунципализированных строений”.
9. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – Москва: НКЮ, 1921, № 56. – ст. 355 “О привлечении населения к ремонту водопровода, канализации, газового и центрального отопления в муниципализированных домах”.
10. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства БССР. – Минск: НКЮБ, 1923, № 15-16. – ст. 133 “О порядке выселения граждан из занимаемых ими помещений”.
11. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – Минск: НКЮБ, 1927, № 12. – ст. 42 “Об условиях и порядке выселения граждан из занимаемых ими помещений в городах и местечках”.

12. Постановления и инструкции СНК о выселении “нетрудового элемента” // НАРБ. – Фонд 333. – Оп. 1. – Д. 273.
13. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства БССР. – Минск: НКЮБ, 1929, №16. – ст. 90 “О мероприятиях по жилищному хозяйству”.

Поступила в редакцию 08.04.2009 г.

УДК 78.072

О.П. МОРОЗОВА

МУЗЫКАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В МОГИЛЕВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

В статье освещается работа музыкальных учебных заведений в Могилеве в конце XIX – начале XX в. Сообщаются имена музыкантов, открывших частные школы и курсы в городе, имена преподавателей музыки этих учебных заведений. Характеризуется их педагогическая и исполнительская деятельность, а также деятельность их учеников. Материалы статьи предоставляют новые сведения и факты для изучения истории музыкального образования Беларуси.

Введение

Цель настоящей статьи – дополнить новыми сведениями и фактами историю музыкального образования в Беларуси. Исследование проведено на основе изучения материалов периодической печати XIX – начала XX в., хранящейся в Российской государственной библиотеке (Москва) и документов Национального исторического архива Беларуси (Минск).

В Могилеве, как и во многих других белорусских городах, музыкальное образование к началу XIX в. уже имело свои традиции. Музыка обучали в школах при братских монастырях, иезуитских бурсах, в школах при крепостных театрах. С начала XIX в. сфера обучения музыке значительно расширяется. Преподавание музыки вводят в программы светских учебных заведений, а в последней четверти века открываются частные музыкальные школы. Появлению музыкальных школ и музыкальных курсов способствовало открытие Петербургской и Московской консерваторий в 1860-е гг., выпускники которых с 1870 – 1880-х гг. начинают работать во многих губернских городах. В Северо-Западном крае Российской империи работали также выпускники Варшавской и других европейских консерваторий.

Основная часть

Первые сведения о музыкальной школе в Могилеве можно обнаружить в “Могилевских губернских ведомостях”. В отчете о культурных

событиях 1886 г. газета писала об открытии в городе музыкальной школы “г-жи Печковской”. Сообщалось, что в школе обучают игре на фортепиано и пению – сольному и хоровому. В курс обучения входила также теория музыки. Школа насчитывала около 40 человек учащихся, “несмотря на довольно высокую плату за уроки” [1].

В 1899 г. в городе открылась частная музыкальная школа Р.Г. Певзнера (в разное время она располагалась по адресам: Губернаторская площадь, дом Цетлина.; Днепровский проспект, дом Гольдина; Днепровский проспект, дом Идельсона). Рубин Григорьевич Певзнер был выпускником Варшавской консерватории и имел звание военного капельмейстера. Он преподавал в школе игру на струнных инструментах и теорию музыки. Фортепиано вела Анна Яковлевна Замойская, также окончившая Варшавскую консерваторию, игре на духовых инструментах обучал Гирша Зеликович Певзнер, имевший домашнее музыкальное образование.

Многочисленные ежегодные объявления о приеме в школу Певзнера в газете “Могилевский вестник” сообщали, что преподавание в ней ведется “по методу консерватории”. Занятия в школе проходили ежедневно, кроме праздничных дней и, кроме того, ученикам предоставлялось посещать уроки в удобные для них дни и часы. Школа работала и летом, в каникулярное время. В ней велось обучение игре на рояле, скрипке, альте, виолончели, контрабасе, флейте, корнет-а-пистоне, гитаре, мандолине и других инструментах, входящих в состав оркестров. Плата за обучение составляла 3 рубля в месяц. Школа пользовалась успехом у жителей города, однако не все желающие посещать ее имели возможность оплачивать обучение. В 1907 г., идя навстречу желающим, не располагавшим достаточными средствами, Певзнер открывает в школе бесплатные курсы. Как сообщалось в газетном объявлении, они были устроены “для недостаточных лиц, из коих имеется в виду устраивать специальные оркестры, которые будут играть по приглашению разных учреждений, участвовать в концертах и т.п.” [2]. Школа Певзнера работала вплоть до октябрьской революции.

В начале 1900-х гг. в Могилеве свою музыкальную школу открывает известный в городе скрипач С.М. Дисман – она располагалась напротив женской гимназии: Днепровский проспект, 57 (ныне – ул. Первомайская). Профессиональный музыкант, Дисман вел разностороннюю исполнительскую деятельность и был широко известен в городе. В школе обучали игре на рояле, скрипке, виолончели и других инструментах, входящих в состав оркестра.

В 1908 г. выпускник Московской консерватории Владимир Иванович Ерихайлов открывает в Могилеве еще одну музыкальную школу. Вначале она располагалась в доме Ржеусской на Шкловской улице (позже – Днепровский проспект), а с 1910 г. – в доме Симховича на углу Большой Садовой и Почтовой (позже – Пожарная) улиц. Для преподавания в школе Ерихайлов пригласил музыкантов, получивших образование в столичных консерваториях у видных педагогов того времени.

Класс фортепиано вели Боркус Александр Федорович и Бирюкова Анна Николаевна, выпускники Московской консерватории, имеющие звание “свободного художника”. Преподавателями по классу скрипки были также выпускники Московской консерватории: Кнорре Евгений Федорович – бывший солист Московского оперного театра Солодовникова и свободный художник Миттерман Борис Рудольфович – ученик известного профессора Московской консерватории скрипача И.В. Гржимали. В классе сольного оперного пения работали В.В. Мирошникова – свободный художник и ученица профессора Московской консерватории У. Мазетти и Колобазина Елизавета Николаевна, окончившая в Петербурге курсы пения знаменитого профессора И.П. Прянишникова. Сольфеджио, теорию и гармонию, хоровой класс, а также игру на всех духовых инструментах преподавал В.И. Ерихайлов.

В декабре 1909 г. в помещении школы был дан концерт с целью знакомства местной публики с преподавательскими силами этого учебного заведения. В концерте выступили Е.Н. Колобазина, А.Ф. Боркус, а также Ю.Н. Дрейзин (преподаватель латинского языка мужской гимназии, скрипач, учившийся у профессоров Московской консерватории Г.Н. Дулова и Б.О. Сибора, в будущем – известный белорусский музыкальный деятель и критик). Спустя несколько дней моголевская газета поместила отзыв об этом концерте и отмечала: “Музыкальная школа В.И. Ерихайлова, обладая такими глубокоопытными и музыкально образованными преподавателями, может подняться на большой успех; тем более, что учащиеся сравнительно за очень недорогую плату получают довольно солидное образование” [3]. Газета не раз писала также об ученических концертах школы, отмечая высокую музыкально-художественную постановку дела в этом учебном заведении и блестящие успехи, достигнутые его учениками в сравнительно короткий срок.

Преподаватель школы Александр Федорович Боркус (1875 – 1954) на протяжении нескольких десятилетий не покидал концертную эстраду города. Он был учеником профессора В.И. Сафонова, видного русского пианиста и дирижера, бывшего директором Московской консерватории в 1889 – 1905 гг. У В.И. Сафонова учились выдающиеся русские музыканты – А.Н. Скрябин, Н.К. Метнер, А.Ф. Гедике, Л.В. Николаев и др. А.Ф. Боркус до конца своей жизни жил и работал в Могилеве. После революции он стал преподавать в государственной музыкальной школе им. Н.А. Римского-Корсакова, а с 1944 г. – в Могилевском музыкальном училище. В 1908 г. А.Ф. Боркус дал свой первый концерт в зале Общественного собрания служащих. Впечатления от этого концерта высказал в моголевской газете анонимный автор, называя Боркуса “первоклассным артистом” и “мастером музыкального искусства”, который “для школы г. Ерихайлова и вообще для Могилева является источником музыкальных знаний отдела рояля” [4].

Осенью 1902 г. в городе открылись курсы пения Ю.А. Рейдер – вскоре после приезда в Могилев этой известной русской певицы. Курсы

располагались в доме Бочке по Днепровскому проспекту. 1902 – 1909 гг. явились временем расцвета сольного пения в Могилеве благодаря неутомимой и разносторонней деятельности Юлии Александровны Рейдер. Помимо курсов, она преподавала пение в нескольких учебных заведениях города: Мариинской женской гимназии, частной гимназии С. Залеской, еврейском ремесленном училище. Местные любители вокального искусства сразу оценили появление в городе талантливой артистки. В губернской газете после первого выступления Рейдер – это был благотворительный концерт в городском театре, данный в пользу женской гимназии, – появляется статья, из которой становится известно, что Ю.А. Рейдер, обладавшая замечательным драматическим сопрано, окончила Харьковское музыкальное училище Русского Музыкального Общества, а потом продолжала свое музыкальное образование в Италии, после чего с успехом дебютировала там в опере и пела в различных городах России. Автор статьи выражал желание “удержать подольше г-жу Рейдер в Могилеве” в качестве хорошего профессора пения [5].

Высокий авторитет певицы, ее очевидный педагогический талант привлекли многих могилевчан, обладавших хорошими певческими данными, и они стали посещать вокальные курсы. В своей методике обучения пению Ю.А. Рейдер опиралась на главные принципы преподавания известных итальянских вокальных педагогов Ронкони и Петца, у которых она училась сама. При обучении пению главное внимание преподаватель обращала на постановку голоса и развитие правильного дыхания при пении. О Рейдер-педагоге писали потом, что “ее уроки являлись превосходной вокальной школой, она умела воспитывать в учениках музыкальность, глубокое понимание музыки, художественность исполнения” [6, с. 5]. Ю.А. Рейдер и ее ученики – Я.А. Космачевский, Э.М. Мейнгардт, Н.Н. Мина, А.Р. Сно, Е.Л. Эбин, С.Л. Симхович, Е.В. Нечаева, С.И. Мигай, О.Н. Титова – часто выступали в различных городских концертах. Некоторые из них имели большой успех у публики. Весной каждого года Ю.А. Рейдер устраивала в городском театре концерты учеников и учениц своих курсов, в которых она сама также принимала участие. В программы этих концертов входили романсы, арии и ансамбли и сцены из опер русских и западноевропейских композиторов. Среди учеников Ю.А. Рейдер имелись очень талантливые исполнители. Самые одаренные из них, Э.М. Мейнгардт и С.И. Мигай, впоследствии станут профессиональными певцами. Э.М. Мейнгардт будет петь на сцене Одесского оперного театра, а С.И. Мигай прославится как солист Большого театра и Ленинградского академического театра оперы и балета, получит звание народного артиста РСФСР.

Имя Сергея Ивановича Мигая (1888 – 1959) в наши дни носит один из переулков Могилева (бывший Соборный) – здесь жила семья будущего певца. Отец его, И.К. Мигай, был протоиереем кафедрального Иосифского собора. С шести лет пел Сергей Мигай в хоре собора, а поступив в гимназию, пел там в хоре, где ему поручали сольные партии.

Впервые его имя на афишах концертов учеников Рейдер появляется в 1906 г. Молодой певец, обладатель красивейшего баритона, сразу привлёк к себе внимание могилевских слушателей. В 1907 г. Сергей Мигай окончил гимназию и уехал в Петербург, где учился на юридическом факультете университета и в консерватории у профессора С.И. Габеля. В 1909 г., когда Ю.А. Рейдер переехала в Одессу, С. Мигай направился туда, поступил на юридический факультет Новороссийского университета и в Одесское музыкальное училище в класс Ю.А. Рейдер, которая определила его судьбу артиста.

В 1912 – 1924 гг. С.И. Мигай был солистом Большого театра в Москве, где пел вместе с А.В. Неждановой, Л.В. Собиновым, Ф.И. Шаляпиным. В 1924 г. он становится солистом Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова, затем возвращается в Москву, а в 1929 г. снова переезжает в Ленинград. Как в Большом театре, так и в Ленинградском, Мигай являлся одним из ведущих солистов. Среди лучших его партий были: Мизгирь, Князь Игорь, Евгений Онегин, Елецкий, Демон, Грязной, Риголетто, Жермон, Дон Жуан. Голос Мигая отличался теплым и насыщенным тембром, большим диапазоном (более двух октав), а исполнение покоряло одухотворенностью и глубиной чувства.

Осенью 1902 г. на курсы пения Ю.А. Рейдер, желая совершенствовать свое мастерство, записалась также Е.А. Казанская. Имя талантливой певицы-любительницы Евгении Адриановны Казанской можно увидеть в программах почти всех городских концертов на протяжении двадцати лет, начиная с 1900 г. Выступления певицы всегда имели необыкновенный успех.

На курсах Рейдер в Могилеве учились также А.В. Банина-Манштет, Н.В. Баранова, Н.Ф. Пушкова, О.Н. Титова, Е.А. Эбин, Д.П. Гинзбург, Н.Н. Мина, Я.А. Космачевский, А.Р. Сно, С.Л. Симхович, Е.В. Нечаева и др.

Жители Могилева, желающие учиться музыке, имели возможность не только посещать музыкальные школы и курсы, но и получать частные уроки у музыкантов, имевших консерваторское образование. В городских газетах постоянно помещались объявления преподавателей музыки, обучающих игре на самых разных инструментах, пению, а также теории музыки. Объявления часто бывали анонимными, но не всегда, благодаря чему становится возможным узнать имена некоторых музыкантов-педагогов, работавших в Могилеве. Это В. Мирмович, окончившая Венскую консерваторию [7] и А.Э. Иванова [8] – они не только давали обычные уроки игры на фортепиано, но и готовили к поступлению в консерваторию; выпускник Варшавской консерватории, преподаватель фортепиано В.А. Хржановский, приложивший к своему объявлению следующее примечание: “Только правильные основы дадут возможность достигнуть хороших результатов; всякие же неправильные приемы и привычки, усвоенные с детства, вовсе неискоренимы в зрелом возрасте. Вследствие этого преимущество малолетним, не начинавшим еще заниматься музыкой” [9]. Уроки игры на рояле предлагали также Я.Ф. Хржановская (“жена учителя музыки” [10]) и бывший старший преподава-

тель музыки Белостокского института А.К. Филипп [11]. Частные уроки игры на фортепиано давала пианистка, свободный художник Л.С. Болотнова, преподавательница Мариинской женской гимназии. В своем объявлении она сообщала, что “для начинающих прилагается усовершенствованный метод для постановки рук и для правильного и быстрейшего усвоения первоначальных технических приемов. Для лиц, желающих поступить в консерваторию или на высшие музыкально-педагогические курсы “пианистов-методологов” – соответствующая подготовка как по специальному предмету, так и по обязательным, требующимся по программам названных высших музыкальных учреждений” [12]. Л.С. Болотнова предлагала также занятия по сольфеджио, элементарной теории музыки, гармонии, энциклопедии и инструментровке. В газетах сообщалось и о том, что “Мария Николаевна Терпигорева (автор известных музыкальных сочинений) дает уроки музыки (рояль), аккомпанирует пению и инструментам” [13]. Уроки пения предлагали М.Н. Гурская (ученица Ю.А. Рейдер) [14], К.А. Щешинская [15]. Были и другие объявления: “Уроки музыки с нот и по слуху на мандолине, гитаре, балалайке, домбрах, гармонике и др. инструментах; а также составляю оркестры из сказанных инструментов. Кучеренко-Левицкий” [16].

Заклучение

Обучение музыке как в Могилеве, так и в других белорусских городах XIX – начала XX в. велось не только в специальных учебных заведениях, но и в общеобразовательных: пению – в учебных заведениях всех ступеней, игре на инструментах – в гимназиях. Так, в женских гимназиях девочек обучали игре на фортепиано, в мужских – игре на инструментах, входящих в состав симфонического оркестра. Все это создавало достаточно широкие возможности для получения музыкального образования и свидетельствовало о развитой музыкальной культуре белорусского губернского города дооктябрьского периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Могилевские губернские ведомости. – 1886. – 31 декабря.
2. Могилевский вестник. – 1907. – 19 октября (1 ноября).
3. Могилевский вестник. – 1909. – 10 (23) декабря.
4. Могилевский вестник. – 1908. – 28 октября.
5. Могилевские губернские ведомости. – 1902. – 25 сентября.
6. **Гусев, П.П.** Сергей Иванович Мигай / П.П. Гусев. – Л., 1975.
7. Могилевские губернские ведомости. – 1901. – 18 августа.
8. Могилевские губернские ведомости. – 1904. – 14 августа.
9. Могилевский вестник. – 1909. – 1(14) сентября.
10. Могилевский вестник. – 1907. – 20 августа (2 сентября).
11. Могилевский вестник. – 1916. – 5 января.
12. Могилевский вестник. – 1908. – 5(18) ноября.
13. Могилевский вестник. – 1910. – 4(17) ноября.
14. Могилевский вестник. – 1910. – 26 октября.
15. Могилевский вестник. – 1916. – 16 января.
16. Могилевский вестник. – 1906. – 15 (28) декабря.

17. Памятные книжки Могилевской губернии. – Могилев-на-Днестре: Типография губернского правления, 1961 – 1916.

Поступила в редакцию 09.11.2009 г.

УДК 316.3

Е.И. ГОЛОВАЧ

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ И ТАКТИКЕ ОБЩЕСТВА “КРЕСТЬЯНИН”

В данной статье рассматриваются взгляды деятелей виленского общества “Крестьянин” на решение аграрного вопроса и проблемы народного образования. Автор отмечает, что данным вопросам уделялось значительное внимание на страницах печатного органа общества – журнала “Крестьянин”, а также на съездах и собраниях. Делается вывод о том, что воззрения членов данной организации по обозначенным проблемам соответствовали официальной политике правительства.

Введение

Политические партии и организации, существовавшие в Российской империи в начале XX в., в своих программных установках одной из основных проблем выделяли социальные вопросы. Среди политических организаций особое место занимало общество “Крестьянин”, которое в качестве приоритетных задач своей деятельности ставило решение наиболее актуальных вопросов социальной сферы в той интерпретации, которая удовлетворяла бы интересам основной массы населения Российской империи.

Основная часть

Общество “Крестьянин” возникло на рубеже 1905 – 1906 гг. в Вильно. В него принимали лиц крестьянского происхождения, а также людей других сословий, которые являлись христианами и сочувствовали “проведению в жизнь основных начал Манифеста 17 октября 1905 г.” [1, с. 78]. Численность организации колебалась в пределах нескольких тысяч. Ее лидерами были известные виленские монархисты С. Ковалюк, А. Вруцевич, П. Каранкевич, А. Пшелка. Для управления обществом был создан Центральный комитет, который находился в г. Вильно. Этот комитет состоял из председателя, двух его товарищей, казначея, секретаря, трех его товарищей и двенадцати членов [2, л. 4 об.].

В начале 1906 г. общество “Крестьянин” начало издавать еженедельный журнал с тем же названием. Журнал призывал крестьян укреплять основы самодержавия, поддерживал столыпинскую аграрную реформу, выступал против революционного и национально-освободительного движения, не признавал самостоятельности белорусского языка и культуры

[3, с. 260]. В журнале акцентировалось внимание на том, что в крае “действительно многое неладно, что положение крестьянина безотрадное, но что все это исправить нужно не революцией, а мирным путем, постепенно, тем более, что правительство так охотно идет навстречу этому” [4, с. 2-3].

Для сотрудничества в журнале приглашались все грамотные крестьяне. На его страницах обсуждались не только вопросы, выдвинутые крестьянской жизнью, но и печатались произведения народного творчества. Цена журнала составляла 1 рубль в год. Члены общества заботились о том, чтобы журнал был доступным для всех слоев населения. Для этого предусматривалось высылать журнал по удешевленной цене или же совсем бесплатно [2, л. 5].

Следует сказать несколько слов о председателе общества С.А. Ковалюке. Этот человек являлся редактором журнала “Крестьянин” и одновременно организатором детского педагогического журнала “Зорька”. Под его руководством обществом был открыт писчебумажный магазин “Русский мир”. Кроме того, по инициативе С.А. Ковалюка в Вильно была создана типография “Русский Почин” (он являлся пайщиком этого предприятия и его управляющим) [5, с. 3].

В уставе “Крестьянина” отмечалось, что общество “имеет целью путем устного и печатного слова содействовать умственному и нравственному развитию крестьян Северо-Западного края” [6, с. 225].

Среди социальных вопросов наибольшее внимание общество уделяло аграрному вопросу и проблеме народного образования.

Члены общества отмечали, что крестьяне часто жалуются на то, что у них мало земли. Но проблема, по их мнению, заключалась не в нехватке земли, а в недостатке знаний. “Наш крестьянин копается в земле совсем бессознательно, как крот, по тому образцу, как это делалось его прадедами лет 400 или 500 тому назад. И эта наука передается преемственно из поколения в поколение...” [7, с. 452]. Для решения этой проблемы, по мнению общества “Крестьянин”, необходимо создавать сельскохозяйственные школы с опытными полями.

Сотрудник журнала Кудерский приводил пример сельскохозяйственной школы, которая существовала в начале XX в. в имении княгини А.М. Дондуковой-Корсаковой в Псковской губернии Порховского уезда. Эта школа возникла и работала при содействии княгини и управляющего имением Сибирцева. Данная школа знакомила крестьян с правильным ведением сельского хозяйства, а также в ней преподавались общеобразовательные предметы [7, с. 452-453].

В этот же период времени такие школы существовали и в Северо-Западном крае: в Марьиной Горке Минской губернии, в Горках Могилевской губернии, в имении Зачернее Витебской губернии. Однако этих школ было недостаточно для Беларуси. По мнению членов общества “Крестьянин”, такая школа должна быть организована в каждом уезде и поэтому предлагалось до открытия таких специальных сельскохозяйственных школ устраивать весной при народных училищах сельскохо-

зайшвенные курсы. Из средних учебных заведений в Северо-Западном крае было только одно – в Горках Могилевской губернии [7, с. 453].

По мнению общества, “для блага народа необходимо улучшить его материальное положение, меньше брать с него разных поборов и дать ему просвещение” [8, с. 1]. Общество призывало крестьян разных вероисповеданий не враждовать между собой, а больше заботиться о просвещении и об улучшении своей жизни [8, с. 2].

Социальные вопросы занимали важное место на съездах и собраниях общества. 13 октября 1907 г. в обществе “Крестьянин” обсуждались нужды крестьян Северо-Западного края. В результате собрание пришло к следующим заключениям: 1) часть земель крупных владельцев необходимо передать крестьянам; 2) ликвидировать сервитуты; 3) уравнивать натуральные и государственные повинности для крестьян и помещиков; 4) ввести всеобщее бесплатное начальное образование без всяких сословных привилегий в учебных заведениях; 5) организовать мелкий кредит для крестьян и ссудо-сберегательные товарищества. Следует отметить, что отдельным пунктом было вынесено пожелание, что евреи не должны допускаться в деревни, так как они не имеют ничего общего с земледелием. Данное постановление было отправлено в Государственную думу депутатам от Беларуси, чтобы они могли использовать его при рассмотрении аграрного вопроса [9, с. 735].

3-5 августа 1908 г. состоялось общее собрание членов общества “Крестьянин” с участием народных учителей, прибывших из разных мест Северо-Западного края для обсуждения вопросов, касающихся нужд деревни. Народных учителей было на съезде 35 человек, а также присутствовали и члены Государственной думы Г.Г. Замысловский и В.К. Тычинин [10, с. 3]. Перед началом собрания был совершен молебен, а затем с речью выступил С.А. Ковалюк (председатель собрания), в которой он обратил внимание на еще недостаточную работу общества в этом направлении: “...к сожалению, – сказал он, – деятельность нашего общества слаба, потому что нас мало, что мы очень заняты нашими служебными обязанностями. Более или менее свободных рук у нас нет. Не судите поэтому нас строго, но помогите нам...” [11, с. 484].

При обсуждении вопроса о языке преподавания в народной школе Северо-Западного края прения были непродолжительны, так как почти все оказались одного мнения по данной проблеме. Только один человек – учитель из Минской губернии Пинского уезда г. Протасеня, вопреки общему мнению, высказался за необходимость преподавания в народной школе белорусского языка, как отдельного предмета. Однако потом, после сделанных ему возражений, он высказался за необходимость белорусского языка в школе только как вспомогательного средства при обучении, при объяснении отдельных слов [12, с. 581]. Г-ну Протасене были высказаны следующие возражения, что при введении в школе обучения белорусскому языку в крае будет сделан шаг навстречу полонизму, так как этот язык является в сущности только наречием русского языка и по неустойчивости своих форм

(чуть ли не в каждой деревне со значительными особенностями) легко поддается влиянию польского языка [12, с. 581].

После обмена мнениями о языке преподавания в народной школе края собрание единогласно поставило: “В правительственных школах Северо-Западного края языком преподавания должен быть, безусловно, только язык общегосударственный – русский. В местностях же со сплошным литовским населением, где оказалось бы, что учащиеся не понимают русской речи, литовский язык допустим в первый год обучения только как вспомогательный и для преподавания религии” [12, с. 581-582].

Что же касается языка польского, то собрание пришло к выводу, что этот язык чужд белорусскому населению края, а так как поляков здесь весьма незначительное количество, да и те почти все, как более состоятельные, посылают своих детей не в народные школы, а в средние учебные заведения, где обучение ведется на русском языке.

Некоторые выступающие выразили желание, чтобы народная школа давала подготовку к средним учебным заведениям. Иные находили, что и теперь дети, хорошо окончившие народную школу, легко поступают в гимназии и реальные училища [12, с. 580].

27-30 декабря 1908 г. в Вильно состоялся съезд членов общества “Крестьянин”, на котором собрались представители деревни: священники, учителя, волостные писари и крестьяне Северо-Западного края. Съезд проходил в зале 1-й гимназии, и число его участников составляло более 300 человек [13, с. 25]. В самом начале с речью выступил председатель общества “Крестьянин” С.А. Ковалюк, которой был избран и председателем съезда. В своей речи он просил всех высказаться о своих нуждах и предложить возможные средства для их устранения. Товарищами председателя были избраны Вруцевич, протоиерей о. Маркевич и народный учитель Становский [13, с. 25]. В съезде принимали участие депутаты III Государственной думы, которые представляли почти все губернии Северо-Западного края: И.П. Созонович – Могилевской, А.П. Сапунов, о. Кононович – Витебской, И.Я. Павлович – Минской, В.К. Тычинин – Гродненской, Г.Г. Замысловский, о. Вераксин – Виленской [13, с. 25]. В то же время на съезде, который должен был обсуждать крестьянские нужды, оказалось всего около 20 крестьян [14, с. 22].

Программа съезда включала экономические вопросы и вопросы, связанные с улучшением просвещения: 1) показательные поля и необходимость перехода на хуторские хозяйства; 2) ссудо-сберегательные кассы, потребительные общества и сельскохозяйственные склады; 3) внешкольное образование крестьян, распространение в деревне полезных газет, книг и брошюр, устройство чтений и беседований, ознакомление крестьян с историей края; 4) правовое положение учителей народных школ и образовательные курсы для них [15, с. 717-718].

Главное место на съезде занимал вопрос о правовом положении учителей народных училищ и образовательных курсов для них. Учителя высказывали жалобы на свою нелегкую жизнь и работу, просили оказать им

помощь. Так, учитель Становский в своей речи “в мрачных красках изобразил печальное положение учителя как в материальном, так и правовом отношении; указал на зависимость его от священника, от волостного писаря и от крестьян, что вызывает ослабление его авторитета” [13, с. 25].

По этому поводу с речью выступил секретарь Думы, правый депутат И.П. Созонович. Он отметил, что не понимает, зачем учителя просят прибавки к пенсии. Ведь, по его мнению, тех 20 рублей, которые они получают в месяц вполне достаточно. Также И.П. Созонович заявил, что не считает нужным повышать и уровень образования учителей [14, с. 22].

В свою очередь протоиерей о. Маркевич высказал мысль, что крестьяне должны уважать учителя, а священник и учитель должны поддерживать друг друга, так как это сделает их просветительную деятельность более успешной.

28 декабря оживленные прения вызвало обсуждение вопроса “о внешкольном образовании крестьян, распространении в деревне полезных газет, книг и брошюр, устройстве чтений и беседований, ознакомлении крестьян с историей края”. В ответ на это И.П. Созонович подчеркнул, что, по его мнению, вопросами просвещения должно заниматься только правительство [14, с. 22].

14 ноября 1913 г. в Петербурге в Западно-Русском обществе проходило собрание, на которое были приглашены все члены Государственной думы и Государственного Совета из Беларуси. Общество “Крестьянин” решило выступить на этом собрании со своими заявлениями относительно нужд края. Еще 9 ноября на общем собрании оно постановило заявить там через своего уполномоченного члена о следующем: 1) учить сельское население ремеслам; 2) давать крестьянам низшее сельскохозяйственное образование; 3) поощрять кооперативные предприятия в деревне; 4) усилить медицинскую и ветеринарную помощь деревне; 5) открывать больше народных библиотек при училищах и не жалеть средств на распространение в крае периодических народных изданий [16, с. 11]. Таким образом, на этом собрании, как и на всех предыдущих, общество “Крестьянин” главное внимание уделило рассмотрению мер, необходимых для решения аграрного вопроса и проблемы народного образования.

Общество “Крестьянин” приостановило свою деятельность в связи с оккупацией части Беларуси кайзеровской Германией в 1915 г.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что деятели общества “Крестьянин” уделяли приоритетное внимание аграрному вопросу и проблеме народного образования, что находило отражение на страницах издаваемого ими журнала “Крестьянин”, в выступлениях на съездах и собраниях. При этом преобразования в области просвещения и аграрной сфере они стремились реализовать мирным реформистским путем при поддержке власти, не выходя за рамки официальной политики самодержавия.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бондаренко, К.М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А.А. Куляшова, 2003. – 212 с.
2. Об утверждении проекта устава общества “Крестьянин” (в гор. Вильно) // РГИА. – Фонд 1284. – Оп. 187. – Д. 68.
3. **Забайскі, М.** “Крестьянин” / М. Забайскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / гал. рэд. Г.П. Пашкоў. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 260.
4. 22-го января // “Крестьянин”. – 1909. – 6-го фев. – С. 2-3.
5. С.А. Ковалюк // Северо-Западная жизнь. – 1912. – 1 апр. – С. 3.
6. Устав Общества “Крестьянин” // Крестьянин. – 1906. – № 15-16. – С. 225.
7. Сельскохозяйственное образование // Крестьянин. – 1906. – № 29. – С. 452-453.
8. От общества “Крестьянин” // Крестьянин. – 1907. – 15-го янв. – С. 1-2.
9. В обществе “Крестьянин” // Крестьянин. – 1907. – 3-го дек. – С. 735.
10. Областной отдел. Белорусский съезд // Минское слово. – 1908. – 17 авг. – С. 3.
11. Общее собрание общества “Крестьянин” // Крестьянин. – 1908. – 12-го авг. – С. 484.
12. В обществе “Крестьянин”. Общее собрание // Крестьянин. – 1908. – 23-го сент. – С. 580-582.
13. **П.Б.** Из Вильно. Съезд представителей деревни / П.Б. // Окраины России. – 1909. – 10 янв. – С. 25.
14. Съезд представителей деревни “Северо-Западного Краю” // Наша Ніва. – 9 (22) янв. – С. 22.
15. Съезд представителей деревни Северо-Западного края 27, 28, 29 и 30 декабря 1908 года // Крестьянин. – 1908. – 18-го дек. – С. 717-718.
16. В обществе “Крестьянин” // Крестьянин. – 1913. – 15-го нояб. – С. 11.

Поступила в редакцию 11.02.2009 г.

УДК 947.2 + 654.15 + 656.8

В.К. ЗАРЕМСКИЙ

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ЖЕНЩИН В ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Почта и телеграф стали первыми учреждениями в Российской империи, которые стали принимать на работу женщин. В статье рассматриваются условия организации женского труда, их правовое, профессиональное и социальное положение. В качестве примеров использованы факты такой работы в Минской, Могилевской и Гродненской губерниях.

Введение

Современное общество активно включило женщин во все стороны своей жизни. Это заставляет исследователей внимательно отнестись к истокам этого процесса. Телеграфное ведомство первым в Российской

империи стало принимать на работу женщин. Этот факт неоднократно привлекал внимание историков, краеведов и журналистов. В работах К. Базилевича, Э. Бальчевского, В. Никитина, И. Филлиповича, Л. Шепелева и других однобоко описываются некоторые моменты труда женщин. Авторы подчеркивают сложные условия работы женщин, но показывают их без учета организационных, профессиональных и местных условий организации женского труда. Нет описания и анализа того факта, что, по мере накопления опыта работы женщин и опыта госучреждений связи по организации такого труда, условия изменялись и совершенствовались. Почтово-телеграфное ведомство, будучи первым, не имело возможности изначально выработать условия организации труда женщин. Поэтому корректировка требований к их труду происходила с момента начала работы и до установления Советской власти.

Основная часть

По распоряжению императора Александра II, кабинет министров разработал Положение о допущении женщин на телеграфную службу в Финляндии с 20 ноября 1864 года. Подписывая это решение, император вынес резолюцию: “Полагаю, что со временем можно было бы допустить женщин и в империи”. Этой припиской немедленно воспользовалось почтово-телеграфное ведомство и по докладу Министра Почт и телеграфов 26 февраля 1865 г. высочайше разрешено использовать труд женщин и в других регионах государства “на тех же основаниях, как это дозволено в Финляндии” [1, с. 161-162], в виде временной меры. Это и стало началом работы женщин в госучреждениях Российской империи. Почему это произошло и почему так быстро, между Указами императора прошло всего четыре месяца, распространили финляндский опыт?

Бурное развитие электрического телеграфа потребовало большого числа новых специалистов. Корпус инженеров путей сообщения и закрываемые станции оптического телеграфа не смогли выделить нужного количества работников. Правительству пришлось принимать экстренные меры, чтобы нормализовать ситуацию. О женщинах-работницах, первоначально, никто не думал. На льготных условиях стали принимать служащих компании Сименса и Гальске, которые строили первые телеграфные линии. С 6 февраля 1856 г. в телеграфное ведомство принимали отставных по ранению офицеров, знающих один иностранный язык. С 19 июля 1859 г. на низшие должности допущен прием лиц “из всех свободных сословий, а также дворян и чиновников гражданских как по найму, так и на службу действительную”. “Лица, не имеющие по происхождению прав на вступление в общую службу гражданскую” принимались с обязательством отслужить 12 лет до увольнения в отставку и числились “в звании нижних чинов, с правами, предоставленными канцелярским служащим” [1, с. 159]. Стоит напомнить, что от работников телеграфа требовались хорошая техническая подготовка и знание иностранного языка (французского или немецкого). Первоначально специ-

алисты готовились в Петербурге, но распространение телеграфа по империи, сделало это экономически не выгодным делом. Подготовка телеграфистов, начатая на местах, в школах при телеграфных отделениях, не устраивала правительство. Преподавателями в основном были все те же немецкие специалисты фирмы Сименса и Гальске. Они являлись хорошими практиками, но, как правило, не обладали необходимым запасом теоретических и педагогических знаний. Телеграфисту первого разряда необходимо было знать свободно один иностранный язык, служебную и техническую телеграфию. От телеграфных механиков при повышении с низшего на высший оклад и в старшие механики – знание и объяснение проектов по устройству станций и линий, прокладке подземных и подводных линий, сооружению городских линий и т.д. Телеграфисты делились на старших, младших и на сигнальщиков. С 1872 г.: на I, II, III разряды (оклад 780, 540 и 420 рублей в год) и телеграфистов IV разряда высшего и низшего окладов (оклад 240 и 180 руб.). Были и надсмотрщики за телеграфными линиями, но о приеме женщин на эту должность вопрос никогда не ставился (эта должность есть и сейчас, но женщины на ней не работают до сих пор). Таким образом, комплектование работников телеграфной службы явилось весьма нелегким делом. Еще в 1870 г. директор телеграфов К.К. Людерс в своем приказе писал: “Имея в виду существующий ныне недостаток в чинах и будучи уверен, что телеграфное дело, которому мы посвятили нашу деятельность, одинаково дорого для всех моих сослуживцев, я обращаюсь в настоящем случае к их содействию, учитывая при этом найти в них полную готовность способствовать по мере сил и возможности к приисканию молодых людей к телеграфной службе” [1, с. 160-161]. В такой ситуации, перебрав различные варианты, правительство и решилось предоставить женщинам возможность работы в почтово-телеграфном ведомстве.

14 января 1871 г. временная мера сделана постоянной и женщинам разрешили занимать должности телеграфистов IV разряда в определенной пропорции от общего числа должностей. Циркуляром МВД от 24 марта 1874 г. устанавливалась 30% норма для женщин телеграфисток уже III разряда. Современники подчеркивали, что именно с этого решения назначение женщин телеграфистками стало постоянной мерой [2, с. 143]. В 1883 г. разрешили повышать телеграфисток до II разряда [1, с. 162].

В результате реформы 1884 г. почтовое и телеграфное дело объединили в одно Главное управление почт и телеграфов. Было введено единое для ведомства деление низовых работников на шесть разрядов почтово-телеграфных чинов. В низшем, VI, чины делились на высший и низший оклады. Женщины могли занимать должность всех разрядов, но без права быть назначенными руководителями почтово-телеграфных учреждений. Известно, что в 1909 г. возник вопрос о возможности допуска женщин к службе в Главном управлении почт и телеграфов, но все ограничилось рассмотрением “возникшей возможности” [2, с. 144]. В последний раз ограничения уменьшены Временным правительством 31 июля 1917 г., когда

впервые были оговорены равные права с мужчинами, и женщинам разрешили занимать руководящие должности, но некоторые ограничения оставались вплоть до установления Советской власти.

Условия работы женщин были иными, чем мужчин. С одной стороны, к ним применялись такие же профессиональные требования, как и к мужчинам. С другой – были и специфические: возрастные, семейные, образовательные, профессиональные, социальные.

Возрастные. На работу брали женщин в возрасте не старше 25 лет (с 1864 г. – с 18, а с 1917 г. – с 16 лет). Предельный срок службы первоначально составлял 35 лет, а с 1906 г. – 30 лет службы [1, с. 162; 2, с. 144; 3, с. 26-27]. У мужчин минимальный был такой же, а предельный не изменялся – 35 лет. Эта разница в пять лет сохраняется до сих пор.

Семейные. На работу принимались вдовы и девицы. Из замужних – состоявшие в браке с чиновниками телеграфного ведомства. Замуж они могли выйти с разрешения начальника конторы (стоит подчеркнуть, что и мужчинам-связистам требовалось такое же разрешение на вступление в брак) и только за почтово-телеграфного работника. В случае необходимости муж заменял на рабочем месте свою жену. Именно так была принята на работу в 1870 г. Елизавета Эрнестовна Крыгер, жена начальника могилевской телеграфной станции. Первой же телеграфисткой в Могилеве и первой женщиной-могилевчанкой на государственной службе явилась Юлия Ивановна Гейбович (работала с 21 февраля 1867 г.). В 1908 г. “был признан допустимым брак женщин с лицами, не только служившими в почтово-телеграфном ведомстве, но и вне его” [2, с. 144]. Однако предпочтение отдавалось незамужним и бездетным вдовам. Именно в этом Почтово-телеграфное руководство видело главную общественную пользу своего решения. В юбилейном издании 1902 г. подчеркивалось, что “этой мерою и достигнутыми ею удовлетворительными результатами было положено начало допущению вообще в России женщин на службу в общественных и правительственных учреждениях, в видах доставления бедным девицам и вдовам способа зарабатывать честным и постоянным трудом средства к существованию и поддержанию своих семейств” [1, с. 162]. Требование о “вынужденном безбрачии” сохранялось вплоть до революции [4, ст. 4]. Еще одну точку зрения по этому вопросу высказали владельцы Московского телефона. Они принимали на работу незамужних женщин “дабы лишние думы и заботы не приводили к ошибкам при соединениях” [5, с. 101].

Образовательные. От поступающих на службу требовали знание русского, французского и немецкого языков (от мужчин – один иностранный язык), арифметики и географии. С 1872 г. – свидетельство об окончании среднего образования (т.е. гимназии). С 1900 г. – свидетельство об окончании учебного курса не менее четырех первых классов женских гимназий, епархиальных женских училищ и других соответствующих им учебных заведений, или выдержать, в установленном порядке, соответствующее курсу перечисленных учебных заведений испы-

тание. Образовательный ценз был высоким и никогда не снижался. В 1904 г. начальник Минского почтово-телеграфного округа (в него входили Минская и Могилевская губернии) особо подчеркивал в своем циркуляре, что женщины, не выдержавшие испытания, должны “представить удостоверение о получении образования” [6, л. 93]. То есть если кандидатка, не имеющая необходимого образования, не смогла сдать экстерном экзамены за курс учебного заведения, то ей надо было поступить на учебу и по окончании ее вновь подавать прошение поступить на службу. От мужчины при приеме на службу требовали грамотности, только потом в процессе службы они сдавали экзамены, как правило, за курс уездного училища. Профессиональные знания получали по месту работы, затем в телеграфных или почтово-телеграфных школах. Для белорусских губерний в гг. Вильно, Гродно и Минске. В 1915 г. с февраля по май на минских трехмесячных курсах надсмотрщиков и чиновников три четверти занимающихся были женщины, но это в условиях войны, когда большое число мужчин призвали в армию [7, ст. 16].

Профессиональные. Испытания и подготовка к службе производилась порядком, установленным для мужчин. Поступающие на службу были хорошего умственного и физического развития, хороших нравственных качеств, владели четким почерком и проходили освидетельствование “у врача в присутствии начальника учреждения с особым вниманием”. Они принимали присягу и давали подписку о сохранении тайны [8, л.6 и 18; 9, л.5]. Рост должен был превышать полтора метра, чтобы сидя перед коммутатором, они легко дотягивались до самых удаленных по диагонали разъемов [5, с. 101]. В первые годы женщин принимали на работу на второстепенные должности. Вплоть до революции им не присваивались классные чины. Профессиональные разряды присваивались вплоть до первого (с 1884 г.). До 1906 г. женщин принимали на работу только как вольнонаемных, а с 1906 г. после трех лет работы их могли переводить и в разряд государственных служащих. В телефонных учреждениях работницы использовались только для обслуживания коммутаторов и могли исполнять обязанности старших дежурных [10, с. XXXVII]. В 1907 г. в новой редакции Устава почтового зафиксирована возможность занятия женщинами, получившими пятый разряд, должностей начальников почтовых отделений в городах и вне городов, а знающими иностранные языки и телеграфное дело и должностей начальников почтово-телеграфных отделений [3, с. 27]. С 1882 г. женщины-работницы имели и свою форму одежды [11, с. 77].

Отпуска в почтово-телеграфном ведомстве были редкостью. Существовало много ограничений, несмотря на то, что официально они были разрешены (28 дней) [9, л. 30]. Главное ограничение заключалось в том, что отпускник на время отпуска должен был найти себе замену. При малочисленности работников и отсутствии на рынке труда таких специалистов это становилось непреодолимой преградой для работников (особенно в маленьких учреждениях), и в отпусках они бывали редко.

Многие – ни одного раза за все годы службы. Женщинам-работницам полагался регулярный ежегодный отпуск (и они активно этим пользовались) [Например: 12, л. 77 и 101; 13, л. 10]. Нетрудно догадаться, как реагировали на эту льготу у женщин работники-мужчины.

Рабочее время. В дневную смену работали с 8.00 до 20.00. Женщин не привлекали к работе в ночное время, в выходные и праздничные дни. Это рабочее время отводилось мужчинам и было дополнительной нагрузкой для них. Поэтому и существовала процентная норма числа женщин в почтово-телеграфных учреждениях. В крупных учреждениях, где работало много женщин, постоянно шли скандалы по поводу их привилегированного положения. В большинстве правительственных почтово-телеграфных учреждений не стремились брать женщин на работу. Нет их – и нет проблемы [14; ст.15]. Руководство Минского округа было одним из самых консервативных в Российской империи и тоже было на стороне работников-мужчин. С момента начала работы женщин и до начала Первой мировой войны в Минской и Могилевской губернии работало всего одиннадцать женщин в разные годы. В г. Могилеве, кроме выше названных женщин, трудились в 1888 – 1894 гг. Наталья Степановна Ермакова почтово-телеграфным чиновником V разряда и в 1906 – 1909 гг. Аристархова К.Н. – телефонисткой. В 1908 г. начальник округа возмущался тем, что руководители предприятий связи освобождают женщин от работы в ночное время и считал “этот образ действий начальников учреждений своевольным и даже незаконным, обременяющим неравномерным трудом чиновников мужчин” [15, л. 31]. Он требовал рабочую нагрузку распределять равномерно среди всех работников. В этом году на весь округ было всего три женщины-работницы! В 1914 г. требовал одинакового отношения к работе мужчин и женщин и Начальник Управления почт и телеграфов В.Б. Похвиснев [4, ст. 4]. Справедливости ради, необходимо отметить, что такие спорные ситуации возникали только в правительственных учреждениях связи. В частных их не было: здесь с самого начала телефонистками, как правило, работали женщины [16, л. 54; 17, л. 54 и др.].

1 сентября 1906 г. в штат Могилевской телефонной сети чиновником 6 разряда по вольному найму была принята Аристархова Клавдия Николаевна [13; д. 30]. Она и стала первой в городе Могилеве и Могилевской губернии женщиной-телефонисткой. Приняли ее по протекции. Ее отец – статский советник, преподаватель черчения, рисования и чистописания в Александровском реальном училище Н.А. Аристархов долгое время на общественных началах возглавлял Могилевское отделение Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. А родственное Могилевское отделение Союза драматических писателей и композиторов при Российском императорском театральном обществе, по традиции, возглавляли начальники губернской почтово-телеграфной конторы. Скорее всего, эти связи и сыграли свою роль. Аристархова родилась в Могилеве 20 марта 1879 г. В 1897 г. окончила полный курс Могилевской

женской гимназии и по тем временам имела высокую для женщины образовательную подготовку. Ее оклад составлял 390 рублей в год и 90 рублей квартирных денег. Но работать ей пришлось недолго. Телефонисты-мужчины выжили ее. В 1909 г. она ушла в отпуск и, не выходя из него, подала прошение об увольнении с 3 декабря 1909 г. Этот поступок стал достоянием широких читательских кругов, благодаря столичной газете “Почтово-телеграфное эхо”. Но редакция газеты выступила на стороне могилевских мужчин-телефонистов [18, с. 15].

Зароботная плата. Первоначально оклад женщин составлял от 200 до 300 рублей в год [1, с. 161]. Это было меньше чем у мужчин. С 1884 г. женщины получали оклад наравне с мужчинами. Им полагались квартирные деньги, в случае необходимости выплачивались деньги на проезд и командировочные, согласно занимаемой должности [3, с. 27].

Особенности труда. По количеству женщин лидировал телефон, затем телеграф и меньше всего их работало на почтовых операциях. Телефон считался и самым трудным ремеслом. По мере роста числа абонентов, напряженность труда все время возрастала. В 1910 г. на каждую телефонистку Петербурга приходилось в среднем 160-170 соединений в час, не считая ответов “занято”. Возмущения и грубость клиентов были нормой. В результате работницы страдали и нервными расстройствами, и ушными болезнями, и уставали физически к концу смены. Текучка кадров была большой. И чем крупнее был город, тем больше было проблем [5, с. 101]. Нагрузка на телеграфе распределялась неравномерно, в зависимости от загруженности линии. Самой загруженной в России была линия Петербург – Витебск – Могилев – Киев. В 1911 г. среднемесячная нагрузка на ней составляла 700.000 слов. И если в Могилеве все телеграфисты были мужчинами, то в Витебске работало восемь женщин.

Привлекательность труда. Несмотря на ограничения и трудности женщин, желающих работать в почтово-телеграфном ведомстве, было очень много. Докладные записки, циркуляры переполнены сообщениями о большом числе кандидаток [9, л. 5; 12, л. 2]. Получение профессиональной подготовки не гарантировало места работы. Приходилось подолгу ждать. Например, сестры Афанасьевы окончили школу при Гродненском почтово-телеграфном округе “без ученического пособия”. Анастасия даже с золотым жетоном, но на работу приняты только как дети погибшего офицера. И только по протекции из Петербурга. Обеих направили в Брестскую почтово-телеграфную контору. В 1915 г. они имели III почтово-телеграфный чин и были награждены светло-бронзовыми медалями “В память 300 лет царствования дома Романовых” и “За труды по всеобщей мобилизации 1914 г.” [12, л. 10, 12, 14, 17, 19, 39 и 50].

Заключение

Таким образом, почтово-телеграфное ведомство первым в Российской империи стало принимать на работу женщин. В первые годы – в виде вынужденной меры, в последствии это стало нормой. Использо-

ние труда женщин упростило ситуацию с подготовкой специалистов, но и создало новые проблемы. Условия труда женщин постоянно изменялись. И если материальная сторона была уравнена с мужчинами, то некоторые требования, прежде всего требования бездетности и безбрачия, остались вплоть до революции и являлись постоянным укором руководству ведомства. Иногда мужчины сами указывали на “бедственное положение работниц”, желая заставить правительственные круги быстрее и энергичнее решать и их проблемы [4, ст. 4]. Вместе с тем были и льготы, прежде всего в режиме рабочего времени, которые постоянно вызывали нарекания со стороны работников-мужчин. Разница в организации труда мужчин и женщин не радовала и тех и других и порождала многочисленные скандалы, отголоски которых до сего дня кочуют по отдельным публикациям. Общественное мнение Российской империи хвалило почтово-телеграфное ведомство за предоставленную возможность женщинам реализовать себя в труде, но критиковало его за осторожность и медленное совершенствования условий женского труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. МВД. Исторический очерк. Приложение 2-е. Почта и телеграф в XIX столетии. – СПб.: Тип. МВД, 1902. – 252 с.
2. Материалы по истории связи в России. XVIII – начало XX вв. / под ред. Н.А. Мальцевой. – Ленинград, 1966. – 336 с.
3. Устав почтовый. Изд. 1906 г. // Свод законов Российской империи. Изд. 1907 г. – Т. XII. Ч. I. – СПб: Тип. МВД, 1907. – С. 26-27.
4. Смета Главного управления почт и телеграфов. Выписка из стенографического отчета 74 заседания Государственной Думы. 5 мая 1914 г. // Почтово-телеграфное эхо. – 1914, 31 мая. – Ст. 1-12.
5. **Никитин, В.** Замужних в должность не брать! / В. Никитин // Родина. – 1996. – № 12. – С. 100-104.
6. Циркуляры начальника Минского почтово-телеграфного округа и телеграммы. 1904 г. // Шкловская почтово-телеграфная контора. – Фонд 2233. – Оп. 1. – Д. 1.
7. Выпуск на организованных в Минске курсах надсмотрщиков // Почтово-телеграфное эхо. – 1915, 11 марта. – Ст. 16.
8. Формулярный список Тарасевич Е.С. // Управление Минского почтово-телеграфного округа. – Фонд 448. – Оп. 2. – Д. 1096.
9. Циркулярные распоряжения начальника Минского почтово-телеграфного округа. 1909 г. // Бельничская почтово-телеграфная контора. – Фонд 2234. – Оп. 1. – Д. 1.
10. Почтово-телеграфная статистика с кратким обзором за 1906 г. – СПб.: Тип. МВД, 1906. – XXXIX с. + 104 с.
11. **Шепелев, Л.Е.** Чиновники в погонах / Л.Е. Шепелев // Родина. – 1994. – № 1. – С. 76-81.
12. Дело дочери подполковника Т.А. Афанасьевой // Национально-исторический архив РБ в г. Гродно. – Фонд 99. – Оп. 2. – Д. 10.
13. Формулярный список Аристарховой К.Н. // Управление Минского почтово-телеграфного округа. – Фонд 448. – Оп. 2. – Д. 1096.
14. Как нам сообщают // Почтово-телеграфное эхо. – 1915, 21 марта. – Ст. 15.

15. Дело по устройству земской телефонной сети в Речицком уезде и циркуляры начальника Минского почтово-телеграфного округа // Управление Минского почто-телеграфного округа. – Фонд 448. – Оп. 1. – Д. 7.
16. Дело о создании телефонной сети в Бобруйске. 1907 – 1912 гг. // Управление Минского почтово-телеграфного округа. – Фонд 448. – Оп. 1. – Д. 692.
17. Отчеты по эксплуатации земских телефонных линий. 1914 – 1916 гг. // Управление Минского почтово-телеграфного округа. – Фонд 448. – Оп. 1. – Д. 712.
18. **Заремский, В.К.** Могилевский телефон. 1904 – 2004 / В.К. Заремский. – Могилев: УПКП “УМОУТ им. С. Соболя”, 2004. – 95 с.

Поступила в редакцию 10.04.2009 г.

УДК 2 – 285.4

А.П. ЕЛОПОВ

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ АВТОРОВ

Статья посвящена феномену современного православного антисоветизма. Автор определяет его место в социальной стратегии и внутренних разногласиях Русской Православной Церкви.

Введение

Удаляясь в прошлое, советская эпоха (1917 – 1991 гг.) все еще привлекает внимание людей, ее переживших. Очень часто она становится темой для принципиальных заявлений и острых дискуссий в Русской Православной Церкви (РПЦ). И то, что говорят о ней церковные иерархи и проповедники, историки и публицисты, может дать важную информацию об актуальном состоянии самого русского православия. Данная статья представляет, по сути, первую попытку использовать эту возможность в целях научного исследования. Нами был рассмотрен широкий круг источников, относящихся к РПЦ (ее официальные документы, популярные издания, высказывания авторитетных лиц), но ограниченный формат статьи позволит процитировать лишь некоторые из них.

Основная часть

В настоящий момент критика советского строя воспринимается в РПЦ как норма православной жизни, а ностальгия по СССР – как признак недостаточной воцерковленности. Между тем “Журналы Московской Патриархии” еще 20-летней давности полны совсем другого социального пафоса. Их чтение способно стать серьезным испытанием для нашего современника, убежденного в том, что Церковь есть “столп и утверждение истины” (1 Тим. 3,15).

РПЦ старается забыть свое “октябрьское богословие” 1960 – 1970-х гг., включавшее российскую социалистическую революцию в Божественный план спасения человечества. Не видно православных авторов, желающих повторить вслед за митрополитом Вениамином (Федченковым) (1880 – 1961), что русский народ принял советскую власть “государственно сознательно по причине своего ... здорового мужицкого смысла” [1, с. 157]. Тон задают те, кто считает 1917 год моментом величайшего грехопадения народов России, которые поверили коммунистической демагогии, устремились за предателями и палачами своего Отечества. Героями православных изданий стали белогвардейцы, с оружием в руках поднявшиеся против “утопии, которая не просто соблазняла русский народ, но разрушала его душу, извращала его суть...” [2, с. 11].

В церковной литературе теперь лишь изредка можно найти признание того, что строительство социализма в бывшем СССР было созвучно положительным установкам и традициям восточнославянской культуры, сформировавшимся под влиянием православия. Например, так считает российский экономист и политик С. Глазьев, близкий к Московской Патриархии [3, с. 25]. Но большинство православных авторов рассматривают социализм советского образца, нацеленный на достижение коммунизма, как дьявольскую пародию на христианство и ищут его предшественников среди еретических движений и языческих мифов. Распространенное мнение озвучивает профессор МДА М. Дунаев, по словам которого, “...идеал коммунистического рая – проявление, как известно, древней хилиастической ереси – а что из ереси может явиться доброго?” [4, с. 41]. Такая постановка вопроса, очевидно, означает, что преодоление в СССР массовой нищеты и безграмотности, снижение детской смертности и творчество коммуниста Шолохова не имеют никакой ценности. Метафора “земного рая”, который замыслили коммунисты, гипнотизирует многих православных, однако они не могут убедительно объяснить, почему, например, строительство в СССР доступного жилья для трудящихся есть проявление хилиазма, а возведение царских или “новорусских” дворцов – нет.

Православные авторы склонны недооценивать позитивную программу и прагматические аспекты советского строительства, связанные с решением насущных проблем и удовлетворением неизвращенных потребностей миллионов людей. В истории советского периода они видят, прежде всего, массовые страдания и убийства, которые объясняют почти исключительно особенностями коммунистической доктрины и преступной волей вождей-атеистов. Их масштаб, безусловно, огромный, еще больше преувеличивается. По утверждению публициста А. Залесского, “когда счет жертв идет на миллионы, точность не так уж и важна, – достаточно и одного миллиона невинно убиенных, чтобы советская власть утратила моральное право на существование” [5, с. 57].

Этот аргумент популярен среди представителей Церкви, однако они не хотят быть последовательными. Ведь руководствуясь таким строгим критерием, трудно найти на земле социальную систему или политический режим, имеющий моральное право существовать. Не является исключением ни Византия, которую воспел в своем фильме "Гибель империи. Византийский урок" (2008 г.) архимандрит Тихон (Шевкунов), ни Российская империя. Можно вспомнить, что в годы гражданской войны противники большевиков осуществляли широкомасштабные репрессии, и что развитие капитализма сопровождалось бесчисленными преступлениями против человечества. Таким образом, у антикоммунистической альтернативы тоже не было морального права на победу в нашей стране – ни в 1917 году, ни в 1991.

Парадокс православного антисоветизма можно увидеть в том, что Церковь оказывается способной ужиться с рабовладельческими и феодальными империями, с капитализмом иудейских и протестантских истоков, но только не с обществом, которое осудило эксплуатацию человека человеком и провозгласило идеал всеобщего братства. И хотя история Византии знала и массовые политические репрессии, и жестокие гонения на верующих, однако не ее, а советскую эпоху требует признать всецело преступной известный православный миссионер и публицист игумен Петр (Мещеринов). На страницах "Церковного вестника", официального органа Московской Патриархии, он даже призвал ввести уголовное наказание для тех соотечественников, кто будет упорствовать в своих симпатиях к советскому строю [6].

Чем может объясняться такой накал православного антисоветизма, более заметный, кстати, у относительно молодых авторов, тех, кто не испытал лично ни сталинских репрессий, ни хрущевского антирелигиозного погрома? Представляется, что так выражает себя не только желание восстановить историческую правду и высказать то, что исключалось цензурой советского времени. Православные активно используют антисоветскую критику для того, чтобы реализовать свои социальные претензии и проекты в новых исторических условиях.

Напоминая о бедствиях советского периода, церковные апологеты пытаются дискредитировать и остановить процесс секуляризации, который продолжается и "после СССР". Так, митрополит Иларион (Алфеев), новоназначенный глава синодального Отдела внешних церковных связей, уверяет, что в основе современного светского гуманизма лежит все та же ложная антропология, которая уже "стала основной причиной зверств сначала французских революционеров, а затем и коммунистов, и нацистов" [7, с. 41]. По его убеждению, разделяемому и другими православными авторами, опыт советской эпохи засвидетельствовал, что православное христианство неотделимо от исторических судеб восточнославянских народов, и попытка проигнорировать или разорвать эту связь грозит нам очередной национальной катастрофой.

Горестные рассказы о том, как безбожники разоряли Церковь, сопровождают просьбы помочь ей возродиться. Антисоветская риторика

представителей РПЦ отвечает интересам властных элит, возвысившихся за счет разрушения СССР (исключение – ситуация в Беларуси). Она должна помешать либералам-западникам, которые пытаются изобразить РПЦ “осколком” советского тоталитаризма, а также отразить вызов “альтернативного православия” (непримиримых “зарубежников”, “автономистов”, “катакомбников”), сделавших ставку на еще более воинственный антисоветизм.

Кроме того, мрачный образ советской эпохи является важным атрибутом полемики внутри самой РПЦ. И православные фундаменталисты, и модернисты, и сторонники патриархийного “мейнстрима” пытаются с его помощью дискредитировать позицию другой партии, а программу своей – представить в выгодном свете. Соответственно, утверждается, что советское лихолетье на практике подтвердило или, наоборот, опровергло: “русскую идею”, необходимость демократизировать управление РПЦ, курс на сближение с инославными и т.п. Этот хаос мнений наполняет не только православную литературу, но и массовое сознание церковного народа.

Православные фундаменталисты исходят из мифологемы “Москва – Третий Рим”, считая русскую монархию, как она сложилась в допетровский период, совершенной христианской империей. Многие из них полагают, что царская власть служит тем “удерживающим”, который, согласно апостолу Павлу (2 Фес. 2, 3-8), не дает войти в мир антихристу. Предав своего монарха в феврале 1917 г., русский народ (в широком смысле – все восточные славяне) заслужил свои дальнейшие страдания под властью коммунистов. “На согрешившую Россию была наложена епитимья” [8, с. 138], – пишет С. Фомин, составитель сборника материалов, посвященного Сергию (Страгородскому). По убеждению С. Фомина, митрополит (в 1943 – 1944 гг. – Патриарх) Сергий вел РПЦ под ударами безбожной власти, ясно сознавая, что таким образом вершится справедливый Божий Суд.

Целый ряд авторов-фундаменталистов (О. Платонов, М. Назаров, К. Душенов и т.д.) считают, что советский проект приобрел разрушительный характер, главным образом, из-за участия в нем большого числа людей, воспитанных иудаизмом. Еще в 1994 г. приобрела шумную известность книга митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна (Снычева) “Самодержавие духа”, на страницах которой Октябрьская революция была охарактеризована как акт борьбы “жидовства” с христианством [9, с. 267]. Московская Патриархия дистанцируется от подобных идей, навлекающих обвинение в антисемитизме, но они имеют немалый резонанс в церковной среде.

Любопытный зигзаг фундаменталистской мысли представляет собой “православный сталинизм”. Его сторонники полагают, что советский вождь И. Сталин сыграл роль “Божьего бича”, который “хлестал” народ, предавший православную веру предков. Сталин разгромил коммунистов-космополитов и начал строить СССР как великую империю, где

нашлось место и для РПЦ. “Красный царь” хотя бы на время смог опустить “решетку”, отгородившую восточнославянскую цивилизацию от тлетворных западных влияний.

“Православный сталинизм” имеет определенные перспективы развития в Церкви, которая устами своих иерархов обличает “диктатуру греха”, установившуюся на Западе, и беспокоится о государственной мощи России. Ему благоприятствует и социальный состав верующих, многие из которых сознают себя жертвами не столько советской власти, сколько антисоветских реформ, проведенных по западным образцам и советам. Впрочем, эта идейная тенденция до сих пор не получила всецелого признания даже в фундаменталистских кругах РПЦ (например, см. [10]). Тем более, ее осуждают церковные либералы и модернисты, которые в связи с этим говорят об опасном националистическом уклоне современного русского православия.

Для церковного историка и члена Синодальной комиссии по канонизациям о. Георгия Митрофанова сталинский тоталитаризм явился наивысшим выражением лжи, бесчеловечности и душевредного соблазна коммунистической утопии. Советский коммунизм при Сталине обнаружил свои фашистские потенции, пытаясь скрестить террористическую диктатуру с подобием национальной идеи. Мало того, он даже сумел “превзойти в XX веке дьяволизм фашизма” [11, с. 126], поэтому о. Георгий находит слова извинения и сочувствия для т.н. “власовцев”, выступивших против сталинского режима в составе гитлеровских войск.

Г. Митрофанов – респектабельный представитель патриархийного “центра”, но последняя его мысль, даже поддержанная Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей, не может стать официальной позицией всей РПЦ, поскольку разрушает один из важнейших, идеологически-выигрышных аспектов ее имиджа. Православные апологеты подчеркивают, что во время войны с нацистской Германией Церковь проявила свой исконный патриотизм и мудрость, поддержав советское государство молитвой, проповедью и пожертвованиями. Если же принять логику о. Георгия, то получается, что в 1941 – 1945 гг. РПЦ приняла сторону наибольшего зла. Вот почему Патриарх Московский и всея Руси Кирилл должен был решительно вмешаться в спор вокруг книги Г. Митрофанова “Трагедия России” и заявить о том, что нацизм в плане человеконенавистничества далеко превзошел сталинский режим [12].

Отдельный и очень болезненный вопрос – ответственность дореволюционной Церкви за катастрофу советского периода. Она очевидна для тех, кто призывает к серьезной модернизации церковной жизни. В известной книге “Побелевшие нивы” (1994 г.), названной критиками “манифестом неообновленчества”, ее автор о. Александр Борисов утверждал, что многие мнимо православные ценности были впитаны советским обществом в секуляризованном виде. Так, например, «идея един-

ственно “истинной веры” соответствовала идея “единственно верного марксистско-ленинского учения”» [13, с. 149].

Представители либерально-модернистского крыла РПЦ (о. А. Борисов, о. Г. Кочетков, о. П. Мещеринов и др.) сожалеют о том, что Октябрьская революция сорвала осуществление церковных реформ, намеченных Поместным Собором 1917 – 1918 гг. В то же время их оппоненты предлагают увидеть здесь благое проявление Божественного Промысла, который пресек движение к православному “Аджорнаменту”. Вторая точка зрения сейчас является преобладающей. В значительной мере это связано с тем, что РПЦ в 1990-е гг. наполнилась людьми, которые искали за церковной оградой безусловный авторитет, несомненную уверенность, жизненную стабильность и не хотели повторения здесь чего-то, напоминающего “перестройку”.

Церковный историк модернистской ориентации Д. Поспеловский с тревогой пишет о том, что советская эпоха до сих пор не получила развернутую церковную оценку на уровне соборных определений. Хорошим поводом для этого мог стать Юбилейный Архиерейский Собор (2000 г.), который канонизировал новомучеников и исповедников Российских, а также принял “Основы социальной концепции РПЦ”. Но даже “французским революциям XVIII – XIX столетий место в социальной концепции РПЦ нашлось, а для анализа коммунистической власти и позиции церкви при ней ... не нашлось” [14, с. 646]. По мнению Поспеловского, с которым солидаризуются и многие авторы-фундаменталисты, руководство Московского Патриархата не желает гласно извлечь уроки из истории советского периода, поскольку боится поставить Церковь на путь перемен и при этом лишиться власти.

Впрочем, эта ситуация может измениться уже в ближайшее время. Патриарший престол в РПЦ занял человек, имеющий репутацию реформатора и постоянно напоминающий, что он – сын и внук христиан, репрессированных советской властью. Ближайший сподвижник Патриарха Кирилла митрополит Иларион (Алфеев) не скрывает, что в молодости он был активистом литовского антикоммунистического движения “Саюдис”. Такие люди способны вывести советское прошлое на суд не только православных историков, но и церковных соборов.

Заклучение

Представляется очевидным, что тема советской эпохи одновременно привлекает и пугает православных христиан – привлекает возможностью обличить ущербность атеизма и церковного инакомыслия, а пугает необходимостью выговорить горькую для себя правду о своей Церкви и своем народе. В православной критике советского строя есть много справедливого, но зачастую она имеет тенденциозный и конъюнктурный характер, формирует упрощенную черно-белую картину мира. Стремясь поскорее расстаться с тяжелым для РПЦ историческим наследием, некоторые православные авторы демонизируют большой отрезок отечествен-

ной истории и, тем самым, блокируют доступ к позитивному опыту и нерастроченным ресурсам советского проекта.

Анализ показывает, что РПЦ пока с трудом дается роль духовного лидера постсоветского общества, на которую претендуют ее руководители и идеологи. Концептуальная мысль русского православия несет значительный отпечаток конфессиональной узости и церковно-партийной пристрастности, что в целом ряде случаев приводит к неадекватному восприятию социально-исторической реальности. В своих собственных рядах РПЦ не может добиться устойчивого идейного консенсуса по принципиальным вопросам церковной и светской жизни. Хотя, с другой стороны, ее внутренние споры свидетельствуют, что она не превратилась в самодовольно-непогрешимую и монолитную секту, где невозможны свобода мысли и напряженный поиск истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.: Изд-во “Отчий дом”, 1994. – 448 с.
2. Протоиерей Георгий Митрофанов. Трагедия России. “Запретные” темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. – СПб.: Моби Дик, 2009 – 240 с.
3. **Глазьев, С.** Строить общество на алчности нельзя / С. Глазьев // Православная беседа. – 2003. – № 5. – С. 24-27.
4. **Дунаев, М.** Коммунистическое “христианство” / М. Дунаев // Православная беседа. – 2004. – № 5. – С. 41-46.
5. **Залесский, А.** Ностальгия по советскому времени. Прилична ли она для верующего человека? / А. Залесский // Православная беседа. – 2006. – № 1 – С. 51-57.
6. **Игумен Петр (Мещеринов).** Вспоминая 1937-й // Церковный вестник. – 2007. – № 15-16 (364-365). – С. 11.
7. **Епископ Иларион.** Корни современного гуманизма // Православная беседа. – 2005. – № 4. – С. 38-41.
8. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Старгородский) / авт.-сост. С. Фомин. – М.: Правило веры, 2003. – 1008 с.
9. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 1994. – 352 с.
10. **Назаров, М.** Сталин – плоть от плоти жидобольшевизма? (послесловие к дискуссии о “православном сталинизме”) // www.rusprav.org/2006/new/148.htm
11. **Протоиерей Георгий Митрофанов.** Россия XX века – “Восток Ксеркса” или “Восток Христа”. Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX века. – Ростов на/Д: Троицкое Слово, 2004. – 318 с.
12. **Диакон Владимир Василик.** Патриарх не дал написать Евангелие от Иуды для русской истории // www.rusk.ru/st.php?idar=114456
13. **Борисов, А.** Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви / А. Борисов. – М.: Путь, 1994. – 196 с.

14. **Поспеловский, Д.** Тоталитаризм и вероисповедание. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2003. – 660 с.

Поступила в редакцию 26.01.2010 г.

УДК 808.26(053)

В.І. РАГАЎЦОЎ

ВЕРБАЛЬНАЕ ВЫРАЖЭННЕ КАМІЧНАГА Ў П'ЕСЕ КАСТУСЯ ГУБАРЭВІЧА “БРЭСЦКАЯ КРЭПАСЦЬ”

Камічны эфект дасягаецца ўжываннем як спецыялізаваных, так і (часцей) неспецыялізаваных сродкаў. Спецыялізаваныя сродкі – такія, для якіх камічная функцыя з'яўляецца сталай, узуальнай (міжмоўнааманімічныя каламбуры). Неспецыялізаваныя сродкі – такія, для якіх камічная функцыя не з'яўляецца асноўнай (тыповай). Гэта іншамоўныя ўкрапіны (кантамінаваныя: беларуска-нямецкія і руска-нямецкія; змешаныя: частковыя і кантамінаваныя), экспрэсіўна зніжаныя адзінкі (словы, свабодныя словазлучэнні, фразеалагізмы), метанімізмы, параўнанні, сінтаксічныя і лексічныя аказіяналізмы і інш. У дасягненні камічнага эфекту прыкметную ролю адыгрываюць прыёмы парэмійнай алузіі і пераўвасаблення. У рэалізацыі моўнымі адзінкамі камічнай экспрэсіі важную функцыю выконваюць актуалізатары, а ва ўзмацненні яе – інтэнсіфікатары (канцэнтраванае і комплекснае ўжыванне вербальных сродкаў).

Уводзіны

К. Губарэвіч – аўтар п'ес “Цэнтральны ход” (пастаўлена ў 1948 г.) і “Алазанская даліна” (1949 г.; напісаны разам з І. Дорскім), “Простая дзяўчына” (1953 г.), “На кругым павароце” (1956 г.), “Галоўная стаўка” (1957 г.), “Далёкая песня” (1962 г.), “А куды ж нам падзецца” (1963 г.), “Салодкі месяц” (1970 г.), “Брэсцкі мір” (1969 г.), “Партызанская зона” (1976 г.), “Даруй мне” (1980 г.) і інш.

Жанравы дыяпазон драматургічнай творчасці К. Губарэвіча шырокі і разнастайны: “гістарычна-рэвалюцыйная і гераічная драма, лірычная і сатырычная камедыя, фарс і вадэвіль” [1, с. 274].

П'еса “Брэсцкая крэпасць” (як і “Брэсцкі мір”, “Галоўная стаўка”) па сутнасці была “адкрыццём не толькі ў беларускай драматургіі” [2, с. 210].

Першы варыянт п'есы меў назву “Цытадэль славы” (надрукаваны ў часопісе “Польмя”, 1952, № 1). У гэтым творы ўпершыню ў савецкай літаратуры апавядалася пра мужную барацьбу, неўміручы подзвіг абаронцаў крэпасці над Бугам, якія першымі прынялі на сябе ўдар нямецкіх захопнікаў [3, с. 217].

“Брэсцкая крэпасць” – гэта амаль новы варыянт п'есы, якая «па сваіх вартасцях шмат у чым пераўзыходзіла “Цытадэль славы”» [2, с. 209].

Упершыню п'еса пастаўлена Беларускаім дзяржаўным акадэмічным тэатрам імя Янкі Купалы ў 1950 г. Пад назвай “Брэсцкая крэпасць” у пастаноўцы Брэсцкага абласнога драматычнага тэатра (з 1953 г., прэмія Ленінскага камсамола Беларусі, 1967 г.) атрымала шырокае прызнанне ў Беларусі і за яе межамі.

Ужо ў адной з першых п'ес “Алазанская даліна”, у якой усё дзеянне “набыло камедыйнаую інтэрпрэтацыю” [4, с. 22], шырока выкарыстоўваецца прыём “вадэвільных паўтарэнняў адных і тых жа сітуацый” з мэтай “нарастання камізму” [5, с. 108], “нагнятанна смешных сітуацый і здарэнняў”, што з'яўляецца “істотнай асаблівасцю камізму” [6, с. 177] твора.

Элементамі камізму напоўнены не толькі творы камедыйнага жанру, але і драмы, героі якіх, самыя звычайныя людзі, і ў нялёгка, суровы час не страчаюць дасціпнасці, пачуцця гумару, што дапамагае ім выжыць і ў наймаверна цяжкіх умовах і па-геройску змагацца з ворагам.

Асноўная частка

Найважнейшыя вербальныя сродкі (прыёмы) стварэння камічнага эфекту ў п'есе “Брэсцкая крэпасць” наступныя.

Іншамоўныя ўкрапіны. Камічная функцыя ўкрапін абумоўліваецца кантрастам паміж звыкласцю іх графічнага афармлення ў мове-пазычальніцы, але нязвыкласцю фанетычна-граматычнай формы або незразумеласцю лексічнага значэння.

У п'есе сустракаюцца наступныя тыпы ўкрапін.

I. Кантамінаваныя ўкрапіны. Яны з'яўляюцца вынікам узаемадзеяння элементаў дзвюх моў – роднай для персанажа і замежнай. У чужым маўленні білінгва пад уплывам роднай мовы назіраюцца адхіленні ад літаратурных нормаў. Сярод кантамінаваных ўкрапін ужываюцца:

а) беларуска-нямецкія ўкрапіны. З імі сустракаемся ў беларускай мове немцаў, якія недастаткова валодаюць ёю і таму ўжываюць моўныя адзінкі, часткова аформленыя па законах нямецкай мовы: [Крафт:] *За свой жарт з нашым золдатом вы дорага расквіталіся...*; [З радыёўстаноўкі:] **Не страляйт!.. Не страляйт!.. Да вас ідзе парламенцёр!.. Не страляйт!..** Пад нямецкамоўным уплывам назоўнік *золдатом* (ням. *Soldat* – ‘салдат’) ужываецца з пачатковым гукам [з], а не [с], а таксама з [о], а не з [а] у першым перад- і ў паслянаціскным складзе; дзеяслоў (не) *страляйт* мае граматычную форму, не характэрную для беларускай літаратурнай мовы;

б) руска-нямецкія ўкрапіны. Яны сустракаюцца ў маўленні немцаў, якія гавораць па-руску, і перадаюцца графічнымі сродкамі рускай мовы: [Радыёголос:] *Даем трыдцать мінута на подумать! Польчаса на подумать!.. Карашо подумайт, и будете жить!* Вынікам нямецкамоўнага ўплыву з'яўляецца ўжыванне рускамоўных лексем з адступленнем ад літаратурных нормаў – фанетычных (*польчаса, карашо*), сінтаксічных (*тридцать мінута на подумать*) і марфалагічных (*подумайт*).

II. Змешаныя ўкрапіны. Да іх належаць кантамінаваныя, а таксама частковыя ўкрапіны – словы або выразы з нямецкай мовы, якія перадаюцца сродкамі беларускай або рускай графікі:

1. [Радыеголас:] **Ахтунг! Ахтунг!.. Маёр Авілоф!.. Ві дастойны самай вісокая ўзнагарода за ваш мужнасць!.. І ўзнагарода вам, і ваш зольдат будзе жыццё, калі вы загадаеце свайму гарнізон скласці зброя і выйсці з форт у 17.00. Ві смелы зольдаты, таму смела прызнайт, што далейшая абарона ёсць глупства...** У гэтым прыкладзе ўжываюцца частковыя нямецкамоўныя ўкрапіны (словы-сказы *Ахтунг! Ахтунг!* – ням. *Achtung!* ‘увага!’ у беларускамоўным графічным афармленні) і кантамінаваныя (фанетычныя: *Авілоф, ві ‘вы’, вісокая*, марфалагічныя: *прызнайт*, сінтаксічныя: *самай вісокая ўзнагарода за ваш мужнасць!*; *загадаеце свайму гарнізон; скласці зброя і выйсці з форт* і фанетычна-сінтаксічныя: *ваш зольдат будзе жыццё, смелы зольдаты*).

2. [Радыеголас:] **Зольдаты! Калі ваш камандзір Авілоф не пушчай вас – звяжыце яго і прывядзіце да нам!.. Ві алес будзеце жыць!** Тут *алес* (ням. *alles* – ‘усё’) – частковая нямецкамоўная ўкрапіна; астатнія ўкрапіны кантамінаваныя: фанетычныя (*зольдаты, Авілоф, ві ‘вы’*), сінтаксічныя (*не пушчай вас, прывядзіце да нам*).

3. [Радыеголас:] **Рускі зольдат, рускі офіцэр! Вы ошень карашо обороняйт! Но зашем вам погібайт? Войска фюрера уже нах Минск и пошель-посель нах Москва. А вам помощь нет! Вода у вас нет! Патроноф мало, а у нас ошень много!.. Сдавайтесь!.. Будуте жить!** Тут *нах* (ням. *nach* ‘на’) – частковая ўкрапіна, *зольдат, офіцэр, ошень, карашо, пошель-посель, патроноф* – кантамінаваныя фанетычныя, *помощь нет, вода нет* – сінтаксічныя, *зашем вам погібайт?* – фанетычна-сінтаксічная.

4. [Крафт:] **Найн!.. Вельмі не сур’ёзна!.. У вас няма вады... Хлепа. Змушаны адбіваць у нашых зольдат зброю, патроны...** Тут змешана ўжываюцца частковая нямецкамоўная ўкрапіна (*найн!* – ням. *nein* ‘не’) і дзве кантамінаваныя фанетычныя (*хлепа, зольдат*).

Экспрэсіўна зніжаныя адзінкі. Яны выражаюць камічны эфект, паколькі не адпавядаюць агульнапрынятай маўленчай норме, яе эстэтычным патрабаванням.

1. Словы: [Зімін:] **Бадай палову [нямецкай] дывізіі ўхайдокалі на подступах да крэпасці...** Экспрэсема *ўхайдокалі* – праст. ‘пазбавілі жыцця, забілі’.

2. Свабодныя словазлучэнні: [Трубачоў:] **То-то, бачу, немчура навалілася на Усходні форт...; [Кантарыя:] Бугай таўстаморды!** [пра нямецкага салдата]. Камічную функцыю выконваюць: *немчура навалілася* (*немчура* – праст. зневаж. ‘немцы’, разм. *навалілася* – ‘напала’) і *бугай таўстаморды* (*бугай* – перан. зневаж. ‘фізічна здаровы, рослы мужчына’, *таўстаморды* – праст. груб. ‘з тоўстай мордай’).

У ролі экспрэсіўна зніжаных адзінак ужываюцца прыдаткі розных тыпаў:

– неразвітыя: [Марасян:] *Ты. Сарваў усю аперацыю!* [Кукушкін:] *Як?* [Марасян:] *Трэба было ратаваць, ці не, калі ўжо наткнуліся на цябе, ішака?! Тут ішак – перан. лаянк. ‘чалавек, які пакорліва, маўкліва выконвае самую цяжкую працу’;*

– развітыя: [Кантарыя:] *Не спадабалася... Ух ты, фашысцкая морда!..* Вылучаны тлустым шрыфтам выраз ужываецца як цэласная адзінка з лаянкавым значэннем. Адмоўная канатацыя выразу – вынік сумарнай экспрэсіі яго складнікаў: *морда* (ужыты з сінекдахічным значэннем ‘вылюдак’) і *фашысцкая* (рэалізуе сінкрэтычнае значэнне: узвальнае ‘якая мае адносіны да фашыста’ і аказіянальнае, кантэкстава абумоўленае, – ‘лютая, дэспатычная, бязлітасная’).

3. Фразеалагізмы. Камічны эфект дасягаецца за кошт іх зніжанай экспрэсіі: [Крафт:] *А калі сур’ёзна, то не валяй Ваньку, як у вас кажуць.* Фразеалагізм *не валяй Ваньку* – праст. неадабр. ‘не вядзі сябе несур’ёзна, не паступай не так, як трэба’ (параўн. з сінанімічным фразеалагізмам *не валяй дурня*).

Экспрэсіўна зніжаныя адзінкі могуць ужывацца канцэнтравана, што садзейнічае інтэнсіфікацыі камічнага эфекту: [Крафт:] *Ты што, і праўда – прыдурак ці дурня з сябе строіш?* Назоўнік *прыдурак* – праст. ‘дурнаваты’, фразеалагізм *дурня з сябе строіш* – праст. неадабр. ‘вядзеш сябе несур’ёзна, паступаеш не так, як трэба’.

Метанімізмы. Яны ўзнікаюць пры абазначэнні прадмета паводле адной з яго адметных прымет: [Авілаў:] *Ой глядзіце, таварышы капітаны! Занадта ўжо многа кубікаў круціцца вакол вашых жонак.* [Трубачоў:] *Нашы жонкі больш хінуцца да шпал.* Параўн.: *кубікі* – ‘знакі адрознення сярэдняга каманднага саставу ў Савецкай Арміі (да 1943 г.)’ і *кубікі* – ‘афіцэры сярэдняга каманднага саставу’ (з гэтымі знакамі), *шпалы* – разм. ‘знакі адрознення (у выглядзе прамавугольніка) у старшага каманднага саставу ў Савецкай Арміі (да 1943 г.)’ і *шпалы* – ‘афіцэры старшага каманднага саставу’ (з тымі ж знакамі).

Каламбуры. Сустракаецца каламбур, пабудаваны на аснове міжмоўнай аманіміі. Аманімічную бінарму ўтвараюць словы з нямецкай і беларускай моў: [Зімін:] *Што дрыжаць калені, ваяка?* [Салдат (не разумее):] *Я, я.* [Кантарыя:] *Ты што мне туту – я, я!.. Ты ўжо не я, а нуль.* Таксама: [Салдат:] *Я, я.* [Кантарыя:] *А я на тваім месцы гаварыў бы – я не я і хата не мая.* У аснове каламбураў – супастаўленне міжмоўных амонімаў: ням. *я* (*ja*)¹ (‘так, згодзен’) і бел. *я*² (‘сам як асоба’). Камізм грунтуецца на непаразуме персанажаў, кожны з якіх у “я” ўкладвае розны змест.

Лексічныя аказіяналізмы. Адны з іх утвораны ад уласна беларускіх слоў, другія – ад іншамоўных. Такія аказіяналізмы выражаюць камічны эфект, паколькі ўспрымаюцца як своеасаблівыя маўленчыя экзатызмы і, апроч таго, маюць зніжаную экспрэсію: [Зімін:] *Я, я па-іхняму* [панямецку] – *так, так...* [Кантарыя:] *Ён толькі і будзе зараз татакаць...*; [Салдат:] *Хайль Гітлер!* [Кантарыя:] *Ён цябе адхайляе...* Тут *татакаць* – разм. пагард. ‘паўтараць тое ж самае’ (ад *так* ← ням. *ja*),

адхайляе – праст. зневаж. ‘пакажа, правучыць, адпомсціць’ (ад ням. *хайль*: у выразе *Heil Gitler! – Гітлеру ўра! Гітлеру прывітанне!*).

Сінтаксічныя аказіяналізмы. Гэта выразы, якія ўзнікаюць у выніку наўмыснага парушэння правілаў традыцыйнай спалучальнасці слоў: [Трубачоў:] *Каторы раз прашу вас: дайце мне развод з тэхнікай.* [Авілаў:] *Тэхніка не жонка, а я табе не загс.* Камічны эффект выклікае аказіянальнае словазлучэнне *развод з тэхнікай*, якое Авілавым успрымаецца як алагізм (сведчанне таму – яго рэпліка *Тэхніка не жонка, а я табе не загс*).

Парэміяная алюзія. Гэта адзін з прыёмаў творчай апрацоўкі прыказкі (ужыванне ў кантэксце яе паасобных кампанентаў ці блізкіх ім паводле значэння слоў), якая і ў дэфармаваным выглядзе не страчвае сувязі з прататыпам: [Авілаў (у палявы тэлефон):] *Тое, што было, – толькі кветачкі... А зараз насыплюцца ягадкі... Вагой па тоне...* Тут *ягадкі* – перан. іран. ‘авіябомбы’. Вылучаныя тлустым шрыфтам словы намякаюць на прыказку *Гэта яшчэ (толькі, пакуль) кветачкі, а ягадкі наперадзе (уперадзе, яшчэ будуць)* са значэннем ‘гэта яшчэ толькі пачатак, а галоўнае наперадзе’ (кажуць, калі што-н. непрыемнае, нежаданае толькі пачынаецца, а ўсё горшае яшчэ наперадзе’).

Пераўвасабленне. Камічна насычанымі з’яўляюцца сцэны, у якіх персанажы-суразмоўнікі як бы пераўвасабляюцца, прыкідваюцца не тымі, кім яны ёсць на самай справе, што і адлюстроўваецца ў іх маўленні: [Зіна:] *Ну гэта вы ўжо, як той цюцік. Нават паглядзіць хочацца.* [Санін:] *Толькі не супроць шэрсці.* [Зіна:] *Ды вы ж не злы.* [Санін:] *Ратуў божа. Мяне нават на раменьчыку можна вадзіць.* [Зіна:] *Трэба паспрабаваць калі-небудзь.* [Санін:] *Навошта – калі-небудзь? Сходзім паслязайтра ў загс – і ў той жа дзень можаце купляць ашыўнік.* Кожны з персанажаў у сваё маўленне адначасова ўкладвае пераносны і прамы сэнс, у выніку чаго і ствараецца эффект тонкага гумару. Прыём пераўвасаблення садзейнічае стварэнню так званай “двайной семантычнай актуалізацыі”: рэплікі персанажаў успрымаюцца як у прамым, так і ў пераносным сэнсе.

Параўнанні. З камічнай функцыяй ужываюцца параўнанні, у якіх тэма і рэма выражаны словамі лексічна-семантычных груп “чалавек – заонім” ([Зіна:] *Ну гэта вы* [Санін] *ужо, як той цюцік. Нават паглядзіць хочацца.*) або “абстрактнае паняцце – канкрэтны прадмет” ([Зімін:] *Стратэгія іх* [немцаў] *простая, як агурок.*).

Комплексныя сродкі. Гэта разнатыпныя вербальныя сродкі, якія ўжываюцца ў межах адной рэплікі і з дапамогай якіх ствараецца насычаны камічны эффект: [Кантарыя:] *Вой! Там адна Арлова чаго ворта! Як яна гэта самае: “Я вся горю, не пойму отчего...” У самога душа гарыць!..* [Авілаў:] *Ну добра, сяржант. Ідзі выні халоднай вады.* Камічны эффект выражае цытата *Я вся горю, не пойму отчего...* і (асабліва) фразеалагічны каламбур, які ўтвараецца ў выніку дэфразеалагізацыі ўстойлівага выразу: *душа гарыць* першым персанажам ужываецца як фразеалагічная адзінка (разм. ‘хто-н. вельмі ўсхваляваны, узбуджа-

ны'), а другім успрымаецца (пад уплывам актуалізатара *выні халоднай вады*) як сінтаксічная, г. зн. з прамым значэннем.

Заклучэнне

Такім чынам, для дасягнення камічнага эфекту ў п'есе выкарыстоўваюцца розныя вербальныя сродкі – як спецыялізаваныя (міжмоўнааманімічныя каламбурсы), так і (найчасцей) неспецыялізаваныя (іншамоўныя ўкрапіны розных тыпаў, экспрэсіўна зніжаныя адзінкі, метанімізмы, параўнанні, сінтаксічныя і лексічныя аказіяналізмы і інш. У рэалізацыі моўнымі адзінкамі камічнай экспрэсіі важную ролю адыгрываюць актуалізатары, а ва ўзмацненні яе – інтэнсіфікатары.

ЛІТАРАТУРА

1. **Усікаў, Я.К.** Губарэвіч Кастусь / Я.К. Усікаў // Беларускія пісьменнікі: біябібліягр. слоўнік: у 6 т. Т. 2. / Ін-т літ. імя Я. Купалы АН Рэспублікі Беларусь, Беларус. Энцыкл.; пад рэд. А.В. Мальдзіса; рэдкал.: І.Э. Багдановіч і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 274.
2. **Няфёд, У.** Драматург-грамадзянін: да 75-годдзя з дня нараджэння Кастуся Губарэвіча / У. Няфёд // Польша. – 1982. – № 1. – С. 208-211.
3. **Семановіч, А.А.** Кастусь Губарэвіч // А.А. Семановіч Гісторыя беларускай савецкай драматургіі: 1917 – 1955 гады: вучэб. дапам. – Мінск: Вышэйш. шк., 1990. – С. 234-253.
4. **Усікаў, Я.** Беларуская камедыя / Я. Усікаў. – Мінск: Вышэйш. шк., 1973. – 192 с.
5. **Сабалеўскі, А.** Кастусь Губарэвіч / А. Сабалеўскі // Беларуская савецкая драма / А. Сабалеўскі. – Мінск: Маст. літ., 1972. – Кн. 2. – С. 86-118.
6. **Усікаў, Я.** Пафас лірычнай камедыі / Я. Усікаў // Польша. – 1970. – № 10. – С. 166-178.

Паступіў у рэдакцыю 10.11.2009 г.

УДК 821.161.3 – 14

О.А. ЛАВШУК

ЖАНРОВАЯ КАРТИНА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Статья является актуальным для современного белорусского литературоведения исследованием жанровых форм поэзии. В ней показана связь современной русскоязычной поэзии Беларуси с белорусской и русской поэтическими традициями, что сказывается и на жанровой природе произведений. Доказывается, что большинство поэтических текстов составляют традиционные поэтические жанры, созданные в русле философско-медитативной лирики, но встречаются и экспериментальные стихи, и поэтические произведения, жанр которых не поддается традиционной классификации.

Введение

Определение жанровой природы того или иного поэтического текста в современной литературе – занятие весьма трудное. Жанровая пестрота и размытость границ дополняет картину общего эстетического разброса в литературе рубежа XX – XXI вв. Обилие и разнообразие художественных тенденций, творческих методов, усиление взаимодействия между элементами жанровой системы, попытки обрести свой индивидуальный поэтический голос – таковы особенности многозначной реальности переходного периода. В настоящее время вопрос о жанровой природе какого-либо произведения вызывает многочисленные дискуссии, поскольку строгой классификации нет, и даже в словарях даются разные толкования одного и того же понятия.

Если во времена классицизма любое поэтическое произведение вписывалось в рамки определенного жанра и вне таковых просто не воспринималось, то уже в начале XIX в. большая часть этих жанров расплывается в более общем понятии “лирическое стихотворение”. Хотя некоторые из них (послание, баллада) еще долго сохраняют свое своеобразие, а другие (ода, элегия) время от времени напоминают о себе.

Основная часть

Сегодня и в русском, и в белорусском литературоведении выделение в поэзии жанров, видов и жанровых разновидностей достаточно условно. Например, Б.В. Томашевский считает, что “в настоящее время не существует строгих разделений между разными родами стихотворений” [1, с. 153], и выделяет основные классические лирические роды – *ода, элегия, мелкие стихотворения (надписи, антологические стихотворения, альбомные стихи, посвящения и т.п.), послание, сатира*; а также среди эпических (повествовательных) жанров – песенные формы (*песнь, поэма*) и малые формы стихотворного повествования (*басня, баллада*).

Белорусский литературовед В.П. Рагойша также считает разделение лирики на жанры и виды достаточно условным и среди лирических произведений выделяет философско-медитативные стихотворения (*медитация, послание, стансы, ямбы, философское стихотворение, элегия*), хвалебные (*ода, дифирамб, панегирик, аполог, мадригал, гимн, эпитафия, эпиталама*), песенные (*романс, песня, серенада, марш, псалом, кантата, альба, баркарола, канцона*), сатирически-изобличительные (*эпиграмма, пародия, сатира*), а также некоторые фольклорные произведения [2, с. 299]. Действительно, многие из этих жанров исчезли или крайне редко встречаются в современной лирике.

Современная русскоязычная поэзия Беларуси полифонична и многожанрова. Она развивается в русле двух поэтических традиций – белорусской и российской, – что, естественно, сказывается и на ее жанровой природе. С одной стороны, большинство поэтических текстов составляют традиционные поэтические жанры (*стихотворения, поэмы, сонеты, элегии и др.*), с другой – встречаются и экспериментальные стихи (*акрости-*

хи, палиндромы, фигурные стихи и т.д.), и поэтические произведения, жанр которых не поддается традиционной классификации.

В целом современная поэзия Беларуси представляет собой пеструю картину: это поэты разного возраста и, соответственно, мироощущения; пишущие на белорусском или русском языках, или на обоих сразу. Это поэты, которые издали уже не один сборник, и те, чьи стихи можно прочесть только в сетевых журналах или представленные единственным стихотворением в антологиях и альманахах. На сегодняшний день не существует и библиографического справочника современных поэтов, что вносит дополнительные трудности при составлении полной картины русскоязычной поэзии Беларуси.

Предметом нашего рассмотрения стали тексты современных русскоязычных поэтов Беларуси, размещенные, главным образом, в антологиях *“Современная русская поэзия Беларуси”* (сост. А. Аврутин, 2003) [3] и *“Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России”* (сост. Д. Кузьмин, 2004) [4], а также стихотворения в журналах *“Немига литературная”*. Антология А. Аврутина представляет собой первую в отечественной литературе попытку максимально широко представить творчество современных русских поэтов Беларуси за два предшествующих десятилетия. В книгу включены стихи 222 “наиболее ярко зарекомендовавших себя авторов”, по мнению составителя, антологии. Недостатком данного издания является отсутствие сведений об авторах, а также небольшое количество произведений одного поэта (иногда одно стихотворение), по которым трудно определить специфику его творческой манеры, тем более говорить о жанровом разнообразии.

Во второй антологии современную (после 1991 года) русскую поэзию Белоруссии представляют лишь девять поэтов: Светлана Бень, Вениамин Блаженный, Дмитрий Дмитриев, Елена Казанцева, Марина Куновская, Константин Михеев, Дина Сенникова, Дмитрий Строцев, Виталий Суриков. Правда, Д.Кузьмин показал того или иного автора набором текстов (5–10 произведений, а Вениамин Блаженный даже 29), “не слишком для него характерных, но зато ярких и неожиданных, или в каком-то важном и интересном ракурсе трактующих саму тему диаспоры и поэта в ней” [4, с. 11-12]. Также в антологии содержатся краткие сведения об авторах, их публикациях, поэтических сборниках.

Жанровое разнообразие в творчестве того или иного поэта чаще всего зависит от желания поэкспериментировать в сфере различных жанровых форм, а также от личных авторских пристрастий к какому-либо жанру. Существенным моментом является и тот факт, что иногда жанровые определения самих поэтов своих произведений отличаются от реально существующих в литературоведении понятий.

Но полностью стереть жанровые границы, как оказалось, невозможно. Даже сейчас, когда никакие ранее выработанные стихотворные правила поэту не указ, некоторые авторы легко вычлняются из общего

потока лирики – как по условным признакам, так и по природе самого поэтического высказывания.

Большинство стихотворений современные русскоязычные поэты Беларуси создают, если следовать классификации В.П. Рагойши, в традиционном, можно сказать классическом для белорусской литературы, русле философско-медитативной лирики. То есть это философская поэзия, суть которой составляют размышления поэтов о жизни и смерти (“Мы пришли и уйдем...”, “Все умирает – тело и сосна...” и др. А. Аврутина, “Каддиш Алену Гинзбергу”, “Январские стансы” К. Михеева, “Отец мне смастерил не саночки, а гроб...” В. Блаженного, “По тонкому, тонкому льду...” А. Душечкина-Климова, “Мне все, чем дорожил я, надоело...” А. Сарапкина и др.), о любви (“Предаст любимый...” А. Аврутина, “Я тебя люблю по-настоящему” Е. Казанцевой, “Я мерзну без тебя...” О. Журавской, “Души окурков...” О. Переверзевой, “Пока еще горит судьбы свеча...” В. Поликаниной), о природе и человеке (“Если нет на земле небожителю места...”, Вениамина Блаженного, “Genius Loci” М. Куновской, “Ночная тишина” Ю. Сапожкова, “Белый вечер...” Л. Яценко, “Нет ничего... Только лунные дужки...” А. Аврутина и др.).

Для стихотворений, относящихся к медитативной лирике, характерна поэтизация душевной сосредоточенности, размышления над загадочностью человеческой души. Они строятся как “непосредственные созерцания, индивидуализированные “умозрения”, направленные к постижению сокровенных закономерностей бытия” [5, с. 520]. И хотя большинство стихотворений современных русскоязычных поэтов можно отнести к этой жанрово-тематической разновидности поэзии, как таковые характерные для нее жанры *элегии*, *оды*, *послания* мы наблюдаем достаточно редко. В XX в. *элегия* теряет жанровую отчетливость и термин выходит из употребления, оставаясь лишь знаком традиции, и употребляется как заглавие циклов и отдельных стихотворений некоторых поэтов [5, с. 1228]. Однако элегическое начало характерно для многих стихотворений таких современных поэтов, как А. Сарапкин, А. Аврутин, В. Поликанина и др. Живучесть этого жанра в современной поэзии Беларуси неувидительна, поскольку “элегия” в переводе с греческого означает “жалобная песня”, а истоки белорусской литературной элегии – в народной песне, для которой также характерны грусть, тоска, “меланхолия из-за общественной несправедливости, семейного несчастья или личного горя” [2, с. 382].

Основные черты элегии – интимность, сентиментальность, мотивы разочарования, несчастливой любви, одиночества, бренности земного бытия – присущи стихотворениям Е. Агиной (“Ох, какая тоска здесь бывает...”, “Путь”), К. Михеева (“Осень в провинции”, цикл стихотворений “Паралипоменон”), А. Сарапкина (“Мне все, чем дорожил я, надоело...”, “Гораздо больше близких там, чем здесь...”), А. Аврутина (“В двадцатом столетии...”, “Что истинно?.. Бездомные глаза...”, “Когда, поняв, что чувства первопуты...”, “Мы пришли и уйдем...”, “Дух

сомнения...” и др.). Например, в стихотворении А. Аврутина звучат есенинские мотивы бренности человеческого существования:

...Но все проходит. Счастье и печаль
Вдаль уплывают белой струйкой дыма.
Лишь одного воистину мне жаль –
Что мчат года и все проходит мимо[6].

Однако в современной поэзии к традиционным элегическим темам добавляются размышления о неотвратимости зла, черствости людских душ, о тяготах бытовой неустроенности и суровой повседневности, а также о духовном кризисе человека в переходную эпоху рубежа веков (и даже тысячелетий). В этой ситуации многие поэты делятся своими размышлениями и сомнениями чаще всего с собратьями по перу, продолжая таким образом традицию идущего от Горация жанра *послания*. Являясь “стихотворным письмом” [5, с. 763], или, по определению В.П. Рагойши, “эпистолярно-публицистическим стихотворением, написанным в форме обращения к какой-то реально существующей личности” [2, с. 351], *послание* становится удобной формой для размышлений автора о социально-политических, исторических или литературоведческих проблемах. К *посланию* близок жанр *посвящения* – указание лица, которому предназначается или в честь которого написано данное произведение. Многие *посвящения* приобретают интимный характер, становятся выражением искренней дружбы и привязанности. И в *послании*, и в *посвящении* для автора важен адресат произведения. В современной русскоязычной поэзии эти жанры животворны (“Сомолчальник, сопечальник...”, “Автодоровский переулочок”, “И однажды услышится шепот травы...”, “Мятежный Блок, тревожный Мандельштам...” А. Аврутина, “Когда б не ты” Т. Красновой-Гусаченко, “Я пишу тебе письма на родину...” Т. Лейко, “С мутного глянца фото...” А. Лисицына, “Александр Сергеевич Пушкин...”, “Осеннею веткой раскинулись рельсы...” И. Поглазова, “Ничего бы не случилось с нами...” Е. Полес, “Путник” Э. Прибыльской, “Наталье Гончаровой”, “Тадж-Махал” Ю. Сапожкова, “Я как огонь вошел...”, “Давай собирать слова и строить дом...”, “Давай себя развеселим...” Д. Строцева, “Посвящение переводчику” А. Скоринкина), *посвящения* А. Аврутину (“По тонкому, тонкому льду...” А. Душечкина-Климова, “Я больше не могу молчать...” А. Павловской, “Не так уж много для счастья нужно...” В. Поликаниной). В *послании* поэт может обращаться не только к человеку, но и к какому-либо месту, городу, предмету и т.п. (“Санкт-Петербургу” А. Аврутин, “Беловежской пуще” Л. Лукша, “Осени меня, осень...” Н. Кислик).

Но чаще всего адресатом *послания* становится Бог, который является для поэтов не неким судящим и карающим небожителем, а близким родственником, старшим наставником, мудрым, понимающим, оберегающим и сочувствующим. Может быть поэтому так хочется спрятаться за Бога, довериться тому, кто должен все знать, инстинктивно найти попутчика, с которым не так страшно идти, потому что одиночество –

слишком непосильная ноша, чтобы нести ее одному. И поэтому Бог изначально присутствует во всем. Послание, обращенное к Богу, традиционно называется *молитва*, и мы можем говорить о живучести этого жанра в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Лирическая героиня “Молитвы” Н. Орловой молится “за дорогих своих детей”, Т. Лебедевой – просит у Бога: “*не дай совесть потерять*”, “*не дай казаться, но не быть*”, а также прощения за всех и за все: “*Прости Господь / Всех и за все, прости, / Открой Господь / Всем ищущим пути*”.

А. Душечкин-Климов обращается к Богу в своей «Молитве» с просьбой о помощи: “*помоги ночь пережить..., помоги боль пережить..., помоги жизнь пережить...*”. Подобная просьба звучит и в “Молитве” И. Бисева: “*Дай мне силы, Господь, / и своею укрой плащаницей...*”. А. Аврутин в своей “Молитве” просит охранить его “*от жизни по чьим-то часам, от фальшивых молитв..., от носящих змею вместо сердца под черной сутаной, от искуса и нищеты...*”. Ему вторят Н. Наместников: “*Незнание – особая свобода – / дай, Господи, / чтоб обошла меня... / Дай небо отличить от небосвода, / а Судный день – / от прожитого дня...*” и Г. Трестман: “*Упаси меня, Боже, / от смеха средь гибельных мест, / Я – Иакова семя – отвещал его чечевицы. / Так избавь воспринять / от соблазна спасительный крест... / Упаси меня, Боже / от страшных пророчеств Твоих, / дай мне силы остаться превыше / и проще пророчеств*”.

А для лирического героя поэта Вениамина Блаженного – изгоя, странника, скитальца духа – вообще характерно общение с Богом как с другом, старым знакомым: “*Я трогаю Бога за древние пейсы, / Как трогаю бороду лапкой котенок*”, или:

*Ну что ты за человек, Господи,
Если с тобой ни о чем нельзя договориться?..
Начнешь говорить с тобой стихами,
А ты отвечаешь подзаборным матом.*

В. Блаженный в своей автобиографии “Вечный мальчик” говорит о том, что не знает, “что такое стихи и как они пишутся. Знаю только – рифмованный разговор с Богом, детством, братом, родителями затянулся надолго, на жизнь”:

*Проснется мой Господь – и снова будет весел,
И бороду свою расчесет на ходу,
И спросит: – Где же тот, кто знает столько песен,
Кто знай себе дудит в дурацкую дуду?..*

“Неправда, что Господь изгнал меня из рая...”

А. Скоринкин обращается не к Богу, а к дубу в “Лесной молитве”: “*Помоги мне, дубок, дай энергии мне / Буду помнить тебя до последнего стона...*”.

У этого же поэта мы встречаем и довольно редкие сегодня жанры *эпитафии* (“Эпитафия” памяти Сергея Гомзы) и *оды*. “Оде к попечителю” А. Скоринкина присущи все классические черты этого жанра – торжественность, патетика, высокий ораторский стиль и ориентация на античные образцы:

*Тебе, любезный кардинал,
Дарю заоблачную песню!*

*Воздушный слог, волшебный звук...
Лети, возвышенная ода,
Ты заслужил, сердечный друг,
Почет и милость небосвода!
Сразив Мамона наповал,
Прекрасен ты и твой финал!*

Достаточно редки в современной русскоязычной поэзии Беларуси и такие лирические и лиро-эпические жанры как *баллада, поэма, стихотворение в прозе, романс*. Современный романс как “небольшое лирическое музыкально-поэтическое произведение для голоса с музыкальным сопровождением” можно встретить у А. Аврутина (романсы “Был обманчив июль...” и “Кричи иль не кричи...”). Хотя второе из названных произведений вряд ли имеет напевный характер. Также трудно назвать романсом размышления над экологическими проблемами и судьбой поэта А. Скоринкина в “Городском романсе” (который, кстати, в этом перекликается с грустно-ироничным “Городским романсом” белорусской поэтессы Л. Рублевской):

*Век двадцатый кончится вот-вот,
Можно подводить уже итоги.
Жизнь прошла, как пьяный пешеход
Возле загазованной дороги...*

*За окном моим одни гробы,
Много символического в этом...
Не уйти поэту от судьбы,
Как не стать счастливому поэтом...*

А Н. Чаклина-Горбачева считает, что “лучше старого романса / нам все равно не написать”, поэтому свое произведение называет лишь “Попыткой романса”: “Не получается романса – / Все настроение не то”.

Жанр *баллады* также утратил свои традиционные черты как лирическое или лиро-эпическое стихотворение особой формы на историческую или легендарную тему. Если “Балладу о безымянном конвоире” В. Чернявского (посвященную памяти А. Введенского, точная дата и обстоятельства смерти которого неизвестны) еще можно отнести к указанному жанру, то уж использование С. Бартоховой этого определения в названии своего произведения “Баллада о телефонном звонке” можно воспринимать только в ироничном ключе:

*Друзья дорогие, мешайте, звоните!
Спасите меня
Пожалейте меня!
Но трубка безмолвна...*

Но эта ирония горька в окружающей нас жестокой действительности: *“Мы так безутешно о мертвых тоскуем, / А надо б живых научиться спасать!”*.

Несмотря на то, что жанр *стихотворения в прозе* не очень распространен в современной литературе (да и не только в современной), он представлен у таких поэтов, как Г. Тисецкий и К. Кобальт прекрасными образцами. Этим произведениям присущи все характерные черты жанра: повышенная эмоциональность, бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания. Эти переживания у Г. Тисецкого вызывают, например, взмах, жест (“Оковы”), или разбитое зеркало, которое поэт оживляет в мужском роде: *“Он хотел не отражать, а проводить свет. Он хотел, чтобы свет был хоть немного настоящим. Он хотел, чтобы свет проходил в него, наполняя всю поверхность, а потом шел дальше, наполненный его чувствами и мыслями...Он молчал...”*.

В этом жанре часто используется техника “потока сознания”. С одной стороны, в абстрагированном “потоке сознания” – наибольшие возможности для полного самораскрытия и самоотдачи с ассоциативной емкостью мыслей и плотностью сжатой фразы, вбирающей целые миры. С другой стороны, “поток сознания” – это разговорно-речевая стремительность живого языка, языка социума с обилием просторечных норм, нарушающих литературность слога. Смысл поэтического слова, раскрытого и освобожденного от идеологической зависимости, проявляется здесь как совершенно иное качество поэзии конца XX ст., когда уже нет рабского служения в раскрытии заданных тем и в утверждении идейно-политических акцентов, а есть духовная общность поэта и читателя, объединенных пониманием непреходящих ценностей культуры. В стихотворении “О, божественный объем, заполняющий мысли...” Г. Тисецкий выстраивает следующий ассоциативный ряд: бумага (“*бумага сохраняет тепло и что-то страхи вместе с попытками избавиться от них*”) – песок (*бумага собирает песок*) – вода (мальчик топает по луже и “*сыплет береговой песок в карман*”) – песочные часы – стекло (“*кто-нибудь когда-нибудь покажет его отражению отпечатки пальцев руки на стекле, сделанном из того самого песка, которым он так восхищался, из которого он построил образ Вселенной, связав каждую песчинку между собой...*”) – “песок, собранный в скомканный лист бумаги...”.

Ксения Кобальт в стихотворении “В ожидании образов” выстраивает не просто смысловую ассоциативную цепочку, но даже цветовую: *усевшие землю черные крылья бабочек – каменные белые маски – синева реки – ядовито-желтая маслянистая ярость – черное молчание – гнев, проплывающий серыми пятнами*, – и перед нашими глазами воочию предстает картина мрачных образов, в итоге – “*черный цвет густел, он наливался кобальтом, а потом молча упал с высоты и поглотил собою всю бурю чувств*”, и неожиданный вывод – “*система пришла в равно-*

весие”. Какой-то образ вызывает раздумья и приводит к философским обобщениям. Лирический герой К. Кобальт, сконцентрировавший свой взгляд на бликах и текущей в никуда воде, размышляет о своем и чужом “я”, о том, как трудно сегодня потерять себя. И приходит к выводу – нужно носить с собой визитку, “чтобы иногда произносить в тишине свое имя, чтобы в один день не стать журчанием воды...”. Иногда желание выразить какую-то мысль приводит у К. Кобальт к авангардному стихотворению из одной буквы “г”, одного слова “нда” и многоточий (“Попытка охватить и выразить неясную мысль”). И смысл находится не в самих строчках, которых, собственно, и нет, а между ними. Здесь уместается все – и радость, и удивление, и размышление, и сомнение, и заключительное “нда” – разводя руками – простите, не удалось. Главное для этого жанра не сказанное, а почувствованное. Отсюда, видимо, и обилие многоточий – это любимый знак препинания у Г. Тисецкого и у К. Кобальт, передающий эмоциональную насыщенность размышлений поэтов.

Менее эмоциональны, но не менее философичны современные русскоязычные поэты в таком уже традиционном для белорусской литературы жанре, как *сонет*. Например, “Сонет” А. Бородача написан на тему любви, имеет форму английского сонета (4+4+4+2) и развивается по традиционной схеме: тезис (“исход борьбы был предопределен” в любовном треугольнике “я”, “ты”, “он”) – развитие мысли (“я рядом был, он прибыл издалека”) – кульминация (“ушла любовь на тряпки и посулы”) – синтез (“А не случись подобная измена / И не пришла б Прекрасная Елена”). Здесь уже чувствуется дыхание современности – тотальная ирония проникает даже в классические твердые формы стиха. В таком же ключе написан и “Сонет” Т. Лебедевой (на мечтательный лад лирического героя наводит уныло капающая вода из крана).

Более традиционны поэты при создании *венков сонетов*. Как известно, венок сонетов состоит из пятнадцати связанных сонетов, последний 15-й – магистральный, т.е. основной: каждая его строка представляет собой первую строку всех предшествующих ему 14-ти сонетов. Именно такую форму имеют венки сонетов А. Тереховой “Джоконда в Копенгагене”, “Коромысельщик” и “Мёбиусный венок сонетов”, состоящий из лицевого и оборотного магистрала, “Уроборок” Г. Артханова. Глеб Артханов, используя классическую форму сонета, все же достаточно авангарден и в рифмах, и в философской насыщенности (можно даже сказать сгущенности) своих стихотворений. Другие твердые формы стиха в современной русскоязычной поэзии встречаются редко.

Также немногочисленны (по сравнению с традиционными жанрами) экспериментальные стихотворения – оригинальные стихи, для которых характерны нетрадиционные способы рифмовки, построения строф и т.п. Пример *терцета* мы находим в поэзии Дмитрия Строщева:

*тихой глиной накормлю
потому что сам люблю
солнце-бубен*

*слышу-слышу, под травой
бьется сердце головой
в пепел голубой*

*поскорее выходи
пахнет хлебом из груди
косточка поет*

Пример тавтограммы – у А. Аврутина:

*Прозрачный призрак принес прозренье,
Под простынею письмо пронес.
Падет позорное подозренье –
Письмо положено под поднос [6].*

В современной поэзии также редко встречается *акrostих*, каких-либо серьезных и значимых произведений в этом жанре создано не было. Несмотря на то, что акrostих воспринимается как литературное трюкачество и игра, он всегда притягивает к себе поэтов, не равнодушных к экспериментам, – своей визуальностью и изощренной техникой письма, как, например, В. Макутя в акrostихе “Иначе никак”, где первые буквы всех строк образуют название стихотворения.

Нестандартное мышление приводит современных поэтов к созданию авторских жанровых модификаций, каковыми являются, например, “*P.S. словицы*” Дмитрия Дмитриева: “*Прозябание собой / Называют Судьбой*”, “*Семь шкур спусти, / Один раз прости*”, “*Встречают без одежды / Провожают по еловой дорожке*”; или “*Миниатюры*” С. Жуковского (“...*правду в глаза говоря, / право, / стараешься зря, / ибо глазам все равно / слышать тебя / не дано...*”), для которых характерна скрытая или явная ирония.

Заклучение

Современные русскоязычные поэты Беларуси, используя традиционные жанровые формы, наполняют их новым содержанием, иногда преобразуют формально. Для молодых поэтов характерны поиски самоидентификации в пространстве уже “после постмодернизма” (А. Занковец, Д. Лецко, М. Куновская, Д. Дмитриев, К. Михеев и др.). Их эксперименты в области стихотворчества, а также многочисленные вариации свободного стиха (верлибра), представленные также в поэзии Д. Строцева, Л. Динерштейна, Т. Скарынкиной, З. Атаоллахи, А. Сарапкина, позволяют дополнить жанровую картину современной русскоязычной поэзии Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Томашевский, Б.В.** Краткий курс поэтики / Б.В. Томашевский. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 192 с.
2. **Рагойша, В.П.** Паэтычны слоўнік / В.П. Рагойша. – 2-е выд., дапрац. і дапоўн. – Мінск: Выш. шк., 1987. – 414 с.

3. Современная русская поэзия Беларуси: антология / сост. А.Ю. Аврутин. – Минск: УП “Технопринт”, 2003. – 200 с.
4. Освобожденный Улисс. Современная русская поэзия за пределами России / сост. Д. Кузьмин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 996 с.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК “Интелвак”, 2003. – 1600 стб.
6. **Аврутин, А.Ю.** Наедине с молчанием: книга поэзии / А.Ю. Аврутин. – Минск: Маст.літ., 2007. – 303 с.

Поступила в редакцию 09.03.2009 г.

УДК 882.6.09/092/Колас+882/092/Гогаль/

Ж.С. ШАПАДОНАВА

ПРАДМЕТНА-РЭЧЫЎНЫ СВЕТ ТВОРАЎ Я. КОЛАСА І М. ГОГАЛЯ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ МАСТАЦКАГА ЎВАСАБЛЕННЯ

У артыкуле аналізуецца сэнсавы патэнцыял і функцыянальныя магчымасці вобразаў ежы ў ідэйна-сюжэтнай арганізацыі твораў Я. Коласа і М. Гогаля. Даказваецца, як праз этыку трапезы праяўляецца чалавечая духоўнасць, што дазваляе вывесці вобразы ежы за межы гаспадарчых значэнняў у быццёвую сферу.

Уводзіны

“Свядомасць, якая не ўяўляе ўсведамленне чагосьці, была б абсалютным нічым” [1, с. 96]. У філасофскім выслоўі Ж.-П. Сартра сцвярджаецца аналітызм у дачыненні да знакаў існавання як галоўная ўласцівасць свядомасці. У працэсе такога асэнсаванага спасціжэння рэчаіснасці аналітычным мысленнем атаясамліваюцца мікра- і макракосмас, нейтралізуецца апазіцыя “слова-рэч”, сцвярджаецца цэласнасць навакольнага свету. Усебаковы аналіз па-мастацку выяўленага прадметна-рэчыўнага свету раскрывае яго функцыі ў сферы індывідуальнага існавання і сацыяльных адносін. Рэчы атаясамліваюцца з унутраным светам іх стваральнікаў, уладальнікаў, перадаюць жывую энергетыку чалавечых стасункаў, пэўных грамадска-сацыяльных норм. Чым больш высокаарганізаваны, складаны, гетэрагенны прадметны свет, тым больш ён выклікае да сябе пачуццяў, адносін і абавязкаў, заахвочвае памкненні да ўпарадкаванасці і гарманізацыі наваколля. У славянскіх народаў – беларусаў, рускіх, украінцаў – словы “речь” (мова) і “рэч”, як відаць, маюць амаль аднолькавае гучанне, і гэта акалічнасць падкрэслівае тоеснасць, асаблівы статус рэчаў у духоўнай і прасторавай арганізацыі рэчаіснасці, якой надаецца аформленасць і асэнсаванасць. Уяўленні пра жывапісна пласцічны і маляўнічы свет прыроды і рэчаў у мастацкім творы праламляюцца праз аўтарскае вобразна-метафарычнае мысленне, насычаюцца

аксіялагічным патэнцыялам, сугестыўнасцю, маральна-духоўнай і этыка-філасофскай сканцэнтраванасцю.

Рэчыўна і пачуццёва змястоўнай, неад’емнай часткай чалавечага існавання з’яўляецца ежа. Матыў ежы адносіцца да вечных у мастацкай літаратуры. Няцяжка заўважыць, што ў творах многіх мастакоў слова феномен гасціннасці і звязаны з ім працэс спажывання ежы задаюць важнейшыя анталогічныя параметры паўнакроўнага быцця, якое можа здзейсніцца толькі пры дапамозе сустрэчных зрухаў “я” да іншага, застольнай размовы з другім чалавекам.

Асноўная частка

Моманту гасціннасці, шчодрасці ў выяўленні чалавечых пачуццяў нададзена важнейшая роля ў многіх творах Якуба Коласа, у тым ліку ў паэме “Новая зямля”. Ежа не толькі арганічна, неад’емна і натуральна ўключана ў жыццё герояў, але і стымулюе яго, робіць успрыняцце навакольнага свету больш каларытным, паўнакроўным і цэласным. У творах Якуба Коласа знайшла ўвасабленне гогалеўская традыцыя выяўлення матываў ежы і гасціннасці. Працэс спажывання ежы выступае адметным і сутнасным момантам сюжэтнай арганізацыі многіх гогалеўскіх твораў, у тым ліку аповесці “Старасвецкія памешчыкі”, аб’ядноўвае мастацкую прастору: герояў паміж сабою і з навакольным светам, рэчы, прыроду, абстрактна-рациональныя паняцці, з’яўляецца нібы першаэлементам, што забяспечвае гарманічнае суіснаванне ўсіх складнікаў гэтай прасторы. Гасціннасць – адметная характаралагічная рыса старасвецкіх памешчыкаў: “Гость должен был непременно остаться; но впрочем, вечер в низенькой теплой комнате, радушный, греющий и усыпляющий рассказ, несущийся пар от поданного на стол кушанья, всегда питательного и мастерски изготовленного, бывает для него наградой” [2, с. 17]. Гогаль, ужываючы прыём гіпербалізацыі, канстатуе “страшэннае мноства” садавіны і гародніны, страў і розных прысмакаў, што характарызуе як адметную якасць герояў, якія “по старинному обычаю старосвецких помещиков очень любили покушать”, і такой натуральнай аклічнасці, што “благословенная земля производила всего в таком множестве”. Гогаль падрабязна спыняецца на тых прыемных момантах, калі “на столе вдруг появлялась скатерть” і пачынаўся працэс сьнедання, абеду, закусвання, перакусаў і г.д. З веданнем справы мастак звяртае ўвагу на смакавыя якасці ежы, “апетытныя вырабы даўняй кухні”, разгортвае каларытныя і яркавыя апісанні простых, прыгатаваных з майстэрствам і любоўю страў. Усе гэтыя шматлікія дробязі кулінарна-кухоннага абиходу фарміруюць канцэптуальна-ёмістую пазіцыю сьвярджэння ўнутранага свету герояў, іх узаемнай прывязанасці, высокіх і моцных пачуццяў. Несуцешную тугу Афанасія Іванавіча пасля смерці Пульхерыі Іванаўны трапна перадаюць паводзіны за сталом: страціўшы смак ежы, ён страціў смак жыцця. “Паэтыка аповесці будзеца на шматлікім эфекце недагаворанасці, парушэнні правілаў... Вобразы ежы і іншых ніжэйшых чалавечых

зрухаў... раптам засвяціліся новым святлом, загаварылі пра глыбокую і неадольную духоўнасць" [3, с. 152]. Звычайнае і штодзённае эмпірычнае дзеянне – ужыванне ежы – набывае статус экзистэнцыйнага акта, ежа звязваецца з жыццём, выступае як змястоўная, ёмістая яго характарыстыка.

У адрозненне ад гогалеўскіх апісанняў, у якіх найперш уражвае “застольны максімалізм” (колькасць, разнастайнасць, памеры страў, смакаванне кулінарных тонкасцей і незвычайных вынаходніцтваў), у коласаўскай паэме, і гэта натуральна, галоўным выступае момант не смакавання, а ўрачыстасці, святочнасці ў апісанні эстэтычных і ўзнёслых момантаў застолля. Яно заўсёды падаецца як святочная цырымонія, таістства, заслужаны вынік руплівай працы беларуса, непасрэдным чынам звязана з “мудрым словам”, духоўным яднаннем герояў:

– Дай Божа! – разам адказалі.
 ... А на стале тым рай ды годзе,
 Што рэдка трапіцца ў народзе,
 Ляжала шынка, як кадушка,
 Румяна-белая пампушка,
 Чырвона зверху, сакаўная,
 Як бы агонь на ёй палае,
 А ніз бялюткі, паркалёвы;
 Кілбасы-скруткі, як падковы,
 Між сцёган, сала і грудзінак
 Красуе ўсмажаны падсвінак,
 Чысцюткі, свежы і румяны,
 Як бы паніч той надзіманы.
 ...Са смакам елі і багата –

На тое ж даў Бог людзям свята [4, с. 205].

Феномен ежы, здаўна пазначаны трывалай тэндэнцыяй да пазбаўлення банальна-утылітарнай трактоўкі і набыцця пашырана-сімвалічнага тлумачэння. Ужыванне ежы ўзнімаецца на этычную вышыню, пачынае адыгрываць ролю важных чыннікаў існавання не толькі як фізіялагічная патрэба, але і, адначасова, як значны момант духоўнага насычэння чалавека, яднання яго з наваколлем. У сумесных трапезах герояў “Новай зямлі” ежа і сімвалізуе яднанне, якое выступае неабходнай умовай духоўнага сваяцтва.

Відэльцы дружна разбіраюць
 І гуртам яйкі ачышчаюць,
 І па кусочку іх бяруць,
 Крыху падсольваюць, ядуць [4, с. 205].

Ежа не толькі аб'ядноўвае ўдзельнікаў трапезы, у працэсе застолля знікае мяжа паміж жывым і нежывым, і ежа ў пэўным сэнсе садзейнічае фізічнаму яднанню са светам. М. Булгакаў зазначаў: “ежа ёсць натуральнае прычашчэнне, далучэнне да плоці свету. Калі я прымаю ежу, я ўжываю светавую матэрыю наогул, я далучаюся да плоці свету і тым

самым рэальна, на самай справе знаходжу свет у сабе, а сябе ў свеце, раблюся яго часткай” [5, с. 71]. У коласаўскай паэме стравы трапна параўноўваюцца з рэаліямі прыродна-рэчыўнага свету і ў пэўнай ступені атаясамліваюцца з імі: “сыр як першы снег бялюткі, / Каўбас прыемнейшыя скруткі, / Што толькі ёсць у Беларусі”, “пірагі як сонца ззялі”, “ляжала шынка, як кадушка” і г.д.

Паэтычна ўспрыняты і асэнсаваны працэс спажывання ежы набывае значэнне духоўнага напаўнення чалавечага арганізму, шчодрога насычэння душы. Гэта той выпадак, калі “аб’ектыўная фактычнасць і прыгажосць матэрыяльнай формы ўзведзена да ступені паслухмянага выяўлення “звышматэрыяльных” духоўных каштоўнасцей” [6, с. 84]. У коласаўскай паэме застольны этыкет цесна звязаны з сістэмай рэлігійна-абрадавых вераванняў беларуса. Гэта нядзельны сьняданак, прымеркаваны да Мядовага Спасу “падгляд пчол”, калядная вячэра, велікоднае застолле. Заснаваныя на веры спрадвечныя звычаі разам з руплівай штодзённай працай выступалі гарантамі ўстойлівага жыццёвага парадку, глыбокай прыстойнасці, з’явіліся прыкметамі трывалага сацыяльнага ўкладу, далучыліся да фундаментальных асноў жыцця.

Падкрэсленая эстэтызацыя, дэтальнае афармленне Якубам Коласам працэсу ежы, нават узвядзенне яго ў ранг рытуалу ў складаныя часы стварэння паэмы (1911 – 1923 г.) на фоне ўсеагульнага разладу і разбурэння, якімі суправаджаліся рэвалюцыі, імперыялістычная і грамадзянская войны, набывалі пэўны раздражняльны эфект і маглі быць успрыняты як выклік. Апісанні, напрыклад, святочнай вячэры, калі “У хаце добры лад і згода, / Як патрабуе і прыгода, / Паважнасць вечара святога”, узгадваюцца пра белы настольнік, горы скавародак, падсмажаных акунькоў, мянькоў і плотак, верашчакі, блінчыкаў на маку і г.д. выступалі знакамі трываласці і дабрабыту, пераемнасці і захавання шматвяковых традыцый. Прэзентацыя з веданнем справы ўсіх прысмакаў на святочных сялянскіх застоллях Коласам адкрыта супрацьпастаўлялася незайздроснай сітуацыі аскетызму і “пайковай суяты”:

Крыніцы бурнага натхнення,
Мінут вясёлых ажыўлення,
Стаяць, як біскупы, бутэлі,
І ласа ўсе на іх глядзелі.
Ляжыць гарамі ў іх падножжы
Закуска, гэта міласць божа:
Тут сыр, як першы снег бялюткі,
Каўбас прыемнейшыя скруткі,
Што толькі ёсць у Беларусі [4, с. 112].

Прыемна здзівіўшы чытача апісаннямі пышнага і багатага застолля, якое падаецца як дастаткова тыповая і натуральная з’ява, аўтар раптоўна парушае інерцыю пералічэння прысмакаў, сутыкае паэзію з прозай сучаснага яму гістарычнага моманту, канстатуе ў ім крызісныя факты адсутнасці ежы:

А масла!.. Не! маўчу: баюся
 У час пайковай суяты
 Дразніць пустыя жываты! [4, с. 483-484]

Заклучэнне

Праз этыку сумеснай трапезы праяўляецца глыбіня і змястоўнасць унутранай працы чалавека, яго камунікатыўныя здольнасці, патэнцыяльныя магчымасці асваення і асэнсавання навакольнага свету, уласнага сцвярджэння і здзяйснення ў ім. На прыкладзе прааналізаваных класічных твораў раскрываецца сэнсаўтваральны патэнцыял спецыфічнай часткі прыродна-рэчыўнага свету, які выводзіць яе за межы ўласна-гастранамічных значэнняў у быццёвыя сферы. Хлеб і соль, віно і стравы ляжаць у аснове ўзаемаразумення людзей, фарміруюць іх анталагічнае адзінства, агульную гарманічную ўлучанасць у сусвет.

ЛІТАРАТУРА

1. **Сартр, Ж.-П.** Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. – М.: Республика, 2001.
2. **Гоголь, Н.В.** Собрание сочинений в семи томах / Н.В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 2.
3. **Мани, Ю.В.** Иерархия духовных и физических способностей / Ю.В. Мани // Поэтика Гоголя: Вариации к теме. – М.: Coda, 1996.
4. **Колас, Якуб.** Збор твораў у чатырнаццаці тамах / Якуб Колас. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1974. – Т. 6.
5. **Булгаков, С.Н.** Философия хозяйства / Н.С. Булгаков. – М.: Наука, 1990.
6. **Дворжак, М.** Очерки по искусству Средневековья / М. Дворжак. – М.: Огиз-Изогиз, 1934.

Паступіў у рэдакцыю 18.03.2009 г.

УДК 81'373

А.М. ШУБАДЗЁРАВА

КЛАСІФІКАЦЫЯ КАЛАМБУРАЎ: АКТУАЛЬНЫЯ ПЫТАННІ

У артыкуле асвятляецца праблема класіфікацыі каламбураў. Разглядаюцца розныя падыходы (семантычны, семантыка-фанетычны, лінгвасеміятычны) да сістэматызацыі дадзенага тэма, аналізуюцца узуальныя і аказіянальныя сродкі пабудовы каламбураў, а таксама асноўныя спосабы і прыёмы каламбураўтварэння.

Уводзіны

На працягу дзесяцігоддзяў каламбур з'яўляецца аб'ектам даследавання як замежных [1–6], так і айчынных мовазнаўцаў [7–10]. Аднак некаторыя пытанні застаюцца нявырашанымі, патрабуюць далейшай распрацоўкі. У першую чаргу гэта мае дачыненне да класіфікацыі каламбураў.

Многія даследчыкі рабілі спробу апісаць каламбуры і сістэматызаваць іх. У 1959 г. А.А. Шчарбіна звярнуў увагу на тое, што “семантычная і гукавая прырода каламбура ў рускай мове спецыяльна не даследавалася” [1, с. 7]. Ён прапанаваў класіфікацыю каламбураў, заснаваную на семантыка-гукавым прынцыпе, сутнасць якога заключаецца ў сутыкненні ў пэўных кантэкстах мінімум двух значэнняў слова (ці значэнняў двух сугучных, аманімічных, кантамінаваных слоў) і адначасовае іх успрыманне. Паводле гэтай класіфікацыі былі вылучаны наступныя асновы каламбура: мнагазначнасць слова, аманімія і сумежныя агульнамоўныя і кантэкстуальныя з’явы.

У працах Е.А. Земскай, Е.П. Хадаковай, Е.Б. Шарашэўскай і інш. падрабязна прааналізаваны механізм каламбураўтварэння: вылучаны і апісаны асноўныя спосабы і прыёмы пабудовы каламбураў, такія, як сутыкненне двух значэнняў аднаго слова, амонімаў, антонімаў, сінонімаў, абыгрыванне фразеалагізмаў, збліжэнне блізкіх паводле гучання слоў, наўмыснае далучэнне да аднаго мнагазначнага слова некалькіх сінтаксічных аднародных, але семантычна разнапланавых слоў [2].

У 70-я гг. мінулага стагоддзя ўвага навукоўцаў акцэнтуюцца на фразеалагічных каламбурах, лінгвістычны статус якіх не быў адназначна акрэслены. І.В. Абрамец выказаў меркаванне, што фразеалагічны каламбур нельга разглядаць як адзін са спосабаў стварэння лексічнага каламбура. Фразеалагічныя і лексічныя каламбуры не суадносяцца адзін з адным як частка з цэлым, а ўяўляюць сабой з’явы паралельнага, ізаморфнага парадку. На думку даследчыка, іх неабходна аднесці да асобнага тыпу на той падставе, што, па-першае, фразеалагізм і слова – самастойныя адзінкі мовы, па-другое, фразеалагічны каламбур мае свае адметныя спосабы пабудовы [3, с. 11-12].

У 80-я гг. ХХ ст. А.А. Цярэшчанкава робіць спробу даследаваць каламбур з пазіцыі лінгвасеміётыкі: аналізуе розныя аспекты яго вывучэння (фармальна-структурны, тыпалагічны, анаталагічны, класіфікацыйны), прапануе лінгвасеміятычную класіфікацыю каламбураў [4].

С.А. Лук’янаў апісвае такі спосаб пабудовы каламбураў, як аплікацыя, дае азначэнне паняцця “аплікацыйны каламбур”, акрэслівае асноўныя яго прыметы, вылучае спосабы і прыёмы пабудовы [5].

В.З. Саннікаў распрацаваў семантычную класіфікацыю каламбураў, якая ўлічвае сэнсавыя сувязі паміж абыгранымі словамі. Даследчык вылучае тры групы каламбураў: 1) “суседзі” – каламбуры гэтай групы будуць на аснове сугучнасці слоў; 2) “маска” – у такіх каламбурах рэзка супастаўляюцца значэнні абыграных слоў; 3) “сям’я” – каламбуры, якія сумяшчаюць прыметы дзвюх разгледжаных вышэй груп [6, с. 59-64].

Асноўная частка

Разгляд навуковай літаратуры даў магчымасць выявіць найбольш важныя аспекты ў даследаванні каламбура, а таксама тыя крытэрыі, якія будуць улічаны намі пры іх класіфікацыі.

Па-першае, мэтазгодна размяжоўваць некаторыя лінгвістычныя паняцці, якія маюць дачыненне да сістэматызацыі каламбураў: сродак і спосаб іх пабудовы. Да сродкаў каламбураўтварэння варта адносіць тыя, што ствараюць магчымасць слоўнай гульні. Яны падзяляюцца на узуальныя (напрыклад, полісеманты, амонімы, фразеалагізмы і інш.) і аказіянальныя (напрыклад, паранамазы). Спосаб пабудовы каламбура – гэта механізм яго ўтварэння.

Па-другое, пры класіфікацыі каламбураў трэба ўлічваць, з якіх моўных (маўленчых) адзінак яны ўтвараюцца [7, с. 11].

На падставе сказанага вышэй, можна вылучыць наступныя тыпы каламбураў: лексічныя, фразеалагічныя і сінтаксічныя. Заслугоўвае ўвагі меркаванне тых даследчыкаў, якія лічаць неабходным разглядаць як асобны тып парэмійныя і перыфразавыя каламбуры, паколькі перыфразы з’яўляюцца самастойнай маўленчай адзінкай, а парэміі ў апошнія дзесяцігоддзе выдзяляюць як асобную моўную адзінку [8, с. 288].

Лексічныя каламбуры будуцца пры дапамозе лексічных моўных (маўленчых) сродкаў (полісеманты, паранамазы, амонімы, антонімы) і маюць некалькі разнавіднасцей: полісемічныя, паранамазійныя, аманімічныя, антанімічныя.

Асноўным спосабам пабудовы **полісемічных каламбураў** з’яўляецца супастаўленне значэнняў мнагазначнага слова (прамога і пераноснага, узуальнага і аказіянальнага і інш.): [Першая тэлефаністка:] *Яны пытаюць... Спаць першакласнікам у школе ці не спаць?* [Вяршыла:] **Спаць? У школе?! Яны што там? Звар’яцелі? У школе трэба вучыцца! Веды набываць! А не спаць!** [Першая тэлефаністка:] *Дык гэта ж першакласнікі, Віктар Паўлавіч! Шасцігодкі. У дзіцячым садзе ў такім узросце спяць пасля абеду.* (М. Матукоўскі. Мудрамер.) У каламбуры абыгрываюцца прамое і пераноснае значэнне слова *спаць* (“быць, знаходзіцца ў стане сну” і “быць пасіўным, бяздзеійнаць”).

У выніку збліжэння блізкіх паводле гучання, але сэнсава розных слоў утвараецца **паранамазійны каламбур**: [Іван (усё яшчэ прыкідваецца):] *Там кожны вечар можна ў цырк хадзіць. Не тое што тут. У тэатр, у оперу. А то толькі па целевізару ды ў кіно бачыў тых, што танцуюць у “Лебядзіным возеры”. А я хачу жывую паглядзець.* [Каравай:] **Паглядзець ці паглядзіць.** (А. Макаёнак. Таблетку пад язык.) У каламбуры супастаўляюцца блізкія гучаннем, але сэнсава розныя словы *паглядзець* (“прысутнічаючы дзе-небудзь і разглядаючы, знаёміцца з кім-небудзь”) і *паглядзіць* (“лёгка праводзіць рукой па чым-небудзь”).

У аснове **аманімічных каламбураў** – абыгрыванне лексічных амонімаў. Неабходна пагадзіцца з меркаваннем, што “пры пабудове аманімічных каламбураў <...> выкарыстоўваюцца як лексічныя амонімы, так і сумежныя аманімічныя паняцці (амафоны, амографы, амаформы). З улікам гэтага сярод аманімічных каламбураў мэтазгодна вылучыць дзве разнавіднасці: а) уласнааманімічныя і б) сумежнааманімічныя (амафонныя, амографныя і амаформавыя) каламбуры” [9, с. 93].

Сродкам пабудовы ўласнааманімічных каламбураў з'яўляюцца лексічныя амонімы: [Чыжык:] *Значыць, ваша думка, што гэта ліна?* [Шахматаў:] *Лінавая алея! Парк.* (А. Дзялендзік. Аперацыя “Мнагажэнец”.) Камізм каламбура абумоўлены абыгрываннем поўных лексічных амонімаў: *ліна¹* – “што-небудзь фальшывае, несапраўднае” і *ліна²* – “лісцевое дрэва”.

Амафонныя каламбуры будуцца на супастаўленні амафонаў: [Хлопец:] *Бацька, што я папрашу...* [Максім:] *Ну...* [Хлопец:] *Панаглядай за фермай. Там сёння **Ракета** ацялілася. Двойню прывяла. Калі што, дык пазавеш мяне.* [Максім:] *Бач ты. Двухступеньчатая значыць. **Ракета**? Каля чыёй жа хаты цябе шукаць.* (А. Макаёнак. Лявоніха на арбіце.) Камічны эфект звязаны з абыгрываннем амафонаў *Ракета¹* – мянушка каровы і *ракета²* – “беспілотны лятальны апарат з рэактыўным рухавіком”.

Сродкам стварэння амаформавых каламбураў з'яўляюцца амаформы: [Пятрук:] *Прыедзь ка мне – рада **буду**, // Я з спаднічкі зраблю **буду**. // Нашмуруем дзёгцем кола // Дый паедзем да касцёла!* (В. Дунін-Марцінкевіч. Залёты.) Гэты каламбур будуецца на гукавым падабенстве амаформаў: *буду* (форма 1-й асобы адзіночнага ліку дзеяслова *быць*) і *буду* (форма вінавальнага склону адзіночнага ліку назоўніка *буда*).

У амографных каламбурах абыгрываюцца амографы: [Сурмач:] *Дык жа **любую** не хочацца, Тацяна Андрэеўна. **Любую** хочацца...* (А. Маўзон. У ціхім завулку.) Тут супастаўляюцца амаформы *любую* (“кожную, усякую”) і *Любую* (“дарагую, мілую”);

Антанімічныя каламбуры ўтвараюцца ў выніку супастаўлення антонімаў. Неад’емнай асаблівасцю такіх каламбураў (як і ўсіх астатніх) з’яўляецца двухсэнсавасць абыграных слоў, гэты значыць адзін з антонімаў мнагазначны: [Алег:] *Напішы, Рэмбрант, яе партрэт з маёй **парожняй** галавой на яе **поўных** каленях.* (І. Шамякін. Залаты медаль.) Тут супастаўляюцца антонімы *парожні* – *поўны*. Прычым слова *поўны* мнагазначнае і рэалізуе ў кантэксце два значэнні: “тоўсты, мажны” і “напоўнены чым-небудзь да самых берагоў” (другое значэнне падказваецца антонімам *парожні*.)

У фразеалагічных каламбурах абыгрываюцца фразеалагізмы ці іх кампаненты. У аснове такіх каламбураў ляжыць трансфармацыя фразеалагічных адзінак. Можна вылучыць два тыпы індывідуальна-аўтарскага змянення фразеалагізмаў, на аснове якіх будуецца фразеалагічны каламбур:

а) структурна-семантычныя змяненні (разбураецца структура фразеалагізма, што прыводзіць да змянення будовы і значэння ўстойлівага словазлучэння): [Іванюк:] *Ён у нас пакуль да культуры дакаціўся – усё **прайшоў: агонь, ваду і каналізацыйныя трубы.*** (Смяецца). (А. Петрашкевіч. Мост упоперак ракі.) Гэты каламбур утвараецца ў выніку трансфармацыі структуры фразеалагізма *прайсці агонь, ваду і*

медных трубы. Матываванаая замена кампанента *медных* на *каналізацыйных* дае значны эффект: на узуальнае, прывычнае значэнне фразеалагізма накладваецца яшчэ адно – новае, трансфармаванае. Сэнс устойлівага словазлучэння *прайсці агонь, ваду і медных трубы* (“многа звездаць у жыцці, пабыць у розных цяжкіх абставінах”) пры замене кампанента ўдакладняецца і набывае новую канатацыю “многа звездаць непрыемнага, агіднага”;

б) семантычныя змяненні (кампанентавы склад фразеалагізма застаецца нязменным): [Васіль:] *Грыпіна, скажы мне хоць адно слоўка.* (Грыпіна маўчыць.) *Тады глянь на мяне хоць адным вокам.* [Грыпіна (смяецца):] *А як гэта глядзець адным вокам.* [Васіль:] *Я і сам не ведаю.* [Грыпіна:] *Гэта, значыць, адно вока трэба закрыць? Вось зараз я пагляджу на цябе адным вокам.* (Закрывае адно вока і глядзіць на Васіля.) (В. Гарбацэвіч. Вяселле.) Каламбурнае супастаўленне ў гэтым дыялогу значэнняў фразеалагізма *адным вокам* (“на кароткі час”) з аманімічным словазлучэннем свабоднага ўжывання з’яўляецца яркім сродкам стварэння камічнага ефекту.

Да **сінтаксічных каламбураў** адносяцца такія, якія пабудаваны на аснове з’яўгімы. Спосаб утварэння такіх каламбураў – аплікацыя розных моўных адзінак:

а) словазлучэнняў: [Альжбэта (вызваляючыся):] *Пусці, кажу! Я не на яйкі гэтага п’янчугу ды злодзья пасаджу, а ў турму! Ён не будзе больш з кладовай красці калгаснага збожжа ды на самагон пераводзіць... Пусці... (А. Махнач. За вушка ды на сонейка.)* У аплікацыйным каламбуры аб’ядноўваюцца два словазлучэнні з агульным кампанентам *пасадзіць (пасадзіць не на яйкі і пасадзіць у турму)*, які мае рознае значэнне (“памясціць дзе-небудзь у сярэдзіне чаго-небудзь” і “арыштаваць”);

б) словазлучэнняў і фразеалагізмаў: [Мульцік:] *Пакарала цябе, Мікіта, Сонца за нешта. Усе людзі, увесь свет, сам сабе ты не любы. Ляжыць у цябе нешта на душы... [Гастрый:] **На зберкніжцы ляжыць, а не на душы.*** (А. Дудараў. Вечар.) Камічны эффект каламбура дасягаецца абыгрываннем з’яўгімы *ляжаць на зберкніжцы, а не на душы*. Галоўнае мнагазначнае слова (*ляжаць*) уваходзіць у розныя словазлучэнні, фразеалагічнае *ляжаць на душы* (“выклікаць вялікія пакуты”) і ў свабоднае *ляжаць на зберкніжцы* (“захоўваць, знаходзіцца”), і выяўляе розныя значэнні;

в) фразеалагізмаў: [Гаспадар (віцэ-прэзідэнт):] *Выйдзі к народу. Для рэкламы. Абяцай рэформы. Падабайся натоўпу. Пацалуй якога-небудзь дзіцёнка. Вытры насавічком слязу. Стукай у грудзі. Ідзі, друг народа. **Тачы язык і зубы.*** Для ўлады яны вострыя трэба. (А. Макаёнак. Кашмар.) Ва ўр’уку два структурна-аднатыпныя фразеалагізмы (*тачыць язык і тачыць зубы*) з агульным кампанентам *тачыць* аб’ядноўваюцца злучальнай сувяззю. Агульны для фразеалагізмаў кампанент ужываецца ў першым фразеалагізме, у другім – ён толькі падразумяваецца.

Апрача лексічных, фразеалагічных і сінтаксічных, варта вылучыць і **камбінаваныя каламбуры**, для ўтварэння якіх выкарыстоўваюцца розныя сродкі і спосабы: [Лёня:] *Прыехаў! Макар Сямёнавіч прыехаў! А з ім сакратар абкома.* [Калібераў:] *Ах, чорт.* (Схапіўся за бок і завяў так, нібы ў яго ў пячонцы сапраўды камень, ды яшчэ гарачы.). [Моцкін (са здэкам):] *У яго ж камень у пячонках! Булыжнік!* (Калібераву.) *Кіньце дурня строіць: няёмка. Тут жа людзі глядзяць!* [Ганна:] *За пазухай у яго камень, а не ў пячонках.* (А. Макаёнак. Выбачайце, калі ласка.) Камбінаваны каламбур утвараецца ў выніку 1) абыгрывання мнагазначнага слова *камень*, якое ў каламбуры рэалізуе два значэнні: “цвёрдае салянае ўтварэнне ў некаторых унутраных органах” і “асобны кавалак цвёрдай горнай пароды” (другое значэнне выяўляецца пры дапамозе слова-канкрэтызатара – *булыжнік*) і 2) аплікацыі двух словазлучэнняў (фразеалагічнага *камень за пазухай* – “скрытая, затоеная злосць, нядобры намер” і сінтаксічнага *камень у пячонках*) з агульным кампанентам *камень*.

Заклучэнне

На аснове сказанага вышэй, можна зрабіць наступныя вывады: 1) асноўныя тыпы каламбураў (лексічныя, фразеалагічныя, сінтаксічныя, парэміяныя і перыфразавыя) вылучаюцца на падставе таго, якія моўныя (маўленчыя) адзінкі ў іх абыгрываюцца; 2) кожны тып каламбура мае пэўныя разнавіднасці, а таксама адметныя спосабы і прыёмы пабудовы; 3) для ўтварэння каламбураў выкарыстоўваюцца як узуальныя, так і аказіянальныя вербальныя сродкі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Щербина, А.А.** Сущность и искусство словесной остроты (каламбур) / А.А. Щербина. – Киев: Изд-во АН УССР, 1958. – 68 с.
2. **Земская, Е.А.** Речевые приемы комического в советской литературе / Е.А. Земская // Исследования по языку советских писателей / отв. ред. С.Г. Бархударов и В.Д. Левин. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 215-278; **Ходакова, Е.П.** Из истории русского каламбура (вторая половина XVIII – первая треть XIX века): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 660 / Е.П. Ходакова; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М., 1969. – 22 с.; **Шерешевская, Е.Б.** Лексико-семантические способы образования каламбуров в прозе И.А. Крылова / Е.Б. Шерешевская // Вопросы языка и литературы: сб. ст. / Новосибир. гос. ун-т; отв. ред. Н.П. Тимофеев. – Новосибирск, 1970. – Вып. 4. – Ч. 1. – С. 131-140.
3. **Абрамец, И.В.** Семантические основы фразеологического каламбура / И.В. Абрамец // Тр. Самарканд. гос. ун-та. – 1971. – Вып. 205. – Ч. 1. – С. 11-17.
4. **Терещенкова, А.А.** Лингвосемиотическая природа каламбура: (означающее каламбура) / А.А. Терещенкова // Стилистический анализ художественного текста: межвуз. сб. науч. тр. / Смолен. гос. пед. ин-т; под ред. А.Н. Никольской. – Смоленск, 1988. – С. 87-100.
5. **Лукьянов, С.А.** Апликативный каламбур: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01. / С.А. Лукьянов; Моск. гос. заочн. пед. ин-т. – М., 1991. – 19 с.

6. **Санников, В.З.** Каламбур как семантический феномен / В.З. Санников // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 56-69.
7. **Рагаўцоў, В.І.** Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі: манаграфія / В.І. Рагаўцоў. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2002. – 304 с.
8. **Рагаўцоў, В.І.** Каламбур: дыскусійныя пытанні / В.І. Рагаўцоў // Слово в языке и речи: Междунар. сб. научн. тр. / Елец. гос. ун-т; отв. ред. Т.М. Свиридова. – Елец, 2009. – С. 287-891.
9. **Рагаўцоў, В.І.** Да класіфікацыі аманімчных каламбураў / В.І. Рагаўцоў // Куляшоўскія чытанні: мат-лы Міжнар. навук.-практ. канф., Магілёў, 26–27 красавіка 2007 г. / Магілёўскі дзярж. ун-т; рэдкал. В.І. Рагаўцоў [і інш.]. – Магілёў, 2007. – С. 92-94.
10. **Шубадзёрава, А.М.** Каламбур у беларускай драматургіі: метады рэкаменд. / А.М. Шубадзёрава. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 56 с.

Паступіў ў рэдакцыю 18.11.2009 г.

УДК 800:802.0

Ю.В. ЕСИОНОВА

АНГЛИЙСКИЕ РЕАЛИИ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Э. БРОНТЕ “ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ”

В данной статье рассматриваются английские реалии, представленные в русском переводе романа Э. Бронте “Грозовой Перевал” различными тематическими группами: мер, денег, обращений, титулов, напитков, имен собственных и др., а также способы их перевода на русский язык, дается подробная классификация этих реалий на основе работ известных переводоведов С. Влахова и С. Флорина.

Введение

“Грозовой перевал” Эмили Бронте уже более ста лет заслуженно популярен среди читателей всего мира благодаря своему занимательному сюжету, острому конфликту, богатому и яркому языку. Художественные достоинства романа достаточно точно сохранил в русском варианте произведения переводчик Н. Вольпин. Читатель русского перевода погружается в реальную и обыденную обстановку английской глуши XIX в., чему в немалой степени способствуют английские реалии.

Реалии, относясь к несовпадающим элементам языка, обозначая понятия, чуждые для других культур, всегда представляют в процессе перевода особую сложность.

Среди переводоведов не существует единого мнения в выделении и классификации реалий. Достаточно полную классификацию реалий дают в своей работе известные переводоведы С. Влахов и С. Флорин, которые выделяют следующие реалии: реалии-меры; реалии-деньги; ре-

лии-обращения; реалии-названия животных, титулов, напитков, рода деятельности, учебных заведений; реалии-имена собственные. Фактически все они в той или иной степени представлены в анализируемом тексте.

Рассмотрим более подробно каждую из них.

Основная часть

Наименования мер, обозначающих единицы веса, длины, площади, объема жидкостей, выступают в качестве реалий из-за их повсеместного распространения. Единицы мер, связанные с числительными, являются в любом тексте носителями информации об определенном расстоянии, весе, объеме и т.д. Чтобы воспринять эту информацию, читатель должен знать реальные величины этих мер или хотя бы иметь приблизительное представление о них. Таким образом, значения соответствующих единиц должны быть, так или иначе, указаны или в переводе, или поданы таким образом, чтобы читатель мог догадаться о них [1, с. 153-154]. К сожалению, переводчик данного романа, используя реалии-меры, не дает пояснений, сколько именно они обозначают и, на мой взгляд, читателю из контекста понятно значение чужой реалии – меры только в общих чертах, приблизительно. Осмысление незнакомой реалии-меры происходит, главным образом, за счет числительного или таких слов, как “всего”, “несколько”, “около” и т.п.; что же касается значения самой реалии, то очень часто читатель приравнивает ее к равноценной величине собственной меры. Таким образом, получается некоторая неточность, например “четыре мили” можно приравнивать к “четырем километрам” [1, с. 156-159]. Хотя, английская миля равна тысячи шагам; ярд равен трем футам, или 91.44 см.; фут – 0,3048 м.; пинта – 0,568 л [2, с. 489-939].

Я взял шляпу и, отшагав четыре мили, подошел к воротам в сад Хитклифа как раз вовремя... – I took my hat and, after a four miles' walk, arrived at Heathcliff's garden gate just in time...

Снег на дороге лежит толщиной в ярд. – The snow lay yards deep in our road.

Летом мисс Кэтрин любила залезть по такому стволу и усесться в ветвях, качаясь в двадцати футах над землей; – In summer Miss Catherine delighted to climb along these trunks, and sit in the branches, swinging twenty feet above the ground...

Она ... в одну минуту воротилась с пенящейся через край серебряной пинтой эля... – She ... re-turned in a minute, bearing a reaming silver pint of ale.

Если говорить о переводе реалий-денег, то нужно иметь ввиду, что в переводе название такой денежной единицы, как фунт существует еще в около 33 странах, читателю ясно, что речь идет именно об английском фунте стерлингов, т.к. действие романа происходит в Англии. Кстати, денежная единица “фунт”, например, до сих пор не утратила своего значения меры веса [2, с. 850].

Что действительно может представлять сложность для читателя, так это названия таких денежных единиц, как “шиллинг” и “соверен”. Далеко не всем известно, что “соверен” в Великобритании – это золотая монета в один фунт стерлингов, хотя само слово “sovereign” может быть переведено и как “глава, начальник” [2, с. 723]. А “шиллинг” – это английская монета, обращавшаяся до 1971 г. и равная 1/20 фунта стерлингов, а еще это – денежная единица Австрии и некоторых африканских стран [2, с. 885].

Скупец, отдавший за пять шиллингов счастливый лотерейный билет и узнавший назавтра, что на этой сделке потерял пять тысяч фунтов, так не изменился бы в лице, как он... – A miser who has parted with a lucky lottery ticket for five shillings, and finds next day he has lost in the bargain five thousand pounds, could not show a blanker countenance than he did...

... она заметила, что кавалер..., расплачиваясь, сунул в руку ее отцу соверен. – ...She noticed the man put a sovereign in her father's hand for payment.

Реалии-обращения романа “Грозовой Перевал”, согласно Влахову и Флорину, можно разделить на следующие типы [1, с. 228]:

1. обычной вежливости: мистер, мисс, миссис, сэр.

2. в зависимости от общественного и социального положения: леди, джентльмен, сквайр.

И если такие обращения, как “мисс”, “миссис”, “мистер”, “сэр”, “джентльмен”, “леди” являются понятными читателю, то “сквайр” – нет. (Сквайр – сокращенная форма титула эсквайр – один из низших дворянских титулов) [2, с. 928].

Реалия, обозначающая напиток: эль. Эль – 1) светлое английское пиво ячменного солода, густое и крепкое; 2) национальная единица в ряде стран [2, с. 918]. Переводчик не поясняет значения данного слова, но из контекста понятно, что речь идет именно о напитке:

...Я любовалась ... серебряными кружками, расставленными на подносе, чтобы к ужину наполнить их подогретым с пряностями элем. – ...I admired ... the silver mugs ranged on a tray ready to be filled with mulled ale for supper...

Она ... в одну минуту воротилась с пенящейся через край серебряной пинтой эля... – She ... re-returned in a minute, bearing a reaming silver pint of ale...

В романе также встречаются слова, которые уже настолько прочно вошли в русский язык, что уже и не скажешь, что они – английского происхождения. Они не требуют дополнительного пояснения своих значений: *пони, бульдог, колледж, фермер*.

И комната и обстановка не показались бы необычными, принадлежи они простому фермеру-северянину... – The apartment and furniture would have been nothing extraordinary as belonging to a homely, northern farmer...

Наконец наш священник ... посоветовал отправить молодого человека в колледж... – At last our curate ... advised that the young man should be sent to college...

Мы бежали без передышки от перевала до парка... – We ran from the top of the Heights to the park without stopping...

...Они спустили бульдога, и он меня держит! – ... They have let the bull-dog loose and he holds me!

“Пони во дворе,” – ответила она... – “The pony is in the yard,” – she replied...

Реалия – предмет, вещь, материально существующая или существовавшая. В лингвистике и переводе реалиями называют слова и выражения, обозначающие эти предметы, а также устойчивые выражения, содержащие в себе такие слова. Например, некоторые реалии в романе обладают сходством с именами собственными: “old Nick” – “старый Ник”. В переводе с английского языка данная реалия подразумевает под собой дьявола, черта, домового, нечистую силу. Автор перевода делает сноску с пояснением значения данного словосочетания.

...Joseph asseverated, “old Nick” would fetch us as sure as we were living... – Джозеф поклялся, что старый Ник, как бог свят, уволочет нас в пекло.

К реалиям относятся имена героев: Хитклиф, Кэтрин Эрншо, Эдгар Линтон, Чарльз Локвуд, Джозеф, Гэртон, Зилла, Хиндли, Фрэнсиз, Джебс Брендерхэм, Кэти, Нелли Дин, Изабелла; названия имений: Мыза Скворцов, Грозовой Перевал; название церкви: Гиммерденская церковь; названия городов: Лондон, Гиммертон.

Основных трудностей передачи реалий при переводе две: отсутствие в языке перевода соответствия (эквивалента, аналога) из-за отсутствия у носителей этого языка, обозначаемого реалией объекта (референта) и необходимость, наряду с предметным значением (семантикой) реалии, передать и колорит (коннотацию) – ее национальную и историческую окраску [1, с. 80].

Возможности перевода реалий, фактически встречающихся в переводах, сводятся к четырем основным случаям: транслитерация или транскрипция, создание нового (или сложного) слова на основе уже существующих в языке элементов, уподобляющий перевод, уточняемый в условиях контекста и гипонимический перевод (замена видового понятия на родовое). При переводе слов-реалий данного произведения автор использовал прием транскрипции и транслитерации.

Транскрипция довольно часто применяется в художественной литературе. Наиболее широко она применяется по отношению к знакомым реалиям: интернациональным, региональным – особенно если они отвечают правилу стилистической яркости. При удачном транскрибировании переводчик может добиться преодоления обеих упомянутых выше трудностей – передачи и смыслового содержания и колорита.

Транскрипция предполагает введение в текст перевода при помощи графических средств языка перевода соответствующей реалии с максимально допусаемым этими средствами фонетическим приближением к ее оригинальной фонетической форме: англ. “ale” и рус. “эль”.

При отсутствии в языке перевода буквы, обозначающей звук, по своему звучанию схожий со звуком в исходном тексте, применяются сочетания букв, дающие соответствующее звучание. Так, английское буквосочетание "th" передается в русском языке буквой "т", "q" – "кв", "sh" – "ш" и т.д. Например: "*Methodists*" – "*методистский*", "*squire*" – "*сквайр*", "*shilling*" – "*шиллинг*".

В некоторых случаях необходимо сочетать транскрипцию с дополнительными средствами осмысления, в частности это касается перевода реалий, являющихся "ложными друзьями переводчика". В эту группу, например, входят "...названия мер, весов и других величин измерения, созвучные в исходном языке и языке перевода, но не совпадающие по количеству" [3, с. 165].

Зачастую транскрипция сопровождается дополнительными средствами осмысления, когда даются комментарии для пояснения того или иного слова. В некоторых случаях, как, например, в данном романе, переводчик полагается на широту знаний читателя, приводя затранскрибированную реалию без каких-либо средств осмысления: типичная английская реалия "*sovereign*" передана как "*soveren*", поскольку в силу своей известности она обладает конкретной временной и национальной отнесенностью.

Переводчики используют способ транслитерации несколько реже, чем транскрипцию, поскольку передача звучания более способствует передаче национального компонента реалии, нежели передача графической формы: "*pony*" – "*пони*", "*college*" – "*колледж*", "*bull-dog*" – "*бульдог*". Эти реалии являются интернациональными и не нуждаются в дополнительных средствах осмысления.

Проблема исследования методов перевода реалий до сих пор остается открытой. Это связано не только с различными взглядами переводоведов на данный вопрос, но и с обилием факторов и нюансов, влияющих на его решение. Различные переводоведы спорили и до сих пор спорят о толковании самого понятия "реалия"; множество противоречивых мнений существует по вопросу классификации реалий (в частности, на основе каких признаков следует подразделять на группы, рассматриваемые языковые единицы). Спорным также является вопрос о выделении и разграничении непосредственно способов перевода реалий, а также о правомерности и необходимости применения того или иного приема и факторах, накладывающих на их употребление определенные ограничения.

Вопрос о переводе реалий вследствие своей спорности представляет собой большое поле для проведения самых разнообразных исследований, поскольку дать полный и абсолютный перечень приемов перевода реалий, указаний и пояснений к ним невозможно. Однако вследствие разнообразия этих языковых единиц и их индивидуальных особенностей приемы передачи реалий в язык перевода могут видоизменяться и соприкасаться друг с другом. Необходимо также отметить, что рассмотрение вопроса о способах перевода реалий на основе сопоставления словарного состава только двух языков (английского и русского) значительно сужает рамки проблемы.

Безусловно, при выборе способа перевода большую роль играет не только замысел автора текста, но и точка зрения автора перевода. Переводчик выбирает тот или иной прием, полагаясь на свой переводческий инстинкт, опираясь на полученные знания и накопленный в процессе работы опыт, поэтому окончательное слово, независимо от теоретических исследований, в большинстве случаев остается за переводчиком.

Таким образом, английские реалии представлены в русском переводе различными тематическими группами: названиями мер, денег, обращений, титулов, напитков, имен собственных и др. При их передаче переводчик пользуется способами транскрипции и транслитерации. Сохранение реалий в русском переводе дает возможность передать английский колорит, своеобразие эпохи, в которой происходит действие, отразить художественные достоинства романа.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Влахов, С.** Непереваемое в переводе: монография / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 341 с.
2. **Крысин, Л.П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин – М.: Эксмо, 2005. – 944 с.
3. **Латышев, Л.К.** Технология перевода / Л.К. Латышев – М.: НВИ-Тезаурис, 2000. – 287 с.

Поступила в редакцию 12.10.2009 г.

УДК 821.161.3.09

А.М. БУБЛИКАВА

СПЕЦЫФІКА АДЛЮСТРАВАННЯ РЭЧАІСНАСЦІ Ў ПАДЗЕЙНА-РАЗГОРНУТЫХ АПАВЯДАННЯХ ЯКУБА КОЛАСА 20 – 30-х гг.

Вылучаныя ў навуковым артыкуле асаблівасці стыле- і формаўтварэння падзейна-разгорнутых апавяданняў Я. Коласа 20 – 30-х гг. XX ст. былі абумоўлены мастацкім мысленнем пісьменніка. Аднак, акрамя таго, знаходзіліся ў залежнасці ад спецыфікі грамадскай свядомасці і дамінуючых формаў яе мыслення: грамадска-палітычныя ўстаноўкі непазбежна ўплывалі на характар мастацкага адлюстравання з’яў рэчаіснасці, што прыводзіла альбо да трансфармацый стылю і формы апавяданняў, альбо да змен функцый, якія выконваліся элементамі стылёвай і формаўтваральнай сістэмы ў розныя гады.

Уводзіны

Вялікія гістарычныя змены, што адбываліся ў 20 – 30-я гг. XX ст., абумовілі кірунак далейшага развіцця духоўнай культуры беларусаў і літаратуры ў прыватнасці. Рэчаіснасць патрабавала ад пісьменнікаў больш шырокага паказу падзей. Таму для “малой” прозы гэтага часу было

характэрным выкарыстанне падзейна-разгорнутага апавядання (Падрабязная характарыстыка твораў названай жанравай мадыфікацыі ў беларускай прозе пач. ХХ ст. (“рэалістычны ўзровень”) прыводзіцца А. Макарэвічам [1, с. 126-159]).

Якуб Колас заўсёды імкнуўся да панарамнага апісання рэчаіснасці, малюнкавасці і аб’ёмнасці пісьма, што зрабіла падзейна-разгорнутае апавяданне вельмі прыдатнай формай для адлюстравання пісьменнікам індывідуальнага бачання рэалій свету.

Асноўная частка

Сярод твораў названай жанравай мадыфікацыі Я. Коласа 20 – 30-х гг. найбольш прадстаўлены апавяданні на бытавую тэму (напрыклад, “Чоран”, “З боку ад жыцця”, “Агатка”, “Адукацыя”, “Туды, на Нёман!”, “Арыніна перамога”, “Кінахроніка”, “Макарка Навак”); зрэдку сустракаюцца творы на ваенную тэму (напрыклад, “Сяргей Карага”), бо ў эпоху міжваенных дзесяцігоддзяў гэтая тэма не была такой актуальнай, як у папярэдні і наступны перыяды. Пераважная большасць твораў пісьменніка 20 – 30-х гг. прасякнута сацыяльнай праблематыкай, а таму сацыяльная заостранасць з’яўляецца вызначальнай прыкметай падзейна-разгорнутых апавяданняў Я. Коласа гэтага часу. Існуе сэнсавая перакрываванасць паміж творамі. Больш таго, у кожным новым апавяданні вырашэнне пэўных сацыяльных праблем атрымлівае сваё далейшае развіццё (Падобныя заўвагі адносна падзейна-разгорнутых апавяданняў Я. Коласа на ваенную і бытавую тэму, напісаных у пачатку ХХ ст., робіць А. Макарэвіч [1, с. 130]).

Творы названай мадыфікацыі ў 20-я і 30-я гг. не былі адназначнымі не толькі па сваім ідэйна-мастацкім змесце, але і па стылёвых, структурных асаблівасцях, што яскрава выяўляла спецыфіку мастацкага асэнсавання рэчаіснасці Я. Коласам.

Паводле вызначэнняў І. Навуменкі, апавяданні Я. Коласа 20-х гг. прыкметна вылучаліся на фоне тагачаснай прозы, асабліва маладнякоўскай, духам памяркоўнасці, разважлівасці. У яго творах няма эмацыянальных “выбухаў”, звязаных з паказам хуткаплынных перамен у сялянскай псіхалогіі. Творы пабудаваны на канфлікце, дзе сутыкаюцца мараль, ідэалогія старая і новая, прынесеная рэвалюцыяй, з ідэаламі і перспекывамі сацыялістычнага будаўніцтва (аб гэтым гл.: [2, с. 195]).

Светаўспрыманне пісьменніка ў 20-я гг. набліжалася да народнага. Аб гэтым сведчыць выкарыстанне аўтарам эпізодаў з вясковага жыцця, сакавітай вобразнай народнай мовы, яркай трапнай дэталі замест грувацкіх апісанняў і тлумачэнняў. Народная мудрасць і мараль – гэта тая мерка, пры дапамозе якой аўтар ацэньвае ўчынкi сваіх герояў. Напрыклад, у падзейна-разгорнутым апавяданні “Чоран” сюжэт пабудаваны па прыцыпе “злачынства і пакарання”. Аднак, у адрозненне ад вядомага твора Дастаеўскага, суд над “злачынцам” здзяйсняе само жыццё. У выніку свайго непаслушэнства шкадлівы хлопчык Цімох губляе самае дарагое

для яго – бычка Чорана. Апавяданне носіць павучальны характар, што таксама было характэрна і для ранніх апавяданняў Я. Коласа.

У падзейна-разгорнутых апавяданнях 20-х гг. аўтар не “разжоўвае” чытачу тых ці іншых высновы, да якіх прыходзіць сам, а пакідае за ім права на самастойныя вывады, арыентуе яго на сутворчасць, падводзіць рэцыпіента да развіцця яго асабістай сэнсавай канцэпцыі на падставе прачытанага ў кантэксце гістарычнай рухомасці мастацкага твора. Шляхам стварэння псіхалагічнага напружання ў сваіх апавяданнях пісьменнік набліжае чытача да стану эмацыйнай узрушанасці. У такім стане рэцыпіент ужо не можа заставацца проста назіральнікам, ён адчувае сябе ў цэнтры падзей, прапускае кожны эпізод праз прызму сваёй сістэмы маральных каштоўнасцей.

Разгорнутыя апісанні прыроды не былі характэрнымі для падзейна-разгорнутых апавяданняў Я. Коласа 20-х гг. Кароткія пейзажныя замалёўкі, як правіла, выкарыстоўваліся пісьменнікам для стварэння пэўнага эмацыянальнага тону апавядання, які настройваў чытача на памяркоўнасць і разважлівасць, сур’ёзнае і ўдумлівае прачытанне твора. Акрамя таго, праз прыродаапісанні аўтар апасродкавана даваў ацэнку грамадска-сацыяльным адносінам персанажаў, а таксама ўжываў іх у якасці сродку псіхалагічнай характарыстыкі герояў апавяданняў.

Калі ў 20-я гг. Я. Колас быў песняром беларускага нацыянальнага адраджэння, “прарокам нацыі”, праўдзіва паказваў лёс народа ў пераломныя моманты гісторыі, то ў перыяд 30-х гг. з характэрным для яго татальным прэсінгам на свядомасць асобы пісьменнік адыходзіў ад ранейшых мастацкіх здабыткаў у бок павярхоўнасці адлюстравання праяў супярэчлівай рэчаіснасці. Аб’ектыўна не прымаючы гэтую рэчаіснасць, ён відавочна ўслаўляў яе. Аднак у такім услаўленні хаваецца яшчэ і нешта іншае; яно часам дае адваротны сэнсаўтваральны вынік: за прастатой стылю, павярхоўнасцю зместу хаваецца намёк на абсурднасць рэальнага (прататыпнага) жыцця. У залежнасці ад таго, што было першасным у творах 30-х гг. – аналітычнае ці прапагандысцкае, – складвалася і развівалася альбо ўстойлівая, альбо хісткая стылёвая сістэма ў межах жанравых мадыфікацый.

Традыцыйным элементам твораў “малой” прозы гэтага часу з’яўляліся разгорнутыя і кароткія рэтраспекцыі. Рэтраспекцыі ў падзейна-разгорнутых апавяданнях Я. Коласа 20 – 30-х гг. уплывалі на спосаб жанравага формаўтварэння, “вызначаючы” тып і асаблівасці жанравых мадыфікацый. Так, напрыклад, рэтраспекцыі падзейна-разгорнутых апавяданняў Якуба Коласа названага перыяду маюць формы апавядальных гісторый (“Крываваы вір”, “Арыніна перамога”, “Макарка Навак”, “Агатка”, “Хатка над балотам”), навел (“Чоран”, “Агатка”), абразкоў (“Дачакаўся”, “Макарка Навак”, “Арыніна перамога”, “З боку ад жыцця”, “Туды, на Нёман!”). Акрамя таго, Коласавым апавяданням уласцівы рэтраспекцыі ў форме аўтарскіх каментарыяў (“Чоран”), канстатацый (“Кінахроніка”, “Чоран”), сведчанняў (“Чоран”), абагульненняў (“Кінахроніка”, “Арыніна перамога”).

Па форме рэтраспекцыі падзейна-разгорнутых апавяданняў 20-х і 30-х гг. значных адрозненняў паміж сабой не мелі, аднак яны выконвалі розную сэнсаўтваральную ролю. Рэтраспекцыі падзейна-разгорнутых апавяданняў 20-х гг. садзейнічалі выяўленню прычынна-выніковых сувязей у творы, раскрыццю характараў галоўных герояў твораў. Напрыклад, рэтраспектыва апавядання “Крывавы вір” Якуба Коласа раскрывае прычыну ўчынку дзед Патапа, у выніку якога адбылося забойства Грышы.

Рэтраспекцыйны спосаб адлюстравання рэчаіснасці ў 30-я гг. выкарыстоўваецца з іншай мэтай: для надання сюжэту большай сацыяльнай заостранасці, для рэзкага супрацьпастаўлення прадстаўнікоў “новага” і “старога” свету (“Арыніна перамога”, “Макарка Навак”). У апавяданні “Арыніна перамога” рэтраспекцыі-ўспаміны паслядоўна нанізваюцца адна на адну і паступова ствараюць карціну змрочнага мінулага. Кожны наступны эпізод жыцця Арыны паказаны больш разгорнута ў параўнанні з папярэднім, выкарыстоўваюцца новыя мастацкія сродкі, што стварае ілюзію павольнага раскрыцця характару самой гераіні, аднак фактычна такое раскрыццё не здзяйсняецца. Эпізоды жыцця Арыны падаюцца вельмі падрабязна, уключаючы ў сябе і канкрэтныя факты, і ацэначныя аўтарскія характарыстыкі падзей, і думкі, пачуцці гераіні, што апасродкавана перадаюцца праз аўтарскі аповед і служаць не для раскрыцця характару вобраза Арыны, а для адлюстравання паслякастрычніцкай рэчаіснасці з пункту погляду савецкай ідэалогіі.

У цэнтры ўвагі Я. Коласа як у 20-я, так і ў 30-я гг. знаходзяцца людзі рознага ўзросту: ад дзяцей (Цімох – “Чоран”, Агатка – аднайменны твор, Макарка Навак – аднайменны твор) да старых (Дзед Патап, старая пані – “Крывавы вір”, дзед Павал – “З боку ад жыцця”, “Агатка”). Аднак глыбіня мастацкага раскрыцця характараў персанажаў – прадстаўнікоў супрацьлеглых сацыяльных груп залежыць ад дамінуючых грамадска-палітычных устаноў у тыя часы. У 20-я гг. вобразам прадстаўнікоў рознага сацыяльнага паходжання надавалася аднолькава важнае значэнне ў выкананні сэнсаўтваральнай функцыі. Я. Колас, вопытны псіхолаг і аналітык, імкнуўся пранікнуць ва ўнутраны свет створаных ім герояў, выразна выявіць іх характары, выкарыстоўваючы для гэтага шматлікія мастацкія прыёмы: унутраныя маналогі, дыялогі, мастацкія дэталі, апісанні знешнасці персанажаў і інш. Паміж радкоў чытаюцца аўтарскія адносіны да літаратурных герояў і падзей твора, якія паказваюцца як супярэчлівыя, шматпроблемныя і неадназначныя паводле сваёй выніковасці. Няма тут той катэгарычнасці і фармальнага падзелу людзей на добрых і дрэнных, якія навязвала савецкая ідэалогія. Паказальна тое, што глыбіню мастацкага адлюстравання рэчаіснасці можна прасачыць не толькі на прыкладзе асобных твораў, але і сукупнасці апавяданняў, адчуваецца, што аўтар імкнуўся асэнсаваць тую ці іншую праблему не раптоўна, а на працягу пэўнага часу. Напрыклад, апавяданні “Крывавы вір”, “Ванька Кудлаты” сведчаць, што для Я. Коласа “вір” – гэта не проста мастацкі вобраз, які трапна характарызуе

трагічнае становішча ў краіне, а вобаз, які “пульсуе” ў яго свядомасці, нараджае аб’ёмнае асэнсаванне сутнасці тагачасных грамадскіх праблем. У падзейна-разгорнутым апавяданні “Дачакаўся” голас аўтара-апавядальніка іншы раз зліваецца з голасам галоўнага героя твора Рамана Шулядзяка: літаратурны герой выконвае функцыю носбіта аўтарскіх поглядаў на рэчаіснасць, якая адлюстроўваецца ў творы. Дзякуючы гэтаму асэнсаванне гэтай рэчаіснасці самім Я. Коласам, адносіны да яе пісьменніка становяцца выразнымі і зразумелымі для чытача.

У 30-я гг. вобразы “новага” і “старога” свету супрацьпастаўляюцца. Так, напрыклад, у апавяданні “Макарка Навак” кантрастнасць аповеду дасягаецца шляхам супрацьпастаўлення вобразаў поля з рэтраспекцыі-абразка і рэальнага плану. З гэтай жа мэтай уводзіцца штучны вобраз трактарысткі Марыны Кунашкі. З’яўленне такой герані ўжо само па сабе супярэчыць традыцыйным уяўленням беларусаў аб ролі і прызначэнні жанчыны ў грамадстве: жонкі, маці, гаспадыні. Наогул характары падзейна-разгорнутых апавяданняў 30-х гг. схематычныя, павярхоўныя (Макарка Навак – аднайменнае апавяданне, Арына – “Арыніна перамога”, Ева – “Кінахроніка”), далёкія ад мастацкага іх развіцця. У гэтым, з аднаго боку, бачыцца вынік маральнага кампрамісу, на які давялося пайсці пісьменніку ва ўмовах ідэалагічнага ўціску, бо ўзнікала неабходнасць хаваць за схемамі і штампамі жывыя чалавечыя характары, праз грунтоўнае раскрыццё якіх выявіўся б светапогляд пісьменніка. З другога боку, схематызм, прастата, стылёвая і формаўтваральная штампаванасць – гэта своеасаблівыя формы аўтарскіх ацэнак рэчаіснасці, якія адлюстроўваюцца ў творы. Тут, думаецца, праяўляецца асабліва такая важная рыса літаратуры таталітарнага грамадства, як адлюстраванне сутнасці ідэйнага зместу праз відавочную мастацкую схему, якая характарызуе відавочную схему пэўных з’яў, абсурду рэальнага жыцця. У такога кшталту літаратуры ўтрымліваецца апасродкаваны эпатаж. Такая схаваная форма эпатажу-здзеку разлічана на сутворчасць з дасціпнай рэцэпцыйнай свядомасцю. Прастата і сэнсаўтваральны схематызм, якія грунтуюцца на выкарыстанні адпаведных формаўтваральных сродкаў, – гэта своеасаблівы спосаб характарыстыкі сутнасці праяў новага часу і грамадскай свядомасці.

Заклучэнне

Стылёвыя і формаўтваральныя асаблівасці падзейна-разгорнутых апавяданняў Я. Коласа 20 – 30-х гг. знаходзяцца ў прамой залежнасці не толькі ад мастацкага мыслення пісьменніка як суб’ектыўнай данасці, а таксама і ад спецыфікі грамадскай свядомасці і дамінуючых формаў яе мыслення. Сутнасць мыслення прататыпнай рэчаіснасці, сутнасць адносін да жыцця герояў новага часу адлюстроўваюцца праз характэрныя для гэтага часу формы выказвання, ацэнкі і інш. Вобразы-штампы, формы-калькі, адпаведная лексіка ў прааналізаваных апавяданнях Я. Коласа 30-х гг. – гэта, верагодна, своеасаблівыя сродкі дасягнення такога стылё-

вага эфекту, які падводзіць рэцыпіента да разумення сутнасці з'яў, адлюстраваных Я. Коласам, ацэнкі іх з пазіцыі аб'ектыўнасці, а не зададзенай рэпрэзентацыйнасці. Спрошчаныя форма, стыль і змест такіх падзейна-разгорнутых апавяданняў, як "Макарка Навак", "Арыніна перамога", "Кінахроніка" – гэта сведчанне сутнасці формы, стылю і зместу праяў новага жыцця.

ЛІТАРАТУРА

1. **Макарэвіч, А.М.** Праблема жанравых мадыфікацый у беларускай прозе XIX – пачатку XX ст.: манаграфія / А.М. Макарэвіч. – Магілёў, 1999. – 332 с.
2. **Навуменка, І.** Якуб Колас: Нарыс жыцця і творчасці / І. Навуменка. – Мн.: Нар. асвета, 1982. – 208 с.

Паступіў у рэдакцыю 29.07.2005 г.

SUMMARIES

Bondarenko K.M. MODERN NATIVE HISTORIOGRAPHY OF THE MONARCHICAL MOVEMENT IN RUSSIA AND BELARUS AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY.

The author of the article analyses practically all known literature devoted to the study of the history of the monarchical movement in Russia and Belarus at the beginning of the XXth ct. A special attention is paid to defining problems which in one way or another have been examined in works of Belarusian historians. The extent and depth of their researches are shown.

The article includes propositions which characterize the author's point of view on the assessments, conclusions, and generalizations presented in the literature under consideration. The work determines a range of the least investigated problems in the study of the monarchical movement in Belarus, which need a more detailed research.

Bublikova E.N. SPECIFICITY OF REFLECTION OF THE REALITY IN EVENT-DEVELOPED STORIES OF THE 20 - 30ies BY YAKUB KOLAS.

In this article the author characterizes features of style and form-building system of the event-developed stories of the 20 - 30ies of the 20th century of the belorussian writer Yakub Kolas in order to show the specificity of reflection of the reality in these works.

Burakov V.N. LIMITATION OF THE RIGHT TO USE LIVING-SPACE IN THE BYELORUSSIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC IN THE 1920ies.

The article deals with the infringements of the law involving the allocation of living-space and restriction of the right to use the dwelling in the BSSR in the period of new economic policy. In the conditions of the housing crisis and slow development of construction the government was forced to impose restriction in the use of living-space. Since the first years of Soviet power housing standard for one person was established in accordance to which compression of available housing through its distribution among those who needed assistance was pursued. There was also eviction of certain categories of people depending on occupation, class belonging and confiscation of part of privately-owened living-space to municipal property was conducted.

Elopov A.P. SOVIET EPOCH IN THE ESTIMATION OF MODERN ORTHODOX AUTHORS.

The article is devoted to the phenomenon of the modern orthodox anti-sovetism. The author determines its place in the social strategy and inner disagreements of the Russian Orthodox Church.

Esionova Y.B. ENGLISH REALITIES INTRODUCED IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF THE NOVEL BY E. BRONTË "WUTHERING HEIGHTS".

The article deals with the English realities introduced in the Russian translation of the novel by E. Brontë "Wuthering Heights" by different topical groups: the names of measures, money, titles, forms of address, drinks, proper nouns and the ways of their translation into Russian. A detailed classification of these realities based on the works of the famous specialists in translation S. Vlahov and S. Florin is given here.

Golovach E.I. TACTICS AND VIEWS OF THE SOCIETY "THE PEASANT" ON AGRARIAN AND PEOPLE'S EDUCATION PROBLEMS.

The views of the members of the Vilnya society "The Peasant" on the solution of agrarian and people's education problems are examined in the article. The author notes that the magazine "Peasant" founded by the society as well as meeting and congresses devoted much attention to the questions under review. The author comes to the conclusion that the members' views on the raised problems coincided with the official policy of the government.

Lavshuk O.A. CONVERSATION OF MODERN RUSSIAN-SPEAKING POETRY OF BELARUS.

The article is actual investigation for modern Belarusian literary criticism of genre forms of poetry. The connection of modern Russian-speaking poetry of Belarus with the Byelorussian and Russian poetic traditions that affect the genre nature of texts is shown. It is proved that the majority of poetic texts are made with the traditional poetic genres created in a channel of philosophical and meditative lyrics, but meet both experimental verses, and poetic works, which genre is not classified.

Marozka K.V. THE MAINTENANCE OF THE PARISH CLERGY IN MINSK ORTHODOX EPARCHY IN THE 2ND HALF OF THE 19TH CENTURY – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.

The article is devoted to the financial position of the orthodox clergy in Minsk eparchy. After 1861 parishioners stopped performing their duties (cultivation of the lands, renovation and heating of the parish accommodation). The peasants were in serfdom and their obligations to the greater extent were attributed to the landowners, who were not disposed to help the orthodox clergy. This fact worsened the material position of the priests. For their effective activities it was necessary to change their financial state for the better. The aim of the article is to analyze government measures and acts of the Office for the Orthodox Priesthood Affairs, which were aimed at providing new conditions of support for clergy of Minsk Orthodox eparchy in the 2nd half of the 19th century – beginning of the 20th century.

Morozova O.P. MUSICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN MOGILEV AT THE END OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.

The article deals with the work of musical educational institutions in Mogilev at the end of the 19th and beginning of the 20th century. We introduce the names of the musicians who established private schools and courses in the town, the names of the teachers of music at these educational institutions and characterize their pedagogical and performance activity as well as their pupils' performance. The article provides new information and facts to study the history of music education in Belarus.

Rier Y.G. TO THE PECULIARITIES OF THE WEST AND EAST OF EUROPE IN THE MIDDLE AGES: SOME REMARKS ON THE NEW BOOK ABOUT THE GOLDEN HORDE

Analyzing the book by E.S. Kulpin "The Golden Horde: The Problems of the Origin of the Russian State" (Moscow, 2007) the author compares the peculiarities of the medieval development of Western and Eastern Europe. The importance of Kulpin's research of the system "environment-society" on the pattern of the Golden Horde is pointed out. The author also indicates Kulpin's idealization of the Horde which is probably based on its superficial comparison with the medieval history of Western Europe.

Rogovtsov V.I. VERBAL MEANS OF CREATING A COMIC EFFECT IN THE PLAY BY K. GUBAREVICH "THE BREST FORTRESS".

Different verbal means (specialized and non-specialized) are used for creating a comic effect in the play by Byelorussian playwright K. Gubarevich "The Brest Fortress". An important role in revealing the comic connotation belongs to special means (means of verbal and non-verbal context); intensification of such connotation is achieved through intensifiers (a concentrated and combined use of lingual means).

Shalodonova J.S. FOOD IMAGES IN LITERARY WORKS BY Y. KOLAS AND N. GOGOL: SOME ASPECTS OF LITERARY PERSONIFICATION.

Sense potential and functional possibilities of the food images in the idea and plot organization of Y. Kolas and N. Gogol's literary works are analyzed in the article. It is stated that the human's spirituality can be also revealed through the meal. It gives the opportunity to put the images out of the gastronomic meaning into the sphere of existence.

Shuboderova A.M. THE CLASSIFICATION OF PUNS: ACTUAL QUESTIONS.

The article deals with the classification of puns. The research was conducted with purpose of linguistic description of different types of the puns (lexical, phraseological, syntactic and combined). The ways and methods of forming puns are analyzed.

Zaremskiy V.K. ORGANIZATION OF WOMEN'S WORK AT POST AND TELEGRAPH INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE.

In the Russian Empire the post and the telegraph became the first institutions which began to give employment to women. This article deals with women's work organization, their legal, professional and social status. Some facts of such work in Minsk, Mogilev and Grodno provinces are used in the article as examples.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- БАНДАРЭНКА**
Канстанцін Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, рэктар МДУ імя А.А. Куляшова
- РЫЕР**
Якаў Рыгоравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова
- МАРОЗЬКА**
Кацярына Уладзіміраўна – аспірант кафедры гісторыі Беларусі БрДУ імя А.С. Пушкіна
- БУРАКОЎ**
Віктар Мікалаевіч – аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- МАРОЗАВА**
Вольга Пятроўна – кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры методыкі музычнага выхавання, тэорыі музыкі і ігры на народных інструментах МДУ імя А.А. Куляшова
- ГАЛАВАЧ**
Алена Іванавіч – аспірант кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- ЗАРЭМСКІ**
Уладзімір Канстанцінавіч – старшы выкладчык Магілёўскага педагагічнага факультэта Беларускай акадэміі музыкі
- ЯЛОПАЎ**
Аляксандр Пятровіч – асістэнт кафедры філасофіі, гісторыі, паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту
- РАГАЎЦОЎ**
Васіль Іванавіч – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова
- ЛАЎШУК**
Аксана Анатольеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры рускай і замежнай літаратуры МДУ імя А.А. Куляшова
- ШАЛАДОНАВА**
Жанна Сяргееўна – кандыдат філалагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута мовы і літаратуры імя Я. Купалы і Я. Коласа
- ШУБАДЗЁРАВА**
Ала Міхайлаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова
- ЕСІОНАВА**
Юлія Віктараўна – аспірант кафедры тэорыі і гісторыі мовы БДПУ імя М. Танка
- БУБЛІКАВА**
Алена Мікалаеўна – рэдактар дырэкцыі радыё РУП РТЦ «Тэлерадыё-кампанія "Магілёў"»

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
С.П. Зубрыў

Тэхнічны рэдактар *Г.М. Гладун*
Камп'ютэрны набор і вёрстка *А.Л. Пазнякоў*
Карэктары: *Г.В. Цецерукова, І.Г. Каржова*

Падпісана да друку *15.03.2010* г.
Фармат 70x108^{1/16}. Папера афсетная. Гарнітура *Peterburg*.
Ум.-друк. арк. 9,0. Ул.-выд. арк. 6,5. Тыраж 100 экз. Заказ *103*

Установа адукацыі "Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова", 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
ЛІ № 02330/278 ад 30.04.2004 г.

Надрукавана ў аддзеле аператыўнай паліграфіі
УА "МДУ імя А.А. Куляшова". 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.